

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ISSN 0453-8048
ISSN 0320-8281

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

343'89

ИСТОРИЯ

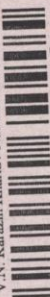
ВЫПУСК 23

«Выща школа»

І р. 30 к.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00290046

5

ISSN 0453-8048, ISSN 0320-8281, Вестн. Харьк. ун-та. 1989. № 343. История.
Вып. 23. 1—112.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 343

ИСТОРИЯ

Основан в 1964 г.

ВЫПУСК 23

92

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
1989

В вестнике рассматриваются вопросы социалистических преобразований на Украине в 20-х годах, актуальные проблемы советской историографии, новейшей истории зарубежных стран, истории античного общества и археологии.

Для преподавателей, научных работников, специалистов.

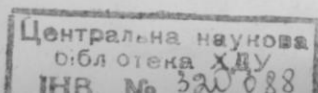
Редакционная коллегия: канд. ист. наук доц. *В. И. Булах* (отв. ред.), канд. ист. наук доц. *Ю. А. Голубкин* (отв. секр.), канд. ист. наук доц. *Ю. И. Журавский*, д-р ист. наук проф. *В. И. Кадеев*, д-р ист. наук проф. *А. Е. Кучер*, д-р ист. наук проф. *Б. К. Мигель*, д-р ист. наук проф. *Г. Н. Попов*, д-р ист. наук проф. *И. К. Рыбалка*, д-р ист. наук проф. *И. Л. Шерман*

Адрес редакционной коллегии: 310077 Харьков, пл. Дзержинского, 4, университет, исторический факультет, тел. 45-71-66
Редакция общественно-политической литературы

Зав. редакцией *Л. Н. Авраменко*

0501000000—000
В М226(04)—89 Заказное

© Харьковский государственный университет, 1989

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ В 20-е гг.

В решении задач революционной перестройки и обновления социализма, значительная роль принадлежит кооперации, в частности сельскохозяйственной. Кооперативная собственность далеко не исчерпала своих возможностей в социалистической экономике и ныне восстановлена в своих правах. М. С. Горбачев, выступая на встрече с руководителями средств массовой информации, сказал, что В. И. Ленин в кооперации видел один из способов соединения социализма с интересами человека. Этим принципом руководствуется партия и теперь, в период перестройки, сознавая, что дело не пойдет, если надежно не соединить общественную собственность с материальными интересами человека и его интересами как личности [25, 1987, № 12, с. 6].

В советской исторической литературе, посвященной претворению в жизнь ленинского кооперативного плана, истории сельскохозяйственной кооперации уделяется недостаточное внимание [7, 12, 18, 21, 22 и др.]. Первые оценки деятельности сельскохозяйственной кооперации в украинском селе были даны практиками, в работах которых утверждался взгляд на сельскохозяйственную кооперацию как на активный элемент экономики переходного периода, через который государство воздействовало на крестьянское хозяйство. Практики, историки, экономисты обращали главное внимание на вопросы кредитной деятельности сельскохозяйственной кооперации, снабжения крестьянства средствами производства. Были сделаны первые попытки обобщения деятельности сельскохозяйственной кооперации в крестьянской среде на Украине [13—15 и др.]. В литературе второй половины 30-х — начала 50-х годов вопросы истории сельскохозяйственной кооперации рассматривались исключительно с точки зрения создания предпосылок массового вступления крестьян и колхозы. Недостаточное внимание к истории сельскохозяйственной кооперации объясняется, очевидно, тем, что ее развитие было оборвано в конце 20-х годов, когда развернулась сплошная коллективизация. Поэтому, как правило, развитие сельскохозяйственной кооперации рассматривается в работах по истории коллективизации в качестве ее подготовительного этапа [7, 8, 17, 18, 21, 22 и др.].

Комплекс источников, содержащих материалы о развитии сельскохозяйственной кооперации в украинском селе в 1921—1929 гг., включает документы ЦК КПСС и ЦК Компартии Украины, высших государственных и кооперативных органов, статистические данные [2, 3, 10, 24—26]. Они несут различную по количеству и качеству информацию о разных сторонах деятельности сельскохозяйственной кооперации.

Установление советской власти и осуществление аграрной революции привели к коренным изменениям в украинском селе. К нача-

лу 1921 г. на Украине было окончательно ликвидировано помещичье землевладение, землепользование трудящегося крестьянства увеличилось почти на 85 %. Значительная часть конфискованного инвентаря также перешла в пользование крестьянства. Все это привело к резкому расширению производственных возможностей индивидуальных крестьянских хозяйств. Вследствие аграрных преобразований произошли и глубокие социальные изменения: исчезли безземельные хозяйства, резко сократились беспосевные, безинвентарные, безлошадные при одновременном сокращении удельного веса многоземельных и богатых скотом хозяйств. «...Крестьянство стало в общем в положение середняка», — подчеркивал В. И. Ленин [1, т. 43, с. 60].

Одновременно в результате разрушительных империалистической и гражданской войн и ряда других причин сельское хозяйство республики оказалось в состоянии глубокого упадка. Следствием этого стало сокращение посевных площадей, снижение валовых сборов сельскохозяйственных культур, урожайности, уменьшение поголовья скота, товарности. Все это остро поставило проблему подъема сельского хозяйства.

Практика показала, что мелкие земледельцы не могут жить без обеспечения мелкого хозяйства известной системой оборота. Эти условия создавал нэп. В. И. Ленин указывал: «На нас сейчас истории возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие. Всегда в истории великие политические перевороты требовали длинного пути на то, чтобы их переварить... Нужно, чтобы вся крестьянская масса помогла нам переварить то величайшее политическое завоевание, которое мы сделали... Тут работа целых десятилетий... Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях, в которых мы вели военную работу» [1, т. 44, с. 326—327].

Продумать эту работу в условиях нэпа предстояло кооперации. На X съезде РКП(б) В. И. Ленин указывал на необходимость вдумчивого и осторожного подхода к определению конкретных путей развития кооперации, изучения и испытания их на практике. В. И. Ленин рассматривал кооперацию как средство подъема крестьянского хозяйства, как более выгодную по сравнению с частной торговлей форму экономической связи социалистической крупной промышленности с мелким крестьянским хозяйством, как путь к социалистическому обновлению крестьянского хозяйства. «Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения», — писал В. И. Ленин [1, т. 43, с. 227]. В работе «О кооперации» он подчеркнул, что кооперация «в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом», что «при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве» [1, т. 45, с. 375—376].

Вопрос о кооперации не сходил с повестки дня партийных съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б) и ЦК Компартии

Украины. Подчеркивая значение развития кооперации, даже самых простых ее форм, XXIII съезд предостерегал, однако, «против всякой нерасчетливой спешности, излишней регламентации, всякой погони за формой и за числом, часто могущих задержать действительное кооперирование крестьянства» [2, т. 2, с. 77]. Были сделаны выводы о большом влиянии сельхозкооперации на подъем сельского хозяйства, об укреплении с помощью сельхозкооперации середняцких и бедняцких хозяйств, подчеркивалась жизнестойкость и экономическая оправданность всех форм кооперации, в том числе простейших [3, с. 329]. Обобщение опыта уже к середине 20-х годов показало, что начинать надо «... с менее сложных объединений, которые постепенно, по мере их хозяйственного и политического созревания, будут переходить из более простых в более сложные» [Там же]. Провозглашался принцип недопустимости «административного вмешательства, подрывающего, особенно в деревне, доверие населения к кооперации» [3, с. 334].

Развивая идеи ленинского кооперативного плана, XV съезд партии отметил, что кооперация, особенно сельскохозяйственная, является наилучшей формой экономического массового объединения крестьянства, развития его самостоятельности и инициативы, формой его хозяйственного и культурно-политического просвещения, вовлечения в социалистическое строительство [2, с. 58].

В 20-х годах на Украине создавалась, функционировала и совершенствовалась широкая система сельскохозяйственной кооперации. Декретом ВУЦИК и СНК УССР от 26 октября 1921 г. она была выделена из системы потребительской кооперации. Сельскохозяйственные кооперативы получили право объединения как по территориальному, так и по производственному принципу. Центром, объединившим все формы кооперации, стал «Сельский господарь» — Всеукраинский союз сельскохозяйственной кооперации, созданный по постановлению ВУЦИК 17 марта 1922 г.

Опыт Украины уже в первые годы нэпа дал большое разнообразие форм кооперации. Состоявшийся в апреле 1924 г. Пленум ЦК КП(б)У по докладу специальной комиссии записал, что господствующими формами коллективного хозяйства должны быть тозы, машинно-прокатные пункты и товарищества, кооперативные объединения по видам производства. В 1925 г. важнейшими видами сельскохозяйственной кооперации для Украины стали кредитная, с дополнительными снабженческими функциями, и свекловичная (и других технических культур). При этом признавалось, что нужно создавать первичные кооперативные товарищества маслоделов, птицеводов, яичные, свиноводов [3, с. 331]. После изучения опыта торговли в кооперации было признано целесообразным полностью передать потребительской кооперации торговлю предметами общего пользования, а сельскохозяйственную кооперацию сосредоточить на торговле сельскохозяйственными машинами, семенами, т. е. товарами для производства [Там же].

Низовая сеть сельскохозяйственной кооперации на Украине конца 20-х годов состояла из универсальных товариществ, выпол-

нявших снабженческо-сбытовые, кредитные и производственные функции, и специализированных товариществ, охвативших основные отрасли сельскохозяйственного производства.

В процессе кооперативного строительства совершенствовалась и структура высшего звена сельскохозяйственной кооперации. С 1925 г. «Сельский господарь» стал центральным органом и по всем хозяйственным снабженческим операциям. Расширение сети специальных производственных товариществ обусловило создание окружных союзов и кооперативных центров специальных видов кооперации. В октябре 1924 г. был создан «Добробут» — Всеукраинское животноводческо-молочное кооперативное объединение, реорганизованное в 1926 г. во Всеукраинский союз животноводческо-молочной кооперации. Этот союз занимался заготовкой, переработкой и реализацией продукции животноводства. В октябре 1925 г. образовался «Плodosоюз» — Всеукраинское объединение садово-огородных, виноградарских и пчеловодческих кооперативов. Были созданы и другие центры специальных видов кооперации. По мере развития сельхозкооперации достраивались ее различные звенья. Так, в апреле 1928 г. для улучшения агрономического обслуживания кооперативов был создан специальный аппарат «Кооперативная агрономия» [5, с. 144]. В сельскохозяйственной кооперации к 1927 г. работало около 23 тыс. аграрников, техников, инструкторов и 20 тыс. крестьян, которые окончили разные сельскохозяйственные курсы [26, ф. ЦК КНС, д. 99, с. 53].

Серьезные сдвиги в развитии сельскохозяйственной кооперации произошли после XV съезда партии. Широкое распространение получили специальные производственные товарищества: свекло-сеющие, машинно-тракторные, молочные, семенные, садово-огороднические, мелиоративные и др. Каждая форма кооперации по-своему выражала интересы трудового крестьянства и являлась этапом на пути создания и утверждения социалистических производственных отношений в деревне.

Количество свекловичных объединений с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. возросло на 41,9 %, молочно-животноводческих — на 48,5 %, садово-огородных — на 56,6 %. Если на 1 октября 1927 г. насчитывалось 4583 простейших объединений, то на 1 октября 1928 — 6725, а к весне 1929 г. — около 11 тыс. [26, ф. 539, д. 61, л. 12; ф. 558, д. 2, оп. 1, л. 61]. По районам Украины на 1 октября 1928 г. количество таких объединений распределялось следующим образом: в Полесье — 663, на Правобережье — 2684, на Левобережье — 1608, в Степи — 1770. Наиболее быстро развитие всех форм кооперации шло на Правобережье, наиболее медленно — в Полесье, самом слаборазвитом аграрном районе республики [26, ф. 539, д. 61, л. 13].

В развитии простейших сельскохозяйственных объединений большую роль сыграла кредитная политика Советской власти. По данным Укрсельбанка, кредиты на развитие этих объединений в 1924/25 г. составляли 0,8 млн. р., в 1925/26 г. — 3,3 млн. р., в 1926/27 г. — 11,9 млн. р.; в 1927/28 г. — 19,3 млн. р. [26, ф. 539,

д. 61, л. 21]. Таким образом, сумма кредитов за эти годы возросла более чем в 20 раз, что, несомненно, способствовало быстрому развитию сельскохозяйственной кооперации.

В руках сельскохозяйственной кооперации все более сосредоточивалось (а с 1926 г. — полностью) снабжение села средствами производства. В 1924/25 г. совхозы, артели, машинно-тракторные и кредитные товарищества, комнезамы и комитеты взаимопомощи получили через сельскохозяйственную кооперацию 3208 тракторов, из которых 3070 было закуплено кооперацией за границей. К 1927 г. количество тракторов увеличилось на Украине до 7750, из них в кооперативном секторе было 60 % [26, ф. ЦК КНС, д. 92, л. 41].

В 1927 г. через кооперацию было продано 85 % всех сельхозмашин. Кроме того, через кооперацию Советское государство влияло на улучшение агротехники, рост посевов интенсивных культур. Предприятия сельскохозяйственной кооперации перерабатывали огромное количество полеводческой и животноводческой продукции по льготным ценам для бедняков и середняков. Сельскохозяйственные кооперативные объединения отпускали крестьянам в большом количестве чистосортное зерно и племенной скот. При кооперативных союзах было много прокатных пунктов, где крестьяне, особенно беднота, могли брать на льготных условиях инвентарь и машины.

Важным средством кооперирования крестьянского производства, подчеркнул XV съезд ВКП(б), была контрактация сельскохозяйственной продукции [2, с. 59]. Через нее крестьяне реализовывали излишки и снабжались инвентарем и промышленными товарами, что стало одним из путей смычки между городом и деревней. В 1925/26 г. государством было законтрактовано более 80 % посевов свеклы. С 1928 г. были законтрактованы большие площади под зерновыми культурами, что имело немаловажное значение и для создания стабильных продовольственных фондов страны. Контрактация посевов пшеницы составила в 1928/29 г. 28 % посевных площадей, ячменя — 22,4, овса — 22,5 %, что в целом было в 2,5 раза больше, чем в предыдущем году. Кроме того, контрактацией в 1928 г. было охвачено 30 тыс. га сахарной свеклы, 14,4 тыс. га других технических культур, 8 тыс. га овощей [26, ф. 27, оп. 1, д. 36, л. 4]. Всего контрактацией в республике в 1928/29 г. было охвачено более четверти всех посевных площадей зерновых и технических культур [26, ф. 582, д. 404, л. 57—58]. В контрактацию активно втягивались бедняцко-середняцкие хозяйства. Примечательно, что с 1928/29 г. широкое распространение получила безавансная контрактация, охватившая 83,6 % всех законтрактованных площадей. Факт этот свидетельствует об укреплении экономических позиций крестьянских хозяйств.

В 1926/27 г. государством и кооперацией было заготовлено 82,5 % всей товарной продукции хлеба и 39,1 % других сельскохозяйственных культур. Об успехах сельскохозяйственной кооперации в области сбыта говорят такие данные: общий оборот ее

в 1924/25 г. составил 180 млн р., в 1925/26 — 377 млн р., В общем товарообороте Украины оборот сельскохозяйственной кооперации в 1926 г. достиг 40 % [23, с. 268]. Кооперация работала на социализм, создавая новые экономические отношения и решая, таким образом, одну из самых трудных задач в строительстве социализма.

Кооперированные крестьянские хозяйства получали более высокий урожай, так как имели большие возможности приобретать сортовые семена, улучшать сельскохозяйственные орудия. Кроме того, кооперация предоставляла своим членам более выгодные условия сбыта продукции. В зерновых районах широко применялись премии за своевременную поставку сельхозпродуктов государству, а также система кооперативной доплаты к заготовительным ценам на хлеб. В итоге средний душевой доход в кооперированном хозяйстве к 1928 г. составил 315 р., а в некооперированном — 259 р. [17, с. 112]. Неудивительно, что рос интерес крестьян к кооперации: в 1925 г. 25 %, в 1926 33 %, в 1927 г. 41 % всех крестьянских хозяйств вошли в систему сельскохозяйственной кооперации [23, с. 54]. К осени 1929 г. сельскохозяйственной кооперацией было охвачено в республике почти две трети крестьянских хозяйств, а всеми видами кооперации, включая потребительскую, — более 85 % хозяйств [9, с. 160]. Середняки и беднота составляли по данным на 1928 г. 80 % всех членов [24, с. 80], но наиболее заметные сдвиги в улучшении условий производства происходили именно здесь. Это был величайший и невиданный в истории рост хозяйственной организованности и самостоятельности крестьянских масс. Столь широкий размах кооперирования имел большое значение для подъема производительных сил сельского хозяйства, в борьбе с кулачеством, для политического и культурного перевоспитания крестьянства в духе социализма.

В сельскохозяйственной кооперации особое место занимали машинно-тракторные товарищества (МТТ), в которых были обобществлены тракторы и сложные сельскохозяйственные машины. Они позволяли использовать эту технику в хозяйствах бедняков и середняков, избавляя их от кулацкой зависимости. Рост МТТ начался со середины 20-х годов; в 1926 г. было создано уже 3843 МТТ. Причем середняки и беднота составляли здесь 95 %. Наибольшее число этих объединений было создано к 1927 г. — 5028 [26, к. 27, д. 479, оп. 1, л. 3]. С 1928 г., в связи с распределением основного количества (а с 1929 г. — всех) тракторов непосредственно коллективным объединениям, тракторным колоннам совхозов, а позже — МТС, численность МТТ стала уменьшаться. С конца 1929 г. Наркомзем прекратил их регистрацию, т. е. развитие МТТ было прервано административным решением. Крестьянство пыталось компенсировать ликвидацию т. е. развитие МТТ было прервано административным решением. Крестьянство пыталось компенсировать ликвидацию МТТ созданием машинно-тяговых товариществ, где коллективно использовались тяговая сила и простые машины. Это стало новым явлением в развитии простых

форм кооперации и свидетельством многообразия живого творчества масс. Такие формы создавались с 1928 г., когда значительно ухудшились возможности деятельности МТТ, и до конца 1929 г., когда их деятельность также была прервана в связи с проведением политики массовой коллективизации [26, ф. 27, д. 36, л. 4].

Что касается развития сельскохозяйственной кооперации от простых к высшим формам — колхозам, то здесь пока полной ясности нет. В источниках за 1928—1929 гг. почти нет качественных показателей этого процесса. В докладе Наркомата РКИ УССР о колхозном строительстве на Украине за 1927—1928 гг. указывалось, что органами Наркомзема и сельхозкооперации «в этом отношении почти ничего не сделано» [26, ф. 539, д. 176, л. 12]. Укрколхоз (Всеукраинский союз сельскохозяйственных коллективов, созданный в сентябре 1927 г. для руководства колхозным строительством) до конца 1928 г., по крайней мере, не ставил задачу и не начинал организационной подготовки по массовому переходу простых форм кооперации в высшие и не планировал этой работы на 1929 г. [Там же]. Очевидно, что сельскохозяйственная кооперация не исчерпала своих возможностей, как не были исчерпаны возможности развития индивидуальных хозяйств, и поэтому не возникал вопрос о свертывании ее системы. Характерно, что даже на XVI партконференции (апрель 1929 г.) отмечалось, что «при максимально возможном развитии совхозов и колхозов основной прирост сельскохозяйственной продукции в ближайшие годы падет на индивидуальное бедняцкое и середняцкое хозяйство... мелкое хозяйство далеко не исчерпало и не скоро исчерпает имеющиеся у него возможности» [2, с. 329].

Самой сложной ступенью производственного кооперирования были коллективные хозяйства в форме коммун, артелей, тозов. В колхозы объединилось на Украине к октябрю 1929 г. 7,3 % крестьянских хозяйств [Подсчитано по: 26, ф. 582, д. 404, л. 59]. К концу 20-х годов крестьянство Украины, как и всей страны, не было готово к коллективизации, хотя за период с октября 1927 г. по октябрь 1929 г. количество коллективных хозяйств выросло почти в три раза, достигнув 16 863 [23, ф. 27, оп. 1, д. 4, л. 9]. В ходе дальнейших исследований предстоит установить, какое количество этих колхозов выросло на базе простых форм кооперации (В. М. Селунская называет в целом по СССР цифру 40—50 %) [17, с. 112]. Сейчас ясно, что здесь имел место как естественный процесс перехода низших форм в высшие, так и целенаправленная деятельность государственных органов [2, 1928, № 17, с. 211; 8, с. 8—18].

Таким образом, сложившаяся в 20-е годы на Украине система сельскохозяйственной кооперации экономически объединяла массы крестьянства, действуя, главным образом, на бедняцкие и середняцкие слои, способствуя хозяйственному подъему села, вовлечению крестьянских масс в социалистическое строительство.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970 — 1983. 3. Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. К., 1976 — 1977. 4. Абрамов Б. А. Организационная работа партии по осуществлению ленинского кооперативного плана. М., 1956. 5. Бюлетень Народного комісаріату земельних справ УРСР. Х., 1928. 6. Городний В. В. За лєнінським кооперативним планом. К., 1980. 7. Данилов В. П., Івницький Н. А. Ленінський кооперативний план і його здійснення в СРСР//Очерки истории коллективизации сельского хозяйства союзных республик. М., 1963. 8. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. 9. Історія Української РСР: В 8 т. К., 1977. 10. Історія колективізації сільського господарства Української РСР. 36. документів і матеріалів. К., 1965. 11. Історіографія історії Української ССР. К., 1977. 12. Куц М. Т. Питання колгоспного будівництва на Україні (1929—1941 рр.). Львів, 1965. 13. Лозовий А. Сельскохозяйственная кооперация и ее значение в современных условиях. Х., 1926. 14. Маєвський П. Сільськогосподарська кооперація і економічні підстави, теорія та соціальне значення. Х., 1927. 15. Мещеряков Н. Л. Вступительная статья//В. И. Ленин о кооперации: Статьи и речи. Л., 1980. 16. Одінцов О. В. Українська сільськогосподарська кооперація 1927 р. Х., 1927. 17. Селунская В. М. Социальная структура советского общества: история и современность. М., 1987. 18. Слинко І. І. Соціалістична перебудова і технічна реконструкція сільського господарства України (1927—1932 рр.). К., 1961. 19. Сліпанський А. Кредит та його роль в розвитку сільського господарства України. Х., 1927. 20. Санцевич А. В. Українська радянська історіографія. К., 1984. 21. Чмыга А. Ф. Колхозное движение на Украине (1917—1929 гг.): Очерки истории. М., 1974. 22. Шульга З. П. Торжество лєнінського кооперативного плану в СРСР. К., 1961. 23. Социалистическое строительство в сельском хозяйстве: Цифры и материалы. Х., 1928. 24. Постанови II Всеукраїнського з'їзду колгоспів. Х., 1928. 25. Коммунист. 26. ЦГАОР УССР.

Поступила в редколлегию 20.10.87

В. В. КАЛИНИЧЕНКО, канд. ист. наук

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРЕСТЬЯНСТВА УССР 20-х гг.

Анализ историко-демографической литературы показывает, что крестьянское население УССР 20-х годов изучено недостаточно [2; 8; 14; 15]. Практически вне поля зрения исследователей остались такие вопросы демографической характеристики крестьянства УССР, как численность, удельный вес, расселение, половозрастная характеристика, естественное движение, национальный состав, грамотность.

Главными источниками при определении численности населения являются переписи населения. К 20-м гг. их в нашей стране было проведено три — в 1897, 1920 и 1926 гг. Данные первой к началу 20-х гг. значительно устарели. Перепись 1920 г. проводилась в сложных условиях гражданской войны, часть территории УССР была занята противником, что срывало работу переписчиков. Поэтому данные этой переписи можно считать приблизительными [11, с. 1]. Источники приводят численность населения УССР к началу 1921 г. от 16 995,4 до 26 547,4 тыс. чел. Разнобой наблюдается и в источниках при определении численности населения УССР за

1922—1925 гг. [5, с. 9; 11, с. 1; 12, с. 5; 21, с. 4—7]. Цифровая многоголосица — следствие применения различных коэффициентов корреляции к данным переписи 1920 г. По всей видимости, наиболее достоверными следует считать данные ЦСУ УССР, сотрудники которого в 1925 г. провели тщательный анализ всех материалов. Они определили численность населения республики на конец 1920 г. в 25 621,5 тыс. чел., а на 1924 г. — 27 628,3 тыс. чел. [21, с. 4—7].

В отличие от переписи 1920 г., перепись 1926 г. по качеству проведения и богатству информации является одной из лучших в нашей стране. Согласно этой переписи население УССР в конце 1926 г. составляло 20 019,7 тыс. чел. при общей численности населения СССР 147 027,9 тыс. чел. На Украине проживало 19,73 % населения Союза [4, т. 17, с. 2—3]. К началу 1929 г. население УССР возросло до 30 363,5 тыс. чел. [19, с. 2].

Теперь необходимо определить численность крестьян и их удельный вес во всем населении УССР. В статистике принято делить население на сельское и городское. Однако не все жители села являются крестьянами, в тоже время часть горожан — крестьяне. Нам пришлось выделить крестьян из сельского и городского населения. К крестьянам мы отнесли людей, чьим главным источником существования был труд в единоличном или кооперированном хозяйстве, независимо, где размещено хозяйство — в городе или селе. Согласно сельскохозяйственной переписи 1920 г., крестьян в нашей республике проживало 18 217,2 тыс. чел. [16, с. 104]. Однако данные этой переписи, как и демографической, занижены. В публикациях, где принята поправка на недоучет, численность крестьян республики определена в 1920 г. в 20 892,0 тыс. чел. [10, с. 15]. Сотрудник ЦСУ УССР С. Жилкин как приблизительную цифру называет 20 млн чел. [5, с. 15].

Для 1922—1929 гг. основным источником о количестве крестьян являются данные ежегодных выборочных весенних опросов сельского населения (см. табл. 1. Составлена по: [6, с. XXI; 18, № 20, 38, 59, 94, 130, 160, 191]). Однако, как уже отмечалось в литерату-

Таблица 1

Год	Количество крестьян, тыс. чел.
1922	22728,8
1923	23352,8
1924	23302,3
1925	23773,2
1926	24414,0
1927	24876,0
1928	25222,0
1929	25389,6

ре, исходные данные весенних выборочных опросов о численности крестьян существенно преувеличены [3, с. 90—104]. Это нами про-

верено с помощью материалов переписи 17 декабря 1926 г. По данным этой переписи, крестьян оказалось 22 004,4 тыс. чел. [4, т. 28, с. 3], т. е. на 2409,6 тыс. меньше, чем по данным выборочного опроса. Мы отдаем предпочтение данным переписи, поскольку она охватила все население, а весенний опрос в 1926 г. касался только 9,5 % крестьян, и данные затем были экстраполированы на всю совокупность населения. Но как исправить ошибки весенних опросов за остальные годы? Для этого был использован метод известного советского демографа А. Я. Боярского, который применил данные переписи 1926 г. о возрастной структуре населения и сведения о естественном движении населения для подсчета всего населения России и СССР за 1915—1923 гг. [1, с. 225—238]. Результаты наших подсчетов показаны в табл. 2 (составлена по: [4, т. 28, с. 55—59; 17, № 117, 154, 169, 193]). Как видно из данных таблицы, в 1917—1920 гг. удельный вес крестьянства возрос с 73,49 % до 78,03 %. Это объясняется тем, что в годы гражданской войны из-за разрухи в промышленности часть рабочих возвратилась в деревню и пополнила крестьянство. Затем, в годы восстановления народного хозяйства, удельный вес крестьянства во всем населении начал снижаться и составил к 1926 г. 75,83 %, хотя в абсолютных цифрах численность крестьян за 1921—1926 гг. возросла более чем на 2 млн чел. Наиболее аграрной частью республики было Полесье. Здесь по переписи 1926 г. удельный вес

Таблица 2

Год	Все население УССР	В том числе крестьян	
	тыс. чел.	тыс. чел.	%
1917	27500,0	20209,6	73,49
1920	25621,5	19993,3	78,03
1922	26230,0	20031,9	76,31
1926	29019,7	22004,4	75,83

крестьянства составлял 82 %, на Правобережье — 79 %, на Левобережье — 78,5 %, в Степи — 76,5 %. Только в Донбассе крестьяне составляли менее половины населения — 45 % [4, т. 28, с. 3—11]. Численный перевес крестьянства оказал большое влияние на хозяйственное и культурное развитие республики в 20-е гг., так как развитие экономики УССР в значительной степени зависело от состояния крестьянского хозяйства, его производительных сил и возможностей.

По данным переписи 1926 г., 97,03 % крестьян Украины было сосредоточено в сельской местности, где они составляли 90,3 % населения; 2,97 % крестьян проживали в городах, где они составляли 12,16 % жителей [Там же].

Подавляющее большинство крестьянства УССР в 1921—1929 гг. составляли единоличники. По нашим подсчетам, в 1921 г. их на-

считывалось 99,95 %, в 1925 г. — 98,67 %, в 1927 г. — 98,56 %, на 1 июля 1929 г. — 94,42 % [4, т. 28, с. 55—59; 13, с. 7; 22, с. XI; 24, с. 26]. Наиболее плотно населенной крестьянами частью УССР оказалось Правобережье — 73,4 чел. на км² сельской местности. На Левобережье плотность крестьянского населения составляла 62,7 чел., на Полесье — 46,5 чел., в Степи — 47,4 чел., при средней плотности крестьянского населения по Украине — 52,4 чел. Эти данные свидетельствуют, что в условиях экстенсивного ведения хозяйства крестьяне Украины в 20-е гг. испытывали почти повсеместно земельную тесноту и страдали от аграрного перенаселения. Социальная дифференциация в доколхозной деревне со всей неизбежностью обостряла этот вопрос. Единственным выходом мог быть только путь кооперирования и интенсивного ведения хозяйства.

По данным переписи 1926 г., в УССР насчитывалось 54 770 сел и хуторов [4, т. 17, с. 6]. По своему размеру, размещению, планировке эти населенные пункты зависели от природно-географических условий и исторических традиций разных районов Украины и в свою очередь оказывали влияние на условия ведения крестьянского хозяйства. Так, средняя густота сельских поселений на 100 км² показывает, что наибольшая дисперсия наблюдалась на Левобережье — 17 сел и хуторов, на Правобережье — 12,75, на Полесье — 13,2. Наименьшая разбросанность сельских населенных пунктов была в Степи — 8,7 сел [19, с. 4—5]. В Степи ухудшалось водоснабжение, и это вынуждало крестьянство скучиваться возле водных источников. В других районах Украины условия водоснабжения были несравненно лучше, что и позволяло крестьянам расселяться по более мелким населенным пунктам, ближе к земельным наделам. На Правобережье 54,5 % населенных пунктов приходилось на села и хутора с населением не свыше 100 чел. в каждом, на Полесье они составляли 52,6 %, на Левобережье — 48,3 %, а в Степи — только 3,5 %. В то же время громадные села с населением свыше 5 тыс. чел. в Степи составляли 19,4 % всех сельских населенных пунктов, на Левобережье — 0,61 %, Правобережье — 0,63 %, Полесье — только 0,3 % [Там же]. Необходимо отметить, что в условиях Украины разница в размерах сел отдельных районов не была такой разительной, как между северными и южными районами РСФСР. На Украине преобладали села с населением от одной до пяти тысяч чел., где проживало 53,31 % сельского населения [Там же]. В крупных селах крестьянство быстрее приобщалось к культуре, легче налаживалась работа кооперации, активнее действовали комнезамы, сельские партийкейки, вовлекая трудящиеся массы в социалистическое строительство.

Перепись 1926 г. установила, что 67,85 % крестьян являлись самостоятельными [4, т. 28, с. 3—11]. Это самый высокий показатель среди всех категорий трудящихся. Среди рабочих самостоятельных было 43,63 %, служащих — 43,75 %, лиц свободных профессий — 38,32 % [Там же]. Соотношение самостоятельных и несамостоятельных является одним из показателей уровня разви-

тия производительных сил. Если производительные силы общества более развиты, то оно больше внимания уделяет образованию подрастающего поколения, и новые поколения позже вступают в самостоятельную жизнь, а пожилые раньше уходят на заслуженный отдых, чем снижается удельный вес самодеятельного населения. Высокий удельный вес самодеятельного крестьянского населения в 20-е гг. свидетельствует о низком уровне развития производительных сил в доколхозном селе.

Крестьянское хозяйство требовало предельного напряжения физических сил всех его членов. Поэтому крестьянские дети вовлекались в производство с малых лет, а с 10 лет становились «самодеятельными», отрывались от учебы. Результат такой практики — малограмотность, бескультурье и отсталость доколхозного села. Пенсионного возраста у единоличника не было — крестьянин трудился до самой смерти. У зажиточных крестьян («хозяев с наемными рабочими», по терминологии составителей переписи 1926 г.) удельный вес самодеятельных был значительно меньше, чем у остальной части крестьянства. Он составлял всего 42,05 % [Там же]. Эти данные подрывают обывательское мнение о чрезмерном трудолюбии членов кулацких семей и свидетельствуют, что производительные возможности зажиточных крестьянских хозяйств позволяли уделять больше внимания образованию подрастающих поколений, и они не замедлили этим воспользоваться.

Важным показателем демографической характеристики населения является его естественное движение. Но проследить естественное движение крестьянского населения трудно. В источниках приводятся противоречивые данные по этому вопросу. С 1923 г. ЦСУ УССР наладило регулярный выпуск ежегодников о естественном движении населения Украины [17, № 70, 80, 106, 117, 154, 169, 193]. Однако там собраны данные обо всем сельском населении, крестьянское население специально не выделено. Учитывая, что крестьяне составляли в 20-е гг. более 90 % населения сел, а демографическое поведение остальных жителей сельской местности почти не отличалось от поведения крестьян, можно считать эти данные вполне репрезентативными и для характеристики естественного движения крестьянского населения (см. табл. 3. Составлена по: [6, с. 79; 17, № 117, 154, 169, 143]).

Бросается в глаза высокая брачность, рождаемость, смертность, низкая разводимость. Такой ритм характерен для традиционной; модели демографического поведения. Он свойствен нынешним странам третьего мира. Единоличное крестьянское хозяйство в значительной степени зависело от половозрастного разделения труда, в нем нужны были и мужские, и женские руки. Это обстоятельство объясняет высокий коэффициент брачности в селе. За исключением военных лет, он не понижался в 20-е гг. ниже 10,0 %. Наделение крестьян землей после Октябрьской революции обусловило ускорение темпа образования новых семей, коэффициент брачности в 20-е гг. был выше, чем в дореволюционном селе. Практически все крестьяне, если только не страдали каким-то неизлечи-

Таблица 3

Показатель естественного демографического движения населения на Украине, %	Годы									
	1913	1917	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Брачность	8,7	6,2	11,7	10,9	10,7	11,0	10,0	11,9	10,9	10,0
Развод	Данных	нет				1,28	1,49	1,68	1,58	1,52
Рождаемость	43,0	22,9	35,1	30,6	34,0	44,1	44,6	44,4	42,8	40,7
Смертность	24,5	27,5	28,8	35,2	16,4	18,7	20,2	19,0	18,8	17,3
Естественный прирост (+), убыль (—)	+18,5	—4,5	+6,4	—4,5	+17,6	+25,4	+24,4	+25,4	+24,0	+23,4

мым недугом и вступили в репродуктивный возраст, были женаты или замужем. В доколхозном селе брак был прочным. Развод разрушал хозяйство, поэтому общественное мнение резко его осуждало. Он не превышал 1,68 %, что значительно ниже, чем в настоящее время.

Для крестьянских семей в 20-е гг. была характерна высокая рождаемость (35,2—44,6 %). По данным санитарно-демографического обследования 1927 г., противозачаточными средствами пользовались только 9 % крестьян. Крестьянки рожали за свою жизнь в среднем 8—9 детей, что приближалось к биологическому максимуму [20, с. 739]. Крестьянок побуждали к высокой рождаемости и экономические причины. Без детей в рабочем возрасте трудовое крестьянское хозяйство никогда не достигало зажиточности, поскольку недостаток рабочих рук ограничивал их возможности. На высокую детность толкала крестьян и боязнь необеспеченной одинокой старости. А учитывая высокую смертность, это было необходимо как страховка. Например, обследование 1927 г. выявило, что свыше трети крестьянских детей умирали в возрасте до 15 лет [Там же, с. 739].

Все же за годы Советской власти смертность в доколхозной деревне неуклонно снижалась. В 1928 г. она составляла 17,3 %, тогда как в 1913 г. — 24,5. Это прямой результат неуклонного повышения благополучия крестьян в 20-е гг. и заботы Советского государства о трудящихся. В условиях снижающейся смертности отпадала необходимость в традиционной высокой рождаемости. Однако современный тип демографического поведения с внутрисемейным регулированием деторождения, оптимальным количеством детей, допущением разводов и новых браков внедрялся в доколхозное село медленно. Результатом был высокий естественный прирост сельского населения (23,4—25,4 % в 1924—1928 гг.), что выше современного уровня в УССР в 6—7 раз.

Особое место среди факторов, определяющих демографическую ситуацию, принадлежит возрасту и полу. В табл. (составлена по:

Таблица 4

Возрастная группа	Мужчины, тыс. чел.	Женщины, тыс. чел.
60 лет и старше	673,8	750,3
55—59	258,4	334,8
50—54	324,4	378,9
45—49	397,2	440,7
40—44	461,4	511,0
35—39	566,9	668,9
30—34	621,1	699,3
25—29	795,4	968,5
20—24	934,8	1036,1
15—19	1305,3	1429,6
10—14	1410,8	1376,2
5—9	1104,4	1126,6
0—4	1726,3	1694,9
Итого	10580,2	11415,8

Примечание: 8,4 тыс. крестьян не указали свой возраст.

[4, т. 28, с. 55—59]) показана половозрастная структура крестьянского населения УССР в 1926 г. Она оказалась подчеркнуто традиционной — с большим удельным весом молодых и малым удельным весом пожилых поколений. Эта структура характерна для современных стран третьего мира. Молодые люди в возрасте до 29 лет составляли 67,70 % всех крестьян. При этом детей в возрасте до 4 лет оказалось 15,55 %. Они родились в послевоенные 1923—1926 гг. В тоже время детей 5—9 лет, родившихся в 1915—1922 гг., оказалось значительно меньше — только 10,14 %. Это следствие войн 1914—1920 гг., голода 1921/22 г., когда резко упала рождаемость и возросла смертность. Данные табл. 4 свидетельствуют о сокращении удельного веса мужчин, начиная с 20 лет и особенно с 25-летнего возраста. Этот тоже следствие войн.

Перепись 1926 г. выявила, что только 46,43 % крестьян в возрасте свыше 5 лет были грамотными. Это самый низкий показатель среди всех классов и социальных групп УССР. Например, среди рабочих грамотных было 77 %, среди служащих — 89 % [4, т. 29, с. 55—59]. Неграмотность большинства крестьян сильно тормозила хозяйственное и культурное развитие села.

Среди крестьян УССР преобладали украинцы. Их по переписи 1926 г. насчитывалось 89,26 %. Русских было 5,11 %, поляков — 1,63 %, немцев — 1,54 %, молдаван — 1,04 %, евреев — 0,44 %, болгар — 0,39 %. Удельный вес крестьян-греков, белорусов, чехов, албанцев, сербов, татар и цыган составлял 0,59 % [Там же].

Демографический анализ показал, что на протяжении 20-х гг. крестьяне резко преобладали по численности среди населения УССР, что оказало большое влияние на социально-экономическую и культурную жизнь республики. Доколхозному крестьянству Украины было свойственно традиционное, унаследованное от прошлых эпох, демографическое поведение, которое изменилось только после проведения сплошной коллективизации.

Список литературы: 1. Боярский А. Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915—1923 гг.//Население и методы его изучения. М., 1975. 2. Данилов В. П. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации//Исторические записки. М., 1963. Т. 74. 3. Данилов В. П., Славако Н. Т. О путях исследования данных налоговых сводок по сельскому хозяйству СССР за 1924/25 — 1927/1928 гг.//История СССР. М., 1972. № 5. 4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929—1930. 5. Жилкин С. Украина в цифрах. Х., 1922. 6. Календар-довідник на 1926 рік. Х., 1926. 7. Корчак-Чепурківський Ю. О. Відтворення населення УРСР до початку першої п'ятирічки//Демографічні дослідження. К., 1975. Вип. 3. 8. Лях Р. Д., Турченко Ф. Г. Изменение социально-классовой структуры населения Украины//Годы борьбы и побед. К., 1983. 9. Мінаєв С. В. Наслідки вселюдного перепису 1926 року на Україні. Х., 1928. 10. Наемный труд в сельском хозяйстве: Статист. сб. М., 1926. 11. Народное хозяйство Украины в 1921 г. Х., 1922. 12. Народно-хозяйство Украины в 1921 г. Х., 1922. 13. Онуфрієв О. О. Стан і перспективи розвитку сільсько-господарської кооперації на Україні. Х., 1926. 14. Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. 15. Рыбалка И. К., Турченко Ф. Г. Социально-классовая структура населения Украины напередодні Жовтневої революції//Укр. іст. журнал. 1981. № 11. 16. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. 17. Статистика України. Серія 1. Демографія. Х., 1927—1930. 18. Статистика України. Серія 2. Сільськогосподарська статистика. Х., 1923—1930. 19. Сучасна статистика населения Украины. Х., 1929. 20. Томилин С. А. К вопросу о плодovitости крестьянки и влиянии ее на детскую смертность//Журнал по изучению раннего детского возраста. М., 1929. Т. 9, № 9. 21. Україна: Статист. справочник. Х., 1925. 22. Україна: Статист. щорічник 1929 рік. Х., 1929. 23. Хоменко А. Населення України. 1987—1927. Х., 1927. 24. Чмига А. Ф. Очерки по истории колхозного движения на Украине (1921—1925 гг.). М., 1959.

Поступила в редколлегию 20.10.87

С. А. НАУМОВ, канд. ист. наук

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В 1919 г.

Проведение преобразований в сфере аграрных отношений было важнейшей стороной деятельности органов Советской власти в период гражданской войны. Работу, проводившуюся в этом направлении на Украине в 1917—1918 гг., прервала германо-австрийская оккупация, когда было возобновлено помещичье землевладение, окрепли позиции кулачества. Поэтому с восстановлением Советской власти в конце 1918 — начале 1919 гг. первоочередной задачей стало перераспределение земли в интересах трудящихся.

Вопросы, касающиеся аграрных преобразований в 1919 г., затрагиваются во многих исторических работах [4, 6—8, 12]. Вместе с тем фактически единственным специальным исследованием по указанному периоду является монография И. К. Рыбалки [10]. Настоящая статья призвана способствовать освещению тех аспектов темы, которые в литературе разработаны недостаточно или являются спорными: деятельность местных советских органов по осуществлению уравнительного распределения земли, итоги и ре-

гиональные особенности этой работы (на примере левобережных губерний — Полтавской, Харьковской и Черниговской).

Принципы аграрной политики Советской власти провозглашались уже в первых документах Временного рабоче-крестьянского правительства Украины — Манифесте от 29 ноября 1918 г. и Декларации от 25 января 1919 г., где подчеркивалась необходимость наделения деревенской бедноты землей [9, с. 41, 59]. Эта установка легла в основу деятельности ревкомов, исполкомов и их земельных отделов, а также комбедов, под руководством коммунистов непосредственно занимавшихся аграрными преобразованиями. В первую очередь они осуществляли конфискацию частных владений — брали на учет землю и имущество помещичьих имений, обеспечивали их охрану, назначали вместо бывших управляющих своих представителей. Учету и конфискации подвергалась и часть кулацких земель — прежде всего и в большей мере там, где было меньше крупных имений, как на Левобережье, или они оставались в ведении государственных органов и не включались в распределительный фонд. Проведение учета возлагалось на волостные и сельские органы, которые для этой цели создавали специальные комиссии. В помощь им уездные земотделы выделяли специалистов-агрономов.

Учет и конфискация нетрудовых земель на Левобережье были в основном завершены до начала полевых работ, к началу апреля, — раньше, чем где-либо на Украине [10, с. 76]. О большом объеме проделанного свидетельствуют факты. В Кременчугском уезде Полтавской губернии было учтено 374 имения, в Миргородском — 148. Только в 3 уездах Харьковщины — Богодуховском, Изюмском и Старобельском — площадь учтенных земель составила почти полмиллиона десятин [16, 1919, 28 июня; 25, ф. Р-89, оп. 1, д. 34, л. 12; ф. Р-472, оп. 1, д. 8, л. 111; ф. Р-1631, оп. 2, д. 58, л. 414].

Отчуждение излишков было, с одной стороны, необходимым условием, а с другой — лишь первым, подготовительным шагом на пути к достижению цели аграрных преобразований — перераспределению земли в интересах трудящихся. Проводя в целом правильную аграрную политику, партийные и советские органы Украины при осуществлении этой, главной, задачи допустили ошибки, которые отрицательно сказались не только на результатах самих преобразований, но и на отношении части крестьянства к Советской власти, на расстановке политических сил в деревне.

Одной из таких ошибок было закрепление за сахарными и винокуренными заводами и исключение из распределительного фонда чрезмерно больших площадей — около 1,5 млн дес. Свыше 1 млн дес. заняли совхозы. Негативные последствия имел и ошибочный порядок распределения конфискованной земли: в первую очередь она отводилась под советские и коллективные хозяйства и лишь оставшаяся часть отдавалась крестьянам в личное пользование. Начало такой политики в литературе традиционно связывается с резолюцией по земельному вопросу Харьковского губер-

ского съезда Советов (февраль 1919 г.), в которой провозглашался этот принцип распределения, подчеркивалось, что «главнейшей задачей земельной политики является переход от единоличного хозяйства к товарищескому», а «на единоличное земледелие надо смотреть как на временное и отживающее» [13, с. 96]. По распоряжению наркома земледелия УССР В. Н. Мещерякова резолюция была принята к руководству всеми земотделами, ее положения легли в основу решений III съезда КП(б)У и III Всеукраинского съезда Советов по аграрному вопросу. В таком же духе были выдержаны и специальные документы, определявшие порядок распределения земель: инструкция Наркомзема УССР от 6 марта и декрет ВУЦИК от 26 мая «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» [5, с. 34—50]. Тем самым была создана почва для получивших затем распространение на местах перегибов и искажений ленинских принципов аграрной политики.

Признавая ошибочность приведенных положений, следует подчеркнуть в качестве одного из важнейших их источников влияние «военно-коммунистической» психологии, выражавшееся в стремлении как можно скорее перейти к социалистическим формам хозяйствования, «перескочить» через индивидуальное землепользование. «...Наша предыдущая экономическая политика, — отмечал В. И. Ленин в 1921 г., — если нельзя сказать: рассчитывала (мы в той обстановке вообще рассчитывали мало), то до известной степени предполагала, — можно сказать, безрасчетно предполагала, — что произойдет непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах» [1, т. 44, с. 156]. Эту ленинскую характеристику можно отнести и к земельной политике на Украине в 1919 г. Сказалось и некритическое, без учета опережающих темпов аграрных преобразований в РСФСР, восприятие опыта Советской России.

В соответствии с указаниями центральных органов местные Советы принимали аналогичные решения о порядке распределения земли. Состоявшиеся к началу марта в большинстве уездов Полтавщины съезды волземотделов положили в основу своей деятельности резолюцию Харьковского губернского съезда Советов [16, 1919, 15 марта]. Сумской уездный съезд Советов в марте принял резолюцию, в которой, в частности, отмечалось: «Руководствуясь постановлениями 3-го Всеукраинского съезда Советов, бывшую помещичью и частновладельческую землю обрабатывать трудовыми земледельческими артелями, также организовать на ней советские хозяйства...» [17, 1919, 26 марта]. В резолюции по земельному вопросу Черниговского уездного съезда Советов было подчеркнуто: «Считать ближайшей и неотложной задачей рабоче-крестьянской власти организацию повсеместно сельскохозяйственных коммун» [2, с. 295].

Правда, вскоре многие Советы, прежде всего сельские, работавшие в самой гуще крестьянских масс, убедились, что такая

направленность аграрной политики, как правило, не получала поддержки у основной массы населения. Крестьянство стремилось сначала получить землю в свои руки и лишь затем решать вопрос об организации общественных хозяйств. Поэтому местные Советы принимали решения, в которых подчеркивали необходимость первоочередного наделения земель крестьян, строгого соблюдения добровольности и постепенности при организации коллективных хозяйств, и действовали в соответствии с ними [5, с. 9, 110; 11, с. 114, 119, 128].

После известной телеграммы В. И. Ленина губземотделам от 9 апреля и последовавшего затем циркуляра ЦК КП(б)У о добровольности коммун наметился переход на правильные позиции в этом вопросе и вышестоящих органов. Полтавский губернский съезд Советов 16 апреля одобрил резолюцию по земельному вопросу, в которой впервые ударение было сделано на помощь трудящимся крестьянам, широкое привлечение их к осуществлению земельной реформы. С особой силой подчеркивалось: «Коммуна желательна, но не обязательна» [9, с. 417]. Последняя формулировка, выражавшая пересмотр ошибочных взглядов, была затем повторена в резолюции совещания губземотделов Украины 21 мая, в письме Наркомзема УССР от 3 июня и, наконец, в резолюции по земельному вопросу Всеукраинского съезда волисполкомов 6 июня [5, с. 51, 117, 139].

Основная тяжесть работы по распределению земли приходилась на уездные, волостные и сельские (где они были) земотделы, сельисполкомы и комбеды. Отсутствие достаточного числа специалистов-землемеров, необходимость осуществить передел в минимальные сроки — до начала сева — не позволили в 1919 г. провести уравнительное распределение полностью. Было осуществлено лишь перераспределение земельных владений в пределах сел и волостей. Для выполнения этой задачи волостные земотделы самостоятельно или на своих съездах устанавливали максимальные размеры трудовых хозяйств и нормы наделения земель по каждой волости, которые затем утверждались уездными земотделами. Порядок определения норм был различным, но преобладали потребительские нормы (на едока) и трудовые (на работника). Существенно отличались и абсолютные их величины, что зависело прежде всего от обеспеченности той или иной волости землей. Впрочем, иногда для более равномерного распределения земли часть ее из более обеспеченных волостей отводилась для менее обеспеченных [26, ф. Р-4563, оп. 3, д. 44, л. 35 об.]. Сельские органы под контролем волземотделов составляли списки нуждающихся крестьян, устанавливали размеры отводимых им наделов. Раздел участков осуществляли землемеры при помощи местных органов.

От наличия землемеров и их подготовленности во многом зависел успех землеустройства. В связи с этим все специалисты данного профиля были сосредоточены в непосредственном распоряжении землемерно-технических подотделов губземотделов и на-

правлялись на места в централизованном порядке. Предпринимались шаги по подготовке и переподготовке землемеров. Например, Черниговский губземотдел в марте организовал для них курсы по кооперации, коллективному хозяйству и общественной обработке земли. Перед отправкой в уезды было проведено несколько общих собраний землемеров для разъяснения инструкции о временном распределении земли [22, ф. 27, оп. 15, д. 3, л. 20]. Но и эти меры не позволили обеспечить уезды достаточным числом инструкторов. В среднем на одного землемера приходилось по 1—2 волости. Так, Харьковский губземотдел 30 марта направил на места 250 землемеров-инструкторов [25, ф. Р-472, оп. 1, д. 8, л. 14]. В распоряжении Черниговского губземотдела было 125 землемеров. В Полтавской губернии на каждый уезд приходилось по 9—15 специалистов [22, ф. 27, оп. 15, д. 3, л. 20].

Поскольку условия не позволяли провести распределение всех земель сразу, в первую очередь разделу подвергались те из них, которые необходимо было обрабатывать. Поэтому землеустройство осуществлялось практически на протяжении всего периода Советской власти в 1919 г.: сначала была распределена пашня под весенний сев, потом сенокосы и другие непашенные угодья и, наконец, пашня под озимые. В полном объеме эта работа не была выполнена, особенно в тех районах, которые первыми были захвачены денikinцами.

Однако нельзя сводить передел земли в 1919 г. только к распределению яровой пашни, как это иногда происходит (см., напр., [4, с. 142]). В летние месяцы в Полтавской, Черниговской и части Харьковской губернии землеустройству подверглись непашенные угодья, а кое-где, главным образом на Черниговщине, в августе—сентябре шел раздел пашни под урожай 1920 г. [19, 1919, 15 июля; 23, ф. Р-3123, оп. 4, д. 3, л. 28; ф. Р-3977, оп. 1, д. 1, л. 10; 25, ф. Р-185, оп. 2, д. 2, л. 43 об.; ф. Р-203, оп. 3, д. 38, л. 149; д. 39, л. 11; 26, ф. Р-3, оп. 1, д. 21, л. 6]. Как свидетельствует таблица (составлено по: [26, ф. Р-4563, оп. 3, д. 44, л. 53—292]), из 25675 дес. земли, распределенной в Новгород-Северском уезде Черниговской губернии до 1 сентября, на июнь—август приходится 10875 дес. (около 40 %), в том числе 7648 дес. сенокосов и 3217 дес. пашни.

Вид земельных угодий	Распределено десятин					
	апрель	май	июнь	июль	август	всего
Усадебные	6	8	10	0	0	24
Пахотные	542,5	14243,5	2293	698	226	18003
Сенокосы	0	0	3042	4356	250	7648
Всего	548,5	14251,5	5345	5054	476	25675

Помимо раздела земли, с самого начала предназначавшейся крестьянам, в 1919 г. осуществлялся передел некоторой части площадей, первоначально оставленных в ведении государства. 16 мая

1919 г. СНК УССР издал новый декрет о национализации сахарной промышленности. В результате крестьяне должны были получить половину земель, ранее принадлежавших сахарным заводам [6, с. 425]. Насколько назревшей была эта мера, видно из того, что задолго до принятия декрета местные органы власти вели настойчивую борьбу за передачу крестьянам части земель сахарных заводов. Конотопский уездный съезд крестьянских делегатов еще в марте принял решение просить правительство ограничить размеры полевой земли для сахарных заводов [18, 1919, 28 марта]. Семеновский волисполком Хорольского уезда 3 апреля постановил ввиду малоземелья передать населению 388 дес., предназначенных под посев сахарной свеклы [21, 1919, 25 апр.]. Согласно резолюции заседания коллегий 12 заводууправлений Харьковской губернии, земотделам было передано 48476 дес. пахотной земли, т. е. 30,2 % общего ее количества [22, ф. 27, оп. 1, д. 55, л. 37].

После указаний В. И. Ленина и центральных органов республики о недопустимости ущемления интересов трудящегося крестьянства при проведении аграрной политики были приняты меры к сокращению числа советских хозяйств, ограничению занимаемых ими площадей. Например, Прилукский уземотдел в конце апреля рекомендовал волостным отделам разделить земли, отведенные совхозам [8, с. 44]. Лубенский уездный съезд Советов, проходивший 8—10 июня, принял в качестве резолюции по земельному вопросу аналогичный документ Всеукраинского съезда волисполкомов, конкретизировав один из его пунктов следующим образом: «Увеличение крестьянского землепользования должно быть произведено за счет малокультурных советских хозяйств» [20, 1919, 12 июня]. Ахтырский уземотдел 12 июня отменил прежнее свое постановление о признании имения Чикало советским, приняв решение ликвидировать его «и обратить земли для наделения нуждающегося трудового населения». Решение о полной или частичной ликвидации с разделом земли среди населения было принято тогда же по отношению еще к 40 хозяйствам [25, ф. Р-185, оп. 2, д. 2, л. 20—24].

В литературе нет единого мнения о количестве переданной крестьянам в 1919 г. земли. Чаще всего называются цифры в 5—6 [4, с. 142; 12, с. 237] или 8—9 млн дес. [6, с. 425; 8, с. 45; 10, с. 146] в целом по республике. Сторонники минимальных данных, на наш взгляд, не учитывают в полной мере факт распределения и перераспределения земли летом 1919 г., а также результаты расходов в цифрах является отсутствие достаточно полных и достоверных данных в источниках. Но нельзя не отметить и то обстоятельство, что до сих пор не была предпринята попытка сопоставить, обобщить методики и результаты подсчетов, приводимых в различных работах. Вследствие этого, например, по Левобережью нет единства не только по итоговым, но и по исходным данным — о количестве и средних размерах крестьянских хозяйств,

общей площади крестьянского и помещичьего землевладения и др. Эта проблема, несомненно, заслуживает специального изучения. Мы же ограничимся попыткой получить хотя бы ориентировочные оценочные данные о результатах распределения земли на Левобережной Украине.

В источниках соответствующих сведений нам обнаружить не удалось. По неполным данным Наркомзема УССР, в Черниговской губернии крестьяне получили 0,5 млн дес., а в Харьковской — 1,2 млн [15, 1919, 27 июля]. Поскольку на Полтавщине прирост крестьянских владений в 1919 г. был наиболее значительным — по материалам Наркомзема, 3,64 дес. на хозяйство против 2,50 на Харьковщине и 1,35 на Черниговщине [22, ф. 27, оп. 1, д. 48, л. 57] — можно предположить, что здесь в единоличное пользование было передано во всяком случае не менее 1 млн дес., а скорее всего, значительно больше. Следовательно, только по минимальным подсчетам, крестьяне Левобережья получили около 2,5—3 млн дес. земли.

Не являются ли полученные данные завышенными? Чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся установить — опять-таки приблизительно, не прибегая к специальным расчетам, — какое количество земли на Левобережье подлежало распределению и какую его часть крестьяне действительно получили в свои руки.

По сведениям Наркомзема УССР, из 14 млн дес. земли, подлежавшей землеустройству (без кулацкой), на левобережные губернии приходилось 4 млн: Полтавская — 1,6, Харьковская — 1,2, Черниговская — 1,2 [22, ф. 27, оп. 15, д. 2, л. 58]. По подсчетам В. В. Калиниченко, землевладение некрестьянского типа в регионе составляло более 2,8 млн дес. [7, с. 255]. Подавляющее большинство этих земель было включено в распределительный фонд. Исключение составили леса и площади, отведенные совхозам и сахарным заводам — всего около 1,3 млн дес. [подсчитано по: 7, с. 255; 14, 1919, 25 июля; 22 ф. 2, оп. 1, д. 478, л. 29 об.; ф. 27, оп. 1, д. 55, л. 37]. Следовательно, крестьянам оставалось 1,5—2,7 млн дес. Нелишне напомнить, что со временем была распределена и часть площадей, ранее отведенных под совхозы и сахарные заводы.

Распределению подлежала и часть кулацких земель. Они составляли на Левобережье, по подсчетам В. В. Калиниченко, 3,3 млн дес. [7, с. 255]. Перерасчет данных, приводимых В. Ф. Верстюком, дает число в 4 млн дес. [3, с. 35]. Точно установить, какая доля кулацких земель была передана нуждающемуся крестьянству, не представляется возможным. Но во многих уездах она была довольно значительной. Об этом свидетельствуют максимальные размеры трудовых хозяйств (излишки поступали в распределительный фонд). Чаще всего трудовым считалось хозяйство, не превышавшее 10—15 дес. Так было в Зеньковском, Хорольском, Роменском, Кобеляцком, Кременчугском, Миргородском, Золотоношском, Гадячском уездах Полтавщины, Новгород-Северском уезде Черниговской губернии [10, с. 70—71; 16, 1919, 12 июня]. Встречались и другие нормы: в Константиноградском уезде — 15—40,

в Лубенском — 20, в некоторых волостях Богодуховского, Изюмского, Сумского, Полтавского уездов — 6—10 дес. [Там же; 23, ф. Р-18, оп. 1, д. 8, л. 23; 24, ф. Р-415, оп. 1, д. 8, л. 23; 25, ф. Р-468, оп. 1, д. 6, л. 21 об.]. Средние же размеры кулацких хозяйств на Левобережье (их было 120—130 тыс.) составляли, по разным сведениям, 27,3 — 31,5 дес. [3, с. 35; 7, с. 255].

Сопоставляя эти данные, можно предположить, что трудящемуся крестьянству левобережных губерний было передано в 1919 г. до 1 млн дес. кулацкой земли — около 30 % общей ее площади. Следовательно, удельный вес кулацких излишков в распределительном фонде на Левобережье был значительным. Об этом свидетельствует, в частности, и пример Новгород-Северского уезда. Здесь было разделено, как уже отмечалось, свыше 25 тыс. дес., тогда как частновладельческие земли в уезде составляли, по статистическим данным 1917 г., 16545 дес. [26, ф. Р-4563, оп. 3, д. 44, л. 93 об.].

Проведенные нами подсчеты подтверждают, что крестьянство Левобережной Украины получило в 1919 г. не менее 2,5 — 3 млн дес. земли. Но при этом оговоримся, что полученные итоговые данные, а тем более методика подсчетов рассматриваются нами не как нечто окончательное, а лишь как один из способов приближения к истине, имеющий право на существование при отсутствии иных, более предпочтительных.

Таким образом, Советская власть, исходя из интересов беднейшего и среднего крестьянства, в своей аграрной политике в 1919 г. сделала упор на распределение земель в уравнительное пользование. На Левобережной Украине разделу подверглась, помимо помещичьих имений, и значительная доля земельных излишков кулачества. В руки крестьян перешла и некоторая часть земель, первоначально поступивших в распоряжение государственных предприятий — совхозов и сахарных заводов. Важно и то, что местные советские органы, трудящееся крестьянство выработали конкретное представление о путях и методах решения аграрного вопроса на начальном этапе социалистического строительства.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Борьба трудящихся Черниговщины за власть Советов (1917—1919 гг.): Сб. документов. Чернигов, 1957. 3. Верстюк В. Ф. Классовая борьба в деревне на Левобережной Украине в 1919 г.: Дис. ... канд. ист. наук. К., 1979. 4. Его же. Проблемы вивчення революційних аграрних перетворень на Україні/Укр. іст. журн. 1983. № 10. 5. Історія колективізації сільського господарства Української РСР: 36. документів. К., 1962. Т. 1. 6. Історія Української ССР. В 10-ти т. К., 1984. Т. 6. 7. Калиниченко В. В. Аграрные преобразования на Левобережной Украине (кон. 1919—1923 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Х., 1981. 8. Лях Р. Д. Розв'язання аграрного питання на Україні (1917—1923 рр.). К.; Донецьк, 1975. 9. Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни (листопад 1918 — серпень 1919): 36. документів. К., 1962. 10. Рибалка І. К. Аграрні перетворення на Україні в період громадянської війни (1919 р.). Х., 1967. 11. Трудящиеся Полтавщины в борьбе за установление и укрепление Советской власти (1917—1920 гг.): Сб. документов. Полтава, 1957. 12. Українська РСР в період громадянської війни, 1917—1920 рр. В 3-х т. К., 1967. Т. 2. 13. Харьковщина в период гражданской войны и иностранной военной интервенции: Сб. документов. Х., 1973. 14. Большевик: Орган ЦК КП(б)У. 15. Известия ВУЦИК. 16. Известия Полтавского губисполкома и губкома КП(б)У. 17. Известия Харьковского Совета. 18. Сільська комуна:

Орган виконкому Рад Київщини. 19. *Известия* Нежинского уездного исполкома. 20. *Известия* Лубенского Совета. 21. *Коммунист*: Орган Хорольского комитета КП(б)У. 22. ЦГАОР УССР. 23. Полтавский облгосархив. 24. Сумской облгосархив. 25. Харьковский облгосархив. 26. Черниговский облгосархив.

Поступила в редколлегия 30.10.87

А. В. СКОРОБОГАТОВ, канд. ист. наук

ОХРАНА ТРУДА РАБОЧЕГО КЛАССА СССР В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ (60—80-е гг.)

Важным разделом социальной программы, выработанной XXVII съездом КПСС, является коренное улучшение условий труда и быта советских людей. В первые годы Советской власти В. И. Ленин рассматривал условия труда и быта как наиболее глубокую социальную основу всестороннего развития человека, совершенствования его физических и психических способностей. Он подчеркивал, что ««формулы» настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства ... именно тем, что они сводят все к *условиям труда*» [1, т. 39, с. 22]. Значительно возрастает роль условий труда на современном этапе, когда их коренное улучшение становится все большей объективной необходимостью, а их уровень выступает в качестве критерия развития социализма.

Сложное содержание условий труда, их зависимость от природы общественного строя, материальной обстановки процесса производства и естественно-природных особенностей обусловили тот факт, что разработать и осуществить эффективные мероприятия в области создания благоприятных условий труда невозможно без активного участия представителей различных научных дисциплин и направлений.

Советскими экономистами, философами, социологами, правоведами, специалистами по охране и гигиене труда достигнуты заметные успехи в изучении условий труда рабочего класса. Среди специальных исследований в этой области следует, в первую очередь, выделить работы экономистов, которые рассматривают проблему в тесной связи с экономическими законами социализма. По их мнению, условия труда, с одной стороны, определяются действием экономических законов и являются одним из важнейших их показателей, а с другой, служат важнейшей предпосылкой реализации этих законов. В трудах экономистов условия труда рассматриваются как важный показатель жизненного уровня трудящихся [5; 42], один из факторов повышения эффективности производства [28], роста производительности труда [20], качества работы [38], важное средство перерастания социалистического труда в коммунистический.

Большой вклад в решение сложных методологических и теоретических вопросов совершенствования условий труда, опреде-

ление задач экономической науки внес А. Н. Гржегоржевский [7—9]. Методологическим вопросам комплексного подхода к проблеме взаимосвязи человека с условиями труда посвятила свою монографию Л. Л. Калачева [19]. Разработкой сложных социально-экономических проблем условий труда и совершенствования работы в этой области занимались В. Г. Макушин и Н. П. Калинина [20]. В 1981 г. вышла в свет монография В. Г. Макушина [26], в которой автор рассмотрел условия труда как общую социально-экономическую категорию, проанализировал их влияние на здоровье и работоспособность человека и основные тенденции изменений в период НТР, предложил методы оценки их экономической эффективности, организационные формы управления условиями труда. В 80-е гг. предметом специального монографического исследования стали и некоторые теоретические, методические и практические вопросы совершенствования планирования условий труда на промышленных предприятиях [30; 39].

Говоря о достижениях экономической науки в рассматриваемой сфере, нельзя не отметить, что был сделан, наконец, значительный шаг вперед в определении содержания самой категории «условия труда». Данное в методических рекомендациях «Классификация факторов, воздействующих на формирование условий труда» [24] определение условий труда дает целостную характеристику объекта, уточняет и конкретизирует принятый ранее государственный стандарт. Вместе с тем многие проблемы дальнейшего совершенствования условий труда еще ждут своего решения. С позиций сегодняшних требований предстоит исследовать не только собственно содержание и структуру условий труда, факторов, влияющих на их формирование, но и подвергнуть критическому переосмыслению сам механизм оптимизации условий труда. Нельзя считать нормальным такое положение, при котором увеличение затрат на охрану труда не приводит к коренному улучшению условий производственной деятельности, к уменьшению расходов на оплату многочисленных льгот и компенсаций.

Необходимо также продолжить работу по изучению социальной и экономической эффективности совершенствования условий труда и выявлению наиболее эффективных его направлений. Общеизвестным в научной литературе является тот факт, что решающее влияние на содержание условий труда оказывает НТП. Однако в ряде исследований имеет место упрощенное толкование этого положения, некоторые авторы не учитывают сложный, противоречивый характер воздействия НТП на условия труда. В результате еще недостаточно изучены проблемы, которые ставит НТП перед производством, негативные последствия механизации, химизации и т. п.

Нуждается в дальнейшей разработке и вопрос об экономическом стимулировании дальнейшего совершенствования условий труда на производстве. При действующем до настоящего време-

ни порядке у предприятий практически отсутствует экономическая заинтересованность в сокращении или полной отмене льгот и компенсаций за неблагоприятные условия труда, решительном их оздоровлении. Преодолеть такое положение настоятельно требует проводимая в стране хозяйственная реформа, перевод целых отраслей промышленности на хозрасчет и самофинансирование, которые дают предприятиям возможность использовать часть прибыли с целью улучшения условий труда работающих.

Наконец, на наш взгляд, назрела необходимость в разработке совершенных форм анализа производственного травматизма с четкой классификацией технических, организационных, санитарно-гигиенических, психологических и других причин несчастных случаев.

Важнейшая роль в сохранении здоровья трудящихся, снижении производственного травматизма принадлежит охране труда. В регулировании этого института особое значение имеет советское трудовое право и поэтому рассматриваемые проблемы всегда привлекали внимание правоведов, которые рассматривают охрану труда в широком и узком значении. Отмечая, что советское право по своей природе, социальному назначению имеет гуманистический характер и направлено на создание благоприятных условий труда и жизни трудящихся, исследователи рассматривают его как право охраны труда и в этом смысле характеризуют содержание всех норм трудового права [14; 23; 36; 37]. Такое понимание охраны труда как одного из принципов советского трудового права стало общепризнанным и вошло в научную и учебную литературу.

В узком смысле охрана труда понимается как один из институтов советского трудового права, который объединяет трудовые нормы, непосредственно направленные на создание безопасных и здоровых условий труда. К ним относятся нормы, охватывающие планирование и организацию охраны труда на предприятиях; нормы и правила по технике безопасности и производственной санитарии; меры индивидуальной защиты от производственных травм и профессиональных заболеваний; специальные нормы по охране труда женщин, подростков и лиц с пониженной трудоспособностью; нормы, регулирующие деятельность органов государственного надзора и общественного контроля [23; 37]. Некоторые юристы исключают из этого перечня нормы, регулирующие планирование и организацию охраны труда на предприятии, считая, что эта функция присуща органам государственного управления и предусмотрена административно-правовыми нормами и поэтому не может быть отнесена к трудовому праву [34, с. 19].

Важнейшее место во всей системе охраны труда рабочего класса принадлежит профессиональным союзам страны, которые осуществляют не только общественный контроль, но и государственный надзор за состоянием охраны труда. Широкий социологический анализ профсоюзов дан в трудах Г. П. Алексеева и Е. А. Иванова, которые проанализировали место и роль проф-

союзов в политической системе социализма, раскрыли их правовое и фактическое положение, организационные основы строения, взаимоотношения с партией и государством, функции, формы и методы работы [2; 3; 13]. Особый интерес в работах философов и правоведов [35; 43; 44] представляет анализ основных направлений деятельности профсоюзов, их функций. Наряду с другими проблемами в рамках защитной функции рассматриваются теоретические и практические вопросы деятельности профсоюзов в области охраны труда.

Роль профсоюзов в системе социалистической демократии, разнообразные формы привлечения трудящихся к управлению производством исследованы в работах Г. В. Щеглова, А. И. Щиглика и др. В работе Г. В. Щеглова специальная глава посвящена анализу демократических начал осуществления профсоюзом защитной функции, что находит проявление прежде всего в участии самих трудящихся в контроле за состоянием охраны труда. К основным формам привлечения трудящихся к совершенствованию охраны труда автор относит их участие в планировании мероприятий, общественных смотрах состояния условий труда, деятельность внештатных технических инспекторов, врачебно-инженерных бригад и др. [41].

Теоретические проблемы возрастания роли профсоюзов в улучшении условий труда освещаются в кандидатской диссертации В. А. Высоцкого [6], где проанализированы основные направления участия профсоюзов в осуществлении НТП, развитии охраны труда рабочих и служащих. Однако некоторые стороны конкретной деятельности профсоюзных организаций, которые накопили большой опыт в защите интересов трудящихся, в силу специфики исследования, недостаточного использования автором богатейших архивных материалов не получили всестороннего освещения.

Среди исторических исследований, посвященных профсоюзам, наиболее последовательно отражена их деятельность в области охраны труда рабочего класса во втором томе «Истории профсоюзов СССР», а также «Очерках истории профессиональных союзов Украинской ССР» [16; 29]. Здесь наряду с широким показом производственно-массовой работы профсоюзов проанализированы формы и методы их деятельности по реализации социальной политики партии.

Краткий обзор литературы о профсоюзном движении в нашей стране позволяет сделать вывод, что несмотря на достигнутые наукой успехи в области социологического анализа предмета, определении правового статуса советских профсоюзов некоторые стороны их конкретной деятельности, и прежде всего в социальной сфере, не нашли достаточного освещения. Нет еще специальных исследований, в которых бы комплексно в историческом плане рассматривались проблемы участия профсоюзов в улучшении условий труда рабочих и служащих.

Углубленное изучение проблемы улучшения условий труда рабочего класса страны в исторической науке началось с конца 60-х гг., когда вышла в свет коллективная монография «Рабочий класс СССР. 1951—1965», подготовленная Институтом истории АН СССР [32]. В специальном параграфе Б. Н. Казанцев проанализировал опыт создания рационального режима труда и отдыха на предприятиях, сделал попытку показать влияние технического перевооружения промышленности на условия труда, проследить развитие охраны труда в 1951—1965 гг. Конечно, рамки параграфа не позволили автору всесторонне осветить проблему: влияние технического прогресса гораздо сложнее простого облегчения труда вследствие механизации производства, а развитие охраны труда не сводится лишь к мероприятиям в области нормализации санитарно-гигиенической обстановки на предприятиях и повышению культуры производства. Дальнейшие работы Б. Н. Казанцева восполнили некоторые из этих пробелов. Содержательностью выделяется его статья «Охрана труда в промышленности в 1946—1965 гг.» [17]. Она явилась вкладом в освещение проблем послевоенной нормализации условий труда работающих. Однако и в этой статье развитие охраны труда на производстве рассматривается как один из важнейших аспектов социальной истории рабочего класса и поэтому конкретная деятельность, например, общественных организаций по совершенствованию условий труда остается в целом вне поля зрения автора.

Представляет интерес намеченная уже в этой, а в более широком плане исследуемая в другой его статье [18] тема взаимосвязи дальнейшего совершенствования социалистической демократии на производстве с активным участием общественности в контроле за состоянием охраны труда. Эта сторона вопроса нашла освещение и в литературе об участии рабочего класса страны в управлении производством. Среди публикаций здесь выделяется многоплановое исследование И. П. Остапенко [27]. Изучая участие рабочих в совершенствовании организации труда, автор особо останавливается и на их деятельности в области охраны труда. Значительно подробнее по сравнению с другими публикациями И. П. Остапенко освещает деятельность профсоюзных органов и их комиссий, внештатных отделов охраны труда, общественных инспекторов и др. И в этой связи работы Б. Н. Казанцева и И. П. Остапенко дополняют друг друга, о чем свидетельствует выход в свет коллективной монографии «Рабочий класс СССР. 1966—1970» [33], в которой проблема совершенствования условий труда рассматривается в двух плоскостях: с точки зрения повышения благосостояния советских людей и участия рабочего класса в управлении производством.

В монографии ленинградских ученых «Рабочий класс СССР в годы девятой пятилетки (1971—1975)» [11] основное внимание уделяется трудовому законодательству, внедрению технической эстетики, организации медицинской помощи на предприятиях,

развитию общественного питания и др. Здесь речь идет не столько об условиях труда, сколько об условиях жизнедеятельности трудящихся в сфере производства. При этом недостаточная разработанность этого вопроса в специальной литературе не могла не сказаться на содержании этого небольшого по объему очерка.

Некоторые вопросы совершенствования условий труда рабочего класса поднимаются авторами историко-партийных исследований. В докторской диссертации В. М. Бачинского, кандидатских В. К. Затулко и В. Н. Карпунова в рамках более общей проблемы — роста народного благосостояния — анализируются основные направления, формы и методы работы партийных организаций Украины по улучшению условий труда рабочего класса, развитию медицинского обслуживания и др. [4; 12; 21]. Этой же теме посвящена и кандидатская диссертация одесской исследовательницы Е. И. Игнатенко [15].

Оценивая достижения исторической науки в разработке проблем охраны труда рабочего класса страны, следует признать, что сделаны лишь первые шаги в этой области. Историки еще не создали крупных исследований, воссоздающих историю борьбы партии, государства, общественных организаций за оптимизацию производственных условий. Такое положение дел объясняется, на наш взгляд, тем, что на протяжении длительного периода исследователи концентрировали внимание на экономической функции производства, которая преобладала над социальной, мало уделяя внимания условиям труда. Справедливости ради следует отметить, что на размах научных исследований в этой области сдерживающее влияние оказала недостаточная документальная база, отсутствие широких статистических публикаций о производственном травматизме, профессиональной и общей заболеваемости и др. В научной литературе приводились разноречивые данные, зачастую неадекватные действительным явлениям и процессам. Сказанное относится и к объему государственных ассигнований на охрану труда в нашей стране. Так, в книге Института экономики АН УССР «XXV съезд КПСС: основные направления экономического развития», учебнике по охране труда для текстильных вузов утверждается, что затраты на охрану труда в 1971—1975 гг. составили соответственно 12 и 11,5 млрд р. [10, с. 82; 22, с. 5]. По нашим же подсчетам, которые совпадают с недавно опубликованными данными Госкомстата СССР, такие затраты составили 15,4 млрд р. В ряд научных изданий вошло свидетельство журнала «Коммунист» о том, что на улучшение условий труда в девятой пятилетке было израсходовано около 15 млрд р., т. е. больше, чем в предыдущие десять лет [45, 1976, № 17, с. 5]. Между тем, если верить другим источникам, ассигнования на охрану труда в 1961—1970 гг. превысили показатель девятой пятилетки более чем на 2 млрд р. [10, с. 82; 27, с. 211; 46, 1972, 24 марта; 47, 1971, 8 апр.]. Перечень подобных примеров можно было бы продолжить.

С 1977 г. ЦСУ СССР публикует на страницах ежегодника «Народное хозяйство СССР» краткие данные о государственных затратах на охрану труда и средства индивидуальной защиты, которые уже вошли в исследовательскую литературу. Вопрос сейчас заключается в том, чтобы значительно расширить публикации данных о состоянии условий труда, сделать их регулярными.

Для успешного решения стоящих перед историками задач необходимо соблюдение требований комплексного подхода к рассмотрению условий труда рабочего класса, полный охват всех факторов, влияющих на их формирование, в том числе и негативных, тормозящих продвижение вперед, всех элементов, составляющих условия труда. Необходимо охватить анализом всю систему охраны труда в нашей стране, ее функции, в том числе отделов труда исполкомов местных советов, отделов охраны труда облсовпрофов и обкомов профсоюзов, подразделений Госгортехнадзора, энергоннадзора, пожарного, санитарного надзора и др. Ведь известно, что в настоящее время существует 22 органа территориального контроля условий труда, однако опыт только незначительной их части стал предметом изучения и анализа.

Недостаточно еще освещается и роль трудовых коллективов, общественных организаций в улучшении условий труда. Эта сторона проблемы тесно связана с развитием демократических основ процесса производства, повышением социальной активности рабочего класса, которая в данном случае выступает в различных формах трудовой, например, техническое творчество рабочих, направленное на улучшение условий труда, а также в общественно-политической активности трудящихся, связанной в данном случае с участием в управлении условиями труда.

Комплексное решение общественоведами проблемы коренного улучшения условий труда рабочего класса, обобщение и критическое переосмысление накопленного в предшествующий период опыта поможет выработать и воплотить в жизнь научно обоснованную программу, окажет существенное влияние на социальное и экономическое обновление советского общества.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Алексеев Г. П. Профсоюзы в системе управления социалистическим производством. М., 1975. 3. Алексеев Г., Иванов Е. Профсоюзы в период строительства коммунизма. М., 1968. 4. Бачинский В. М. КПСС в борьбе за повышение благосостояния рабочего класса (На материалах Украины, 1959—1966): Автореф. дис. ...-ра ист. наук. К., 1981. 5. Васильева Е. В., Комаров В. Е. Условия труда и рост народного благосостояния. М., 1964. 6. Высоцкий В. А. Роль профсоюзов в улучшении условий труда рабочих и служащих в период строительства коммунизма: Дис. ...канд. ист. наук. К., 1972. 7. Гржегоржевский А. Н. Некоторые вопросы методологии исследования условий труда//Методологические проблемы политической экономии, М., 1965. 8. Его же. Обоснование В. И. Лениным проблемы условий труда//Экономическое учение В. И. Ленина и современность. М., 1971. 9. Его же. Некоторые методологические проблемы совершенствования управления условиями труда//Улучшение условий труда на промышленных предприятиях. М., 1982. 10. XXV съезд КПСС: основные направления экономического развития. К., 1977. 11. Ежов В. А., Ваксер А. З., Труфанов И. П. Рабочий класс СССР в годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.).

Л., 1978. 12. *Затулко В. К.* Деятельность Компартии Украины по повышению материального благосостояния рабочего класса республики в годы восьмой пятилетки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1980. 13. *Иванов Е. А.* Профсоюзы в политической системе развитого социализма. М., 1978. 14. *Иванов С. А., Лифшиц Р. З., Орловский Ю. П.* Советское трудовое право: вопросы теории. М., 1978. 15. *Игнатенко Е. И.* Деятельность Компартии Украины по дальнейшему улучшению условий труда и отдыха рабочего класса (1971—1975 гг.): Автореф. дис. канд. ...ист. наук. Одесса, 1986. 16. *История профсоюзов СССР*. Т. 2. М., 1979. 17. *Казанцев Б. Н.* Охрана труда в промышленности в 1946—1965 гг.//История СССР. 1971. № 4. 18. *Его же.* Условия труда и общественно-политическая активность рабочего класса СССР//Рабочий класс на современном этапе. Л., 1980. Вып. 7. 19. *Калачева Л. Л.* Условия труда: методологические вопросы комплексного исследования. Новосибирск, 1978. 20. *Калинина Н. П., Макушин В. Г.* Влияние условий труда на его производительность. М., 1970. 21. *Карпунов В. Н.* Деятельность Коммунистической партии по дальнейшему повышению материального благосостояния и культурного уровня рабочего класса (На материалах Украинской ССР, 1971—1975): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1980. 22. *Кельберт Д. Л.* Охрана труда в текстильной промышленности. М., 1977. 23. *Киселев Я. Л.* Охрана труда по советскому трудовому праву. М., 1962. 24. *Классификация факторов, воздействующих на формирование условий труда: Методические рекомендации.* М., 1977. 25. *Коришонов Ю. Н., Лифшиц Р. З., Румянцев М. С.* Советское законодательство о труде. М., 1980. 26. *Макушин В. Г.* Совершенствование условий труда на промышленных предприятиях: социально-экономические проблемы. М., 1981. 27. *Остапенко И. П.* Рабочий класс в управлении производством. М., 1976. 28. *Остапенко Ю. М.* Условия труда и экономическая эффективность производства. Хабаровск, 1977. 29. *Очерки профессиональных союзов Украинской ССР.* К., 1983. 30. *Планирование условий труда.* К., 1982. 31. *Пригарин В. С.* Условия труда при социализме: политико-экономический анализ. Л., 1985. 32. *Рабочий класс СССР. 1951—1965.* М., 1969. 33. *Рабочий класс СССР. 1966—1970.* М., 1979. 34. *Семенов В. И.* Охрана труда в СССР. Минск, 1976. 35. *Снигирева И. О., Явич Л. С.* Государство и профсоюзы. М., 1967. 36. *Советское трудовое право*/Под ред. Н. Г. Александрова. М., 1972. 37. *Советское трудовое право*/Под ред. А. И. Процевского. К., 1981. 38. *Сойфер В. Г.* Условия труда и качество работы. Челябинск, 1978. 39. *Условия труда в регионе.* К., 1985. 40. *Черкасов Г., Громов Ф.* Условия труда: анализ и пути совершенствования. М., 1974. 41. *Щеглов Г. В.* Профсоюзы СССР в системе демократии развитого социализма. М., 1983. 42. *Шугова Н. И.* Условия труда и их влияние на уровень жизни рабочего класса в СССР: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Одесса, 1966. 43. *Шиглик А. И.* Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР: политико-правовое исследование. М., 1977. 44. *Ямпольская Ц. А.* Общественные организации в СССР. М., 1972. 45. *Коммунист.* 46. *Правда.* 47. *Труд.*

Поступила в редколлегию 20.10.87

А. А. ЧУВПИЛО, канд. ист. наук

НЕКОТОРЫЕ ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ В ИНДИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ В 20—30-е гг.

Индийский национальный конгресс (ИНК) является одной из старейших политических партий мира. В 1985 г. в Индии широко отмечался 100-летний юбилей этой организации, возглавлявшей национально-освободительное движение индийского народа и ставшей правящей после ликвидации в стране английского ко-

ционального режима. С именами выдающихся лидеров ИНК Дж. Неру и И. Ганди связано становление и развитие советско-индийских отношений, которые «стали мощным фактором международной политики» [7, 1986, 24 нояб.].

В годы борьбы за независимость ИНК включал разнородные элементы и фактически представлял собой блок различных социально-политических сил, сплотившихся под общим знаменем национального освобождения. Поэтому в нем постоянно велась острая идейно-политическая борьба, образовывались течения, выделялись самостоятельные политические организации. Национально-буржуазным слоям в основном удавалось удерживать контроль над Конгрессом, но требования представителей других социальных сил наложили неизгладимый отпечаток на весь облик ИНК, программные и тактические установки, во многом определили и его своеобразие, и противоречивость.

В этом отношении исключительно важной для судеб индийского национально-освободительного движения представляется идейно-политическая борьба в Конгрессе в 20—30-е годы, когда закладывались основы многих явлений современной политической и общественной жизни Индии. Именно тогда ИНК превратился в массовую организацию (уже в 1921 г. в нем насчитывалось около 10 млн членов), выработал в ходе длительной внутрипартийной борьбы тактику и программу, предусматривавшую достижение политической независимости, принял ряд важных решений по социальным и экономическим вопросам, предпринял шаги к установлению сотрудничества с антиимпериалистическими силами на международной арене, активно участвовал в создании рабочих, крестьянских, молодежных организаций, разработал ряд мер по устранению межобщинной и кастовой вражды, образовал в конце 30-х годов в ряде провинций конгрессистские правительства, выработал проект конституции Индии и т. д.

Правильное освещение этих сложных событий истории индийского национально-освободительного движения возможно только на основе обобщения и анализа важнейших источников по периоду борьбы за независимость. Их изучение необходимо для более глубокого и основательного исследования расстановки классовых сил в ИНК в 20—30-е годы, определения характера идейных течений на разных этапах их деятельности, отношений между лидерами этих течений, выяснения позиций рядовых конгрессистов по спорным вопросам, а также для понимания некоторых важных аспектов внутрипартийной борьбы в Конгрессе в настоящее время.

Проанализируем важнейшие источники, характеризующие внутрипартийную борьбу в Конгрессе в 20—30-е годы, основные течения и их лидеров, различные аспекты деятельности конгрессистов, выступления трудящихся. Поскольку единой классификации письменных источников нет [4, с. 7], в основу статьи положен видовой принцип их рассмотрения.

Особое значение для правильного понимания сущности национально-освободительного движения, идейно-политической борьбы в нем, выяснения роли различных классов и социальных групп в этой борьбе имеют труды В. И. Ленина, посвященные национально-колониальному вопросу [1, т. 17, с. 174—183; т. 21, с. 400—406; т. 23, с. 145—146; т. 39, с. 318—331; т. 40, с. 166—187; т. 41, с. 122; т. 44, с. 3—12 и др.]. В них содержится глубокий анализ освободительных движений колониальных и зависимых народов в период империализма, характеризуется их роль в эпоху, открытую Великим Октябрем, поставлены задачи для борцов за свободу в отдельных странах и, в частности, в Индии, определены позиции различных классов в антиимпериалистической борьбе, разработаны основы тактики единого фронта, дана характеристика взглядов и деятельности ряда лидеров.

Произведения В. И. Ленина являются не только методологической и идейно-теоретической основой любого исследования по национально-колониальным проблемам, но и одновременно служат важнейшим источником для изучения истории индийского освободительного движения, ИНК и других политических партий, воздействия Октября на антиколониальную борьбу в Индии. Они дают возможность правильно понять все события тогдашней индийской политической и общественной жизни. В. И. Ленин был не просто очевидцем бурных событий, происходивших в Индии в послеоктябрьский период, он внимательнейшим образом следил за всеми перипетиями антиимпериалистической борьбы ее народа, изучал литературу и источники, встречался с ее представителями, интересовался идеями и деятельностью Б. Г. Тилака и М. К. Ганди. Когда в Индии началось так называемое движение несотрудничества (1919—1922 гг.), В. И. Ленин пришел к выводу, что «пробуждается сознание и с каждым днем растет революционное движение» [1, т. 40, с. 177].

Среди важнейших источников необходимо также выделить документы по истории коммунистического движения в Индии [8, 9 и др.]. В них содержатся материалы, касающиеся различных сторон деятельности индийских коммунистов, документы, освещающие внутривнутриполитическое положение Индии, национально-освободительное движение, деятельность ИНК и его лидеров, идейно-политическую борьбу среди конгрессистов, политику английского империализма, борьбу рабочих и крестьян против угнетения и эксплуатации, некоторые события международной жизни того времени.

Анализ этих документов дает возможность более четко представить ход идейно-политической борьбы в ИНК, стратегию и тактику индийских коммунистов в освободительном движении, их отношение к различным течениям индийского национализма, формам и методам антиимпериалистической борьбы, выдвигаемыми лидерами противоборствующих группировок конгрессистов. Большой интерес представляют помещенные в сборнике документов по истории КПИ обращения коммунистов к ИНК и его лидерам

(М. К. Ганди, Ч. Р. Дасу), программные документы КПИ и рабоче-крестьянских партий, статьи видных деятелей коммунистического движения по различным спорным вопросам теории и практики освободительной борьбы, материалы об участии представителей Индии в работе конгрессов Коминтерна, обращения ИККИ к сессии ИНК в Гая и др.

К числу ценнейших документов относятся опубликованные в Индии в колониальный период и после достижения независимости материалы Конгресса [11, 14—19 и др.]. В них, наряду с другими вопросами, отражена острая внутрипартийная борьба по всем важнейшим проблемам, которые являлись предметом дискуссий на заседаниях руководящих органов ИНК. В этом смысле выделяются выступления президентов ИНК на ежегодных сессиях и доклады его генеральных секретарей [11, 17]. Здесь большое внимание уделялось вопросам внутрипартийной борьбы, программе и тактике Конгресса в целом и отдельных группировок в особенности. Однако анализ этих материалов не дает достаточно полного представления об идейно-политической борьбе в ИНК в 20—30-е годы, так как в СССР отсутствуют стенограммы заседаний руководящих органов ИНК, нет и таких важных документов, как его протоколы.

Ценнейшие источники помещены в сборниках документов по истории индийского национально-освободительного движения, изданных в Индии в основном в 50—60-е годы [21—24 и др.]. Они содержат самые разнообразные документы, относящиеся к борьбе индийского народа против британских колонизаторов, начиная еще с XVIII в. Там опубликованы различные законодательные акты британского парламента, касающиеся Индии, материалы деятельности колониальных властей, речи вице-королей и других высокопоставленных чиновников, материалы деятельности законодательных органов, различных организаций и политических партий, конференций, речи лидеров ИНК и других партий.

Особого внимания заслуживают материалы ИНК. Они включают резолюции сессий, заседаний Рабочего комитета и Всеиндийского комитета Конгресса (ВИККа), программные документы и различные публикации ИНК и группировок, действовавших внутри этой организации, выступления президентов Конгресса на ежегодных сессиях, речи перед народом, заявления, интервью лидеров ИНК, материалы об участии представителей Конгресса в работе законодательных органов, (документы всепартийных конференций, созданных Конгрессом для обсуждения конституционных вопросов, разнообразные документы деятельности организаций, созданных Конгрессом или находившихся под его влиянием. Эти материалы во многом заполняют пробелы, вызванные отсутствием некоторых важных конгрессовских публикаций.

Значительное число важных документов содержится в изданных правительствами ряда индийских штатов сборниках по истории национально-освободительной борьбы в отдельных районах [10, 12, 26, 27 и др.]. В них имеются материалы, освещающие

как положение и идейно-политическую борьбу в Конгрессе в целом, так и в комитетах ИНК отдельных провинций. Особенно полезны приводимые в них выступления местных конгрессистов, материалы заседаний провинциальных организаций ИНК и их резолюции, архивные документы, материалы частных собраний, прессы. Они содержат ряд интереснейших и важных данных, совершенно неизвестных по другим источникам и литературе, которые в сочетании с другими источниками дают возможность проанализировать идейно-политическую борьбу в провинциальных организациях ИНК, их точку зрения по спорным вопросам национально-освободительного движения, настроения рядовых конгрессистов.

Большой фактический материал содержат ежегодные отчеты колониальных властей английскому парламенту [25]. В этих регулярных сводках освещалось экономическое и политическое положение страны, содержались разнообразные сведения об освободительном движении, о борьбе течений в ИНК и других партиях, давались характеристики национальным лидерам, подробно описывалась работа законодательных органов, различных учреждений, служб и т. п. К отчетам прилагались резолюции сессий ИНК, материалы деятельности Центрального законодательного собрания, речи высокопоставленных деятелей колониальной администрации, различные законодательные акты. Материал отчетов подобран крайне тенденциозно и поэтому требует критического отношения.

К отчетам близко стоят ежегодники, издававшиеся колониальным правительством [13, 20, 28]. Написанные на основе хроникальных материалов, они содержат интересные данные о различных явлениях в экономической и политической жизни страны за год, о деятельности колониального правительства и различных его учреждений, о национально-освободительном движении. В разделе, посвященном освободительному движению, помещались материалы о положении и деятельности ИНК, некоторых других ведущих политических партий, освещалась работа их руководящих органов, годичных сессий, приводились принятые ими резолюции, выдержки из речей национальных лидеров. Ежегодники, как и отчеты, несмотря на известную ценность многих помещенных там материалов, требуют критического отношения, они также отличались тенденциозностью в выборе и систематизации материала. Особенно это относится к оценке положения в стране и освободительном движении, характеристике политических партий, течений и их лидеров.

Важным источником для изучения внутрипартийной борьбы в Конгрессе является советская, английская и индийская печать. В отличие от тенденциозной буржуазной прессы, статьи в советских газетах и журналах давали объективную оценку положения в ИНК и национально-освободительном движении, характеризовали конгрессистских лидеров, анализировали программные требования группировок, действовавших в Конгрессе, описывали

в ряде случаев даже положение в его провинциальных комитетах. Газеты «Правда», «Известия», «Заря Востока» уделяли много внимания освободительному движению индийского народа и Национальному конгрессу. Важные материалы, позволяющие более четко представить ряд аспектов внутрипартийной борьбы в ИНК, были напечатаны в 20—30-е годы в журналах «Большевик», «Коммунистический Интернационал», «Революционный Восток», «Международное рабочее движение» и др.

Интересные данные приводились в английских и индийских буржуазных газетах и журналах. В частности, английские газеты «Таймс» и «Дейли геральд» тщательно следили за всем происходившим в Индии и широко освещали деятельность ИНК, приводили принятые им решения и резолюции, описывали полемику среди конгрессистов, давали пространные характеристики национальным лидерам, особенно М. К. Ганди и Дж. Неру. Примечательно, что оценки этих газет часто совпадали с позицией британских правящих кругов. Значительный фактический материал помещался и в других английских буржуазных газетах — «Манчестер Гардиан», «Дейли Телеграф», «Дейли мейл» и др.

Индийская пресса печатала многочисленные материалы о национально-освободительном движении, описывала деятельность всех политических партий, помещала выступления их лидеров. Главное внимание при этом обращалось на ИНК и находившиеся под его руководством организации. К сожалению, в СССР имеются лишь отдельные экземпляры и вырезки из индийских газет того времени. Однако даже эти немногочисленные экземпляры индийских газет можно разделить на две категории: англо-индийская пресса и националистическая.

Англо-индийская пресса в своем большинстве выражала интересы колонизаторов. Такие газеты, как «Таймс оф Индия» и «Хиндустан Таймс», в 20—30-е годы освещали события в Индии и за рубежом с точки зрения колониального правительства, антиимпериалистическое движение преподносилось ими тенденциозно, а в ряде случаев и вовсе игнорировалось. В этом смысле выгодно отличается националистическая печать, особенно газеты, стоявшие на платформе Конгресса или служившие его органами. Наиболее интересными представляются «Бомбей кроникл» и «Бенгали». Они были органами ИНК и поэтому главное внимание уделяли его деятельности, подробнейшим образом освещая сессии, заседания Рабочего комитета и ВИККа, печатали разнообразные сведения о М. К. Ганди, Ч. Р. Дасе, М. Неру, Дж. Неру и других лидерах. К сожалению, в СССР имеются лишь отдельные номера этих газет.

Особое место среди националистической прессы занимает еженедельная газета, издававшаяся лидером ИНК и освободительного движения М. К. Ганди, — «Янг Индия». Важнейшие ее статьи были изданы в Индии в виде двух сборников [32; 33]. В «Янг Индия» публиковались материалы, освещавшие все важ-

нейшие аспекты многогранной деятельности ИНК, полемические статьи М. К. Ганди и других руководителей Конгресса, программные документы ИНК, различных организаций, указания провинциальным комитетам ИНК, отдельным конгрессистам, воззвания, письма, интервью, затрагивались вопросы внутрипартийной борьбы. Анализ этих материалов дает возможность проследить ход идейно-политической борьбы в ИНК в первой половине 20-х годов, выяснить цели и задачи соперничавших в нем группировок, важнейшие направления их деятельности, методы воздействия на массы.

Значительный фактический материал содержат индийские буржуазные журналы, особенно «Индиэн ревью», издававшийся в Мадрасе, а также «Лейбор газетт», выходивший в Бомбее, бомбейский журнал «Индиэн соушэл реформер», «Модерн ревью» и др. Они публиковали материалы по различным вопросам экономической и политической жизни страны, сообщения о работе сессий ИНК и его руководящих органов, полемические статьи лидеров борющихся течений, регулярно освещали деятельность «Мусульманской лиги», «Хинду Махасабхи» и других партий.

Среди индийской периодической печати большой интерес вызывает журнал «Мэсиз оф Индиа», который издавался в Париже на английском языке группой индийских коммунистов-эмигрантов. В нем публиковались не только материалы по вопросам рабочего и коммунистического движения, но и уделялось внимание национально-освободительному движению и Конгрессу. Важно то, что вопросы, касающиеся различных аспектов деятельности ИНК, его программы и тактики, освещались в основном с марксистских позиций и отражали точку зрения индийских коммунистов на все важнейшие проблемы освободительной борьбы.

Значение первоисточника имеют работы, выступления и воспоминания руководящих деятелей ИНК и национально-освободительного движения. Наибольший интерес представляет написанное и сказанное М. К. Ганди, Ч. Р. Дасом, С. Ч. Босом, Дж. Неру [29; 31; 34; 37 и др.]. Несколько таких изданий переведено на русский язык [2; 3; 5; 6 и др.]. Изучение этой группы источников позволяет яснее понять ряд аспектов внутрипартийной борьбы среди конгрессистов в 20—30-е годы, уточнить некоторые важные детали возникновения и деятельности свараджистов, респонсивистов, конгресс-социалистов, выяснить характер противоречий между ними, мотивы, определившие поступки тех или иных деятелей, их восприятие происходивших событий, настроения в руководстве ИНК и среди рядовых конгрессистов.

Немалый интерес представляет также такая группа источников, как мемуары представителей английской колониальной администрации [30; 35; 36; 38 и др.]. Их авторы, в большинстве бывшие очевидцами и участниками описываемых событий, сообщают интересные сведения о внутривнутриполитической обстановке в стране, о политике колониальных властей и их взаимоотношениях с национально-освободительным движением, о настрое-

ниях в лагере колонизаторов. Материал здесь подобран крайне тенденциозно и преследует цель как можно в более выгодном свете представить правление англичан в Индии, поэтому такой вид источников, несмотря на уникальность некоторых приводимых данных, требует критического подхода.

Таким образом, в распоряжении исследователя индийского национально-освободительного движения имеется такое богатство источников, которое дает возможность представить действительно полную и многогранную картину идейно-политической борьбы в ИНК в 20—30-е годы. Для этого необходимо провести большую исследовательскую работу по выявлению, систематизации и всестороннему анализу материалов, добываясь не только раскрытия их содержания, но и определения классовый природы. Важнейшим условием также является комплексное изучение всех источников, необходимых для освещения поставленной проблемы, а также использование вспомогательных исторических дисциплин, особенно таких, как дипломатика, хронология, историческая география. Только в этом случае можно всесторонне изучить сложные и порой труднообъяснимые события и явления индийской политической жизни колониального периода.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Азад А. К. Индия добивается свободы. М., 1961. 3. Ганди М. К. Моя жизнь. М., 1969. 4. Мнухина Р. С. Источниковедение истории нового и новейшего времени. М., 1970. 5. Неру Дж. Автобиография. М., 1955. 6. Прасад Р. Автобиография. М., 1961. 7. Правда. 8. *Documents of the history of the Communist Party of India*. Vol. 1—3. New Delhi, 1971, 1974, 1983. 9. *Communist Party of India. A Manifesto to the All-India National Congress*. L., 1926. 10. *A history of Orissa*. Vol. 1—2. Calcutta, 1956. 11. *Congress presidential addresses from silver to the golden jubilee*. Madras, 1934. 12. *Freedom struggle in Uttar Pradesh*. Vol. 1—2. Uttar Pradesh, 1957—1958. 13. *Indian annual register, 1921—1939*. Calcutta, 1921—1940 (in 1924—1929—Indian quarterly register). 14. *Indian National Congress*. Belgaum, 1924. Resolutions passed by the 39th sessions of the Indian National Congress, held at Belgaum on December 26th and 27th 1924. Allahabad, 1925. 15. *Indian National Congress*. Constitution of the Indian National Congress. Allahabad, 1925. 16. *Indian National Congress, 1920—1923*. Being a collection of the resolutions of the Congress and of the All India Congress Committee and of the Working Committee of the Congress, from September 1920 to December 1923. Allahabad, 1924. 17. *Indian National Congress*. Reports of the General secretaries. Vol. 1—3. Lahore, 1956. 18. *Indian National Congress*. Resolutions on economic policy and programme, 1924—1954. New Delhi, 1954. 19. *Indian National Congress*. Resolutions on states reorganisation, 1920—1956. New Delhi, 1956. 20. *Indian year book*. A statistical and historical annual of the Indian Empire, with an explanation of the principal topics of the day, 1920—1939. Bombay-Calcutta, 1920—1939. 21. *India's struggle for freedom*. Selected documents and sources. Vol. 1—3. Delhi, 1962—1965. 22. *Rare documents*, Lahore, 1967. 23. *Selected documents of the British period of Indian history*. Calcutta, 1958. 24. *Speeches and documents on the Indian Constitution, 1924—1947*. Vol. 1—2. Bombay, 1957. 25. *Statement exhibiting the moral and material progress and condition of India, 1920—1935*, N 57—70. London-Calcutta, 1922—1937. 26. *The Freedom struggle in Hyderabad*. Vol. 1—2. Hyderabad, 1956. 27. *The history of the freedom movement in Madhye Pradesh*. Nagpur, 1956. 28. *Times of India directory and yearbook including who's who, 1920—1939*. Bombay, 1920—1939. 29. *Bose S. C. The Indian struggle, 1920—1942*. Calcutta, 1964. 30. *Chitrol V. India*. London, 1926. 31. *Das C. R. The philosophy of non-cooperation and spiritual-political swaraj*. Madras, 1922. 32. *Candhi M.*

Young India, 1919—1922. Madras, 1924. 33. *Gandhi M.* Young India, 1924—1926. Madras, 1927. 34. *Gandhi M.* The Collected Works. Vol. 1—28. New Delhi, 1958—1969. 35. *Montagu E.* An Indian diary. L., 1930. 36. *Morley J.* Recollections Vol. 1—2. L., 1924. 37. *Nehru J.* Selected Works. Vol. 1—3. New Delhi, 1972. 38. *O'Dwyer M.* India as I knew it. 1885—1925. L., 1925.

Поступила в редколлегию 22.10.87

Ю. А. ГОЛУБКИН, канд. ист. наук,

В. А. ДЯТЛОВ, канд. ист. наук,

А. Б. КОВАЛЕНКО, канд. ист. наук

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ГДР (70—80-е гг.)

В последние годы в нашей стране возросли масштабы историко-краеведческой работы, расширилась тематика исследований, повысился их идейно-теоретический уровень. Для дальнейшего развития отечественного исторического краеведения важное значение имеет использование опыта стран социалистического содружества. В настоящей статье предпринимается попытка охарактеризовать организацию, основные направления, методическую и методологическую основы исторического краеведения в ГДР на современном этапе.

Особенно широкий размах историко-краеведческая работа приобрела в ГДР в 70-е—80-е гг. Это было обусловлено тем, что успехи республики в строительстве социалистического общества сопровождались дальнейшей демократизацией всех областей общественных отношений, расширением политического и исторического кругозора, ростом духовных потребностей граждан. Кроме того, отсутствие у молодежи республики непосредственного опыта антифашистско-демократического переворота и строительства основ социализма должно быть восполнено за счет усвоения уроков истории и революционных традиций немецкого народа. И наконец, в условиях обострения идеологической борьбы на международной арене необходимо было повысить уровень аргументированной, наступательной полемики с попытками фальсификации исторического наследия и революционных традиций.

Ученые ГДР видят основную задачу исторического краеведения в определении места и роли отдельных территорий в немецкой истории, в показе того, как общие исторические закономерности проявляются в специфических региональных условиях. При этом история отдельных территорий рассматривается краеведами ГДР в диалектической взаимосвязи с национальной и всемирной историей, ибо марксистско-ленинский подход к изучению исторических процессов несовместим с национальной ограниченностью и любыми формами национализма.

Большое значение в ГДР придается идеологической, политико-воспитательной функции краеведения. Говоря о задачах партии по осуществлению решений IX съезда СЕПГ, Э. Хонеккер отмечал: «Оптимизм граждан нашего социалистического государства не в последнюю очередь определяется тем, насколько они осознают себя связанными со своим селом или городом и их историей. Это влияет на их сознание, на готовность защищать и охранять то, за что боролись наши отцы и что совместно создано всеми нами» [1, S. 180].

Координацией и организацией работы в области исторического краеведения в ГДР занимаются отдел региональной истории Центрального института истории, Институт истории немецкого рабочего движения Академии общественных наук при ЦК СЕПГ, отдел истории культуры и этнографии АН ГДР, Общество истории родного края при Культурбунде ГДР, Комиссия по истории предприятий при немецком историческом обществе, комиссии при окружных и районных комитетах СЕПГ по изучению истории рабочего движения на местах.

Основными направлениями деятельности историков-краеведов ГДР являются изучение истории округов, районов, территориально-административных единиц, существовавших в прошлом; городов, сел, предприятий; местного рабочего, молодежного и женского движения; науки, академий, высшего и среднего образования; быта и культуры народных масс в эпоху феодализма и капитализма, социалистического образа жизни; публикация исторических источников; охрана памятников истории и культуры; создание кабинетов исторических традиций и музеев; участие в проведении юбилеев; написание фундаментальных обобщающих работ по истории Германии, истории ГДР, Социалистической Единой партии Германии, Объединения свободных немецких профсоюзов, Союза свободной немецкой молодежи*.

В организации исторического краеведения в ГДР заслуживает внимания опыт создания и деятельности Общества истории родного края, а также комиссий при окружных и районных комитетах СЕПГ по изучению рабочего движения на местах и комиссии по истории предприятий при немецком историческом обществе. Эти организации в значительной мере способствуют повышению роли исторического краеведения, расширению масштабов историко-краеведческих исследований и научно-популяризаторской работы в массах.

На солидную основу поставлено в ГДР дело охраны памятников истории и культуры. На территории республики находится 300 архитектурных и исторических памятников, зарегистрированных ЮНЕСКО в качестве сооружений, представляющих мировую историческую ценность. Памятниками архитектуры национального значения объявлено 1200 сооружений, а памятников, имею-

* Подробнее об основных направлениях деятельности историков-краеведов ГДР см. [8, S. 666—807].

ших местное значение, насчитывается около 30 000. Бесценное историческое и культурное наследие хранится в более чем 640 музеях, которые ведут большую научную и просветительную работу [3, с. 210]. 19 июня 1975 г. в ГДР принят закон об охране памятников. При Культурбунде ГДР создано общество охраны памятников. Организован Институт охраны памятников. Издается журнал «Охрана памятников в ГДР» («Denkmalpflege in DDR»). В 1980 г. был учрежден Национальный совет ГДР по сохранению и пропаганде немецкого культурного наследия, возглавляемый министром культуры. Этот Совет является консультативным органом при Совете Министров и рассматривает все вопросы, связанные с сохранением, изучением и пропагандой культурного наследия [Ibid., S. 209]. Широкий размах приобрели реставрационные работы. Например, накануне отмечавшегося в 1983 г. 500-летия со дня рождения выдающегося реформатора Мартина Лютера в программу реставрационных работ был включен 31 мемориальный объект [13, № 1/2, S. 203—217].

Повсеместно в ГДР ведутся хроники населенных пунктов, предприятий, учебных заведений. Некоторые хроники выходят отдельными изданиями, некоторые публикуются в местных газетах, в многотиражках предприятий, в качестве приложений к истории предприятий. Большое научное и политическое значение этой работы было отмечено в Постановлении Совета Министров ГДР о местной хронистике от 26 ноября 1981 г. [11, 1984, № 12, S. 1122].

Заметных успехов в 70-х—80-х гг. добились краеведы ГДР и в изучении образа жизни и культуры народных масс в разные исторические периоды. Главная проблема, которая рассматривается исследователями феодальной и капиталистической формаций — социальная революция и прогресс культуры [8, S. 668]. Наиболее успешным примером освещения этой проблемы следует считать сборник о материальной и духовной жизни народных масс в годы раннебуржуазной революции в Германии [6]. Историками и социологами прослеживаются также закономерности культурного прогресса в условиях социализма [8, S. 666, 668]. Историко-краеведческие исследования образа жизни и культуры народных масс послужили основой, на которой была создана получившая большой резонанс четырехтомная работа Ю. Кучинского «История повседневной жизни немецкого народа» [9].

Историки-краеведы ГДР располагают внушительной издательской базой. Во многих центрах округов и районов регулярно издается серия «Труды по истории местного рабочего движения». Среди множества научно-популярных изданий по своему идейно-теоретическому уровню, занимательности и богатству содержания выделяются книги серии «Ценности нашей Родины». Статьи по краеведческой тематике регулярно печатаются в «Историческом журнале» («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft»), «Ежегоднике региональной истории» («Jahrbuch für Regionalge-

schichte») и «Ежегоднике этнографии и истории культуры» («Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte»). Краеведческая периодика издается даже в небольших городах. А в таком крупном культурном центре, как Лейпциг, выходит четыре краеведческих периодических издания [8, S. 729].

Отлично организована в ГДР справочно-библиографическая служба. Историко-краеведческие публикации находят отражение не только в исторических библиографиях общего характера и в региональных библиографиях *, но и в ряде тематических: библиографии работ по истории родного края, изданных Кутьтурбундом [5]; избранной библиографии по историческому краеведению и истории предприятий [4]; историко-краеведческой избранной библиографии по Ноябрьской революции 1918—1919 гг. [7]; избранной библиографии по методике и методологии марксистских региональных исследований в ГДР [10, 1970, № 4].

В 70-х — 80-х гг. ученые ГДР внесли весомый вклад в развитие методики и методологии исторических исследований. При этом первостепенное значение для дальнейшего успешного развития краеведения имела дальнейшая разработка марксистско-ленинской концепции исторического наследия и традиций.

Заботой о сохранении и всестороннем изучении прогрессивно-го исторического наследия и традиций проникнуты многие решения СЕПГ и правительства ГДР, выступления видных государственных и общественных деятелей. Так, об этом говорилось на VIII и IX съездах СЕПГ [2], в призывах ЦК СЕПГ, Совета министров и Народного фронта в связи с 30 и 35-летием образования ГДР, в автобиографии Э. Хонеккера «Из моей жизни», в его интервью британскому издателю Максвеллу и речи на учредительном заседании лютеровского комитета, созданного в связи с 500-летием со дня рождения выдающегося немецкого реформатора [14, 1981, № 5, S. 387]. Задача сохранения культурного наследия была отражена в принятой в 1976 г. Программе СЕПГ: «Социалистическая культура Германской Демократической Республики обязана богатому наследию, созданному на протяжении всей истории нашего народа. Все великое и благородное, гуманистическое и революционное с честью будет сохраняться и развиваться дальше в Германской Демократической Республике, благодаря тому, что оно будет поставлено в живую связь с задачами современности» [1, S. 71]. В ходе дискуссии, состоявшейся 18 ноября 1981 г. на совместном заседании Совета исторической науки и Центрального института истории Академии наук ГДР, были обсуждены спорные и нерешенные вопросы проблемы исторического наследия и традиций, намечены пути дальнейших исследований [14, 1981, № 5, S. 258].

По мнению историков ГДР, изучение исторического наследия должно показать закономерности исторического процесса во всей его противоречивости; раскрыть смысл и значение как позитив-

* Перечень этих библиографий приводится в [8, S. 732].

ных, так и негативных уроков истории; формировать исторические представления как составную часть марксистско-ленинского мировоззрения. Но при этом подчеркивается необходимость решительного разрыва с наследием антагонистических эксплуататорских обществ, в особенности с реакционным наследием империализма и фашизма.

В отличие от исторического наследия, т. е. исторического прошлого во всей его совокупности, исторические традиции рассматриваются исследователями из ГДР как действительно сохраняющаяся в том или ином обществе часть прошлого [Ibid., S. 614]. Традиции продолжают жить и исчезают не всегда автоматически с изменением или преодолением тех общественных основ, которые их породили. Они образуют комплекс относительно стабильных форм, норм и правил совместной жизни людей, потребностей, установок, ценностных ориентаций, которые становятся составной частью повседневного сознания и социальной психологии представителей разных классов, слоев, групп или этнических общностей. Историки ГДР справедливо считают, что забота о сохранении тех или иных традиций является классово обусловленной. В антагонистических классовых обществах господствующие эксплуататорские классы используют некоторые традиции для консервации существующих общественных отношений, сохранения своего политического господства, отвлечения трудящихся от борьбы за социальное освобождение, для насаждения в их среде духа верноподданничества и низкопоклонства.

Исторические традиции ГДР рассматриваются как часть исторического наследия, включающая такие явления, события и факты, на которых основывается ГДР, воплощение которых она представляет, которые сохраняет и продолжает. В речи на юбилейных торжествах по случаю 35-летия образования ГДР Э. Хонеккер отмечал, что, осуществляя на практике идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, «ГДР продолжает традиции всего прогрессивного, что совершил наш народ, за что сражались все те, кого воодушевлял дух гуманизма, идеалы мира, создания такого общества, в котором человек перестает быть униженным, презираемым существом» [12, 1984, 8 Okt.].

Первостепенное значение историки-краеведы ГДР придают изучению и популяризации исторических ценностей, рожденных рабочим классом и его партией от возникновения пролетариата как класса, начала немецкого рабочего движения и образования первой революционной партии пролетариата до настоящего времени. Наряду с этим интенсивно исследуются революционные, демократические и гуманистические процессы и движения на всем протяжении немецкой истории. Кроме того, в конце 70-х — начале 80-х гг. историки ГДР стали считать одним из составных элементов понятия «традиция» и позитивные результаты деятельности господствующих эксплуататорских классов, слоев, групп и их представителей, «деяния и заветы всех тех, кто способствовал прогрессу, развитию мировой культуры, независимо от их

социальной и классовой принадлежности» [14, 1980, № 10, с. 927]. По мнению исследователей из ГДР, нужно дифференцированно оценивать прогресс в антагонистических классовых обществах, проводя грань между эксплуататорской функцией господствующих классов и их ролью организаторов производства. Недостаточно, подчеркивают ученые ГДР, лишь сохранять как музейные экспонаты крепости и замки, произведения искусства и материальной культуры, нужно всесторонне анализировать эпоху, породившую их, изучать не только историю борьбы народных масс, но и деятельность дворянства и королевской власти в период феодализма; средневековое бюргерство и зарождающуюся буржуазию во время раннебуржуазной революции в Германии в первой четверти XVI в. абсолютизм и буржуазию XIX в. [18, с. 823].

Ученые ГДР считают, что историческое наследие и традиции нельзя схематично отделять друг от друга или же противопоставлять друг другу. Часто в сложных исторических процессах, событиях или личностях прогрессивное переплетается с реакционным. Дифференцированная оценка таких чрезвычайно противоречивых исторических явлений должна учитывать их место и значимость в исторической борьбе за общественный прогресс [14, 1981, № 5, с. 823].

Но не все прогрессивное в истории обязательно должно становиться традицией социалистического общества. Историки ГДР полагают, что буржуазная «революция верхов» 60-х гг. XIX в., в которой под руководством прусских юнкеров образовалось буржуазное немецкое национальное государство, представляла собой общественный прогресс. Но вместе с тем они справедливо утверждают, что было бы неисторичным извлекать из этого явления традиции социалистического общества. И наоборот, такие традиции рождались в ходе борьбы рабочих и демократической мелкой буржуазии против контрреволюционного объединения Германии «железом и кровью». Несомненно, отдельные моменты государственной политики Фридриха II Прусского следует оценивать позитивно. Но в целом Фридриха II историки ГДР характеризуют как представителя позднефеодальной абсолютистской политики, проводимой в интересах реакционного дворянства. Выдающийся же реформатор Мартин Лютер, несмотря на свою бюргерскую ограниченность, был идеологом и видным деятелем первой в истории раннебуржуазной революции. И поэтому ученые ГДР относят Лютера, в отличие от Фридриха II, к линии прогрессивных традиций социалистического общества [Ibid., S. 823—824]. Таким образом, при проверке составных элементов исторического наследия и традиций, их углублении и обогащении основными критериями неизменно остаются интересы рабочего класса и его партии, теория классов и классовой борьбы, идеалы общественного прогресса.

Проблема исторического наследия и прогрессивных традиций тесно связана с вопросом об исторической основе ГДР. В пере-

ходный от капитализма к социализму период — между окончанием второй мировой войны и началом 60-х гг. — в ГДР были созданы экономические, социальные, политические и идеологические основы для образования социалистической нации. Но отождествление граждан с их социалистической нацией включает, наряду со многими другими моментами, также знание и познание ее исторических предпосылок.

Между тем буржуазная историография и пропаганда утверждают, что исторической основой ГДР является в основном история Пруссии. Таким образом, ГДР представляется как наследница реакционного пруссачества [Ibid., S. 399]. В полемике с буржуазной историографией исследователи ГДР подчеркивают, что реальный социализм на немецкой земле, если абстрагироваться от его интернациональных корней, исторически представляет собой результат всей германской истории. ГДР унаследовала все прогрессивные традиции немецкой истории. К ним относятся акты Крестьянской войны 1524—1525 гг. как в Юго-Западной Германии, так и в Тюрингии; деятельность южнонемецких якобинцев в годы Французской буржуазной революции и Майнцская республика 1793 г., крестьянское восстание в Саксонии в 1790 г. и восстание силезских ткачей в 1793 г., баррикадные бои в мае 1849 г. в Берлине и Дрездене [Ibid., S. 400].

Касаясь методики историко-краеведческих исследований, следует отметить, что большое значение в ГДР придается совместной работе представителей разных исторических дисциплин: историков, историков хозяйства, историков культуры и искусства, этнографов, археологов, специалистов по исторической географии и исторической демографии и т. д. Практикуется сотрудничество профессиональных историков и краеведов-любителей. В краеведческих исследованиях используются массовые источники: налоговые регистры, церковные книги, адресные книги, акты гражданского состояния. При обработке этих материалов историки прибегают к математическим методам исследования. Широко применяется историко-сравнительный метод, который является важным инструментом для учета диалектики регионального, национального и интернационального в краеведческих исследованиях. Кроме того, историко-сравнительный метод служит надежной преградой на пути переоценки региональных особенностей [Ibid., 1985, № 10, S. 884—885].

Таким образом, историки-краеведы ГДР успешно решают задачи, которые были поставлены СЕПГ перед исторической наукой. В ГДР накоплен ценный опыт четкой организации историко-краеведческой работы, бережного отношения к историческому прошлому, всестороннего использования революционных, прогрессивных и гуманистических традиций для дальнейшего успешного строительства социалистического общества, наступательного противоборства с империалистической и социал-реформистской идео-

логией. Изучение и использование этого опыта несомненно будет способствовать обогащению содержания и форм историко-краеведческой работы в нашей стране.

Список литературы: 1. *Programm der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands*. Berlin, 1976. 2. *Honecker E.* Die nächsten Aufgaben der Partei bei der weiteren Durchführung der Beschlüsse des IX Parteitages der SED//Honecker E. Reden und Aufsätze. Berlin, 1982. Bd. 7. 3. Германская Демократическая Республика. Берлин, 1984. 4. *Auswahlbibliographie zur Regional- und Betriebsgeschichte*. Berlin, 1976. 5. *Bibliographie selbständiger Schriften des Kulturbundes der DDR zur Heimatgeschichte 1945 bis 1978*. Berlin, 1979. 6. *Der arm man 1525*. Volkskundliche Studie. Berlin, 1975. 7. *Die Novemberrevolution 1918/19*, eine regionalgeschichtliche Auswahlbibliographie. Berlin, 1978. 8. *Historische Forschungen in der DDR (1970—1980)*. Analysen und Berichte. Zum XV Internationalen Historikerkongreß in Bukarest 1980. Berlin, 1980. 9. *Kuczynski J.* Geschichte des Alltags des deutschen Volkes. Berlin, 1980—1982. Bd. 1—4. 10. *Eichsfelder Heimathefte*. 11. *Einheit*. 12. *Neues Deutschland*. 13. *Wissenschaftliche Zeitschrift Friedrich-Schiller-Universität Jena*, Ges. u. Sprachwiss. Reihe. 14. *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*.

Поступила в редколлегию 10.10.87

С. И. БАЕВ

БАЛЬТАЗАР ГУБМАЙЕР И КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ

Жизнь известного немецкого реформатора Бальтазара Губмайера была недолгой. О его детстве и юности сохранились скудные сведения. Он родился около 1485 г. в Фридберге. В мае 1503 г. Губмайер стал студентом университета в Фрейбурге (Брейсгау). Большое влияние на юного студента оказал профессор Иоганн Экк, который позже выступил против Реформации и приобрел широкую известность в Германии благодаря своей полемике с Лютером на Лейпцигском диспуте 1519 г. В 1512 г. Экк, а вслед за ним и Губмайер, перебрались в Ингольштадт. В этом городе Губмайер исполнял обязанности священника. Одновременно он преподавал в университете, получил докторскую степень, а в 1515 г. занял пост проректора. В январе следующего года Губмайер стал проповедником кафедрального собора в Регенсбурге.

Реформаторская деятельность Губмайера началась в Вальдсгуте. В этот небольшой городок на Верхнем Рейне он приехал в начале 1521 г. Познакомившись с сочинениями Лютера, установив непосредственные контакты с Цвингли, Губмайер не стал последовательным сторонником ни лютеранского, ни цвинглианского направлений Реформации. Летом 1524 г. Вальдсгут примкнул к восставшим крестьянам и принял активное участие в Крестьянской войне. Под руководством Губмайера в Вальдсгуте возникла одна из первых анабаптистских общин. На заключительном этапе Крестьянской войны, незадолго до капитуляции Вальдсгута, Губмайеру удалось бежать из этого города в Цюрих. Изг-

нанный после короткого заключения из Швейцарии, Губмайер нашел приют в Никольсбурге (Моравия). Неудачи и преследования не сломили Губмайера. В Моравии он возобновляет пропаганду идей анабаптизма. За это он был посажен в венскую тюрьму, обвинен в ереси и 10 марта 1528 г. сожжен на костре. Тремя днями позже в Дунае была утоплена жена Губмайера, разделявшая его воззрения.

В марксистской историографии Губмайер изучен слабо. Деятельность Губмайера в годы Крестьянской войны рассматривалась в монографии М. М. Смирин [10]. Но он не использовал сочинений Губмайера — их критическое издание появилось лишь в 1962 г. [1]. Не привлекались сочинения Губмайера и Ю. К. Некрасовым — автором ряда работ о Крестьянской войне в Южной Германии [8; 9]. Опубликованная автором настоящей статьи единственная специальная работа о Губмайере освещает его реформаторскую деятельность в Вальдсгуте в 1523—1524 гг. [7].

Буржуазные исследователи рассматривали Губмайера преимущественно с конфессиональных позиций. Анализируя религиозные представления реформатора, одни историки отмечали их несамостоятельность [17], другие подчеркивали «церковно-историческое своеобразие» [11, S. 31], третьи превозносили Губмайера как выдающегося анабаптиста [22, S. 11].

Использованные нами источники можно условно разделить на три группы: документы и свидетельства современников и участников Крестьянской войны, относящиеся к 1524—1525 гг.; сочинения Губмайера; сочинения и хроники, написанные после Крестьянской войны.

В историографии характеристика Губмайера, как правило, базируется на источниках третьей группы. А как раз они крайне тенденциозны. Лютер и его сторонники, ориентируясь после 1525 г. уже на союз с князьями, всячески стремились доказать свою непричастность к подготовке Крестьянской войны. И поэтому главную ответственность за вспышку массового народного движения они возложили на представителей «левых» направлений Реформации, в том числе и на Губмайера [23, S. 116—134]. Католические же авторы родоначальниками всех мятежей и возмущений в Германии считали Лютера и его сторонников. Но к «лютеровской секте» католики относили представителей не только лютеровской умеренной, но и «левых» направлений Реформации. Центральное место среди свидетельств католических авторов о Губмайере занимает произведение Иоганна Фабри «Почему главарь и родоначальник анабаптистов доктор Бальтазар Губмайер сожжен в Вене 10 марта 1528 года» [3]. По мнению Фабри, злой дух и преступные дела Губмайера стали основной причиной того, что штюллингские и клеттауские крестьяне стали первыми, «кто поднялся против властей, из-за чего и возникли ужасный мятеж и кровопролитие. Поэтому, — продолжает Фабри, — Губмайер, в такой же степени, как и Лютер, повинен в гибели почти ста тысяч крестьян и страданиях сотен

тысяч вдов и сирот» [Ibid., S. 213]. Вместе с тем Фабри обнаружил в бумагах Губмайера небольшую тетрадь, представлявшую собой рукопись «манифеста и планов» крестьян, и изложил их содержание. Оно свидетельствует о том, что тетрадь включала «12 статей», «Статейное письмо», а также обширный политический проект, в котором прослеживается влияние идей Мюнцера. Последний документ впоследствии был озаглавлен А. Штерном как «Проект государственного устройства» [19, S. 338].

Опираясь на сочинения и хроники, написанные после Крестьянской войны, и прежде всего на свидетельство Фабри, многие исследователи оценивают Губмайера как одного из наиболее известных крестьянских агитаторов в Юго-Западной Германии и связывают с его именем написание самых популярных программ Крестьянской войны [14—15; 17; 24—25]. Те же историки, которые исходили прежде всего из сочинений самого Губмайера, представляли его «чистым теологом» и подчеркивали, что его контакты с восставшими крестьянами носили временный, случайный характер и определялись задачами борьбы за свободу проповеди Евангелия [11; 13; 17; 20].

По нашему мнению, для изучения наследия Губмайера и для оценки его роли в Крестьянской войне в частности необходим сравнительный анализ всех названных выше групп источников. Кроме того, мы стремимся рассматривать учение и деятельность Губмайера не изолированно, а в тесной связи с событиями Крестьянской войны. И наконец, мы пытаемся вскрыть субъективное содержание и объективный характер воздействия учения и деятельности Губмайера. Разумеется, ограниченные рамки статьи не позволяют подробно раскрыть все вопросы, относящиеся к данной теме. Некоторые из них, в особенности проблема авторства упомянутых выше программ Крестьянской войны, заслуживают специального освещения.

Начало Крестьянской войны застало Губмайера в Вальдсгуте. В этом городе он при поддержке городского совета и основной массы горожан успешно осуществлял реформационные преобразования. Реформационное движение в Вальдсгуте приобрело характер острого политического конфликта с австрийскими властями. Последние опасались, что реформация в Вальдсгуте может найти отклик во многих других местах Передней Австрии. Связывая волнения, начавшиеся в городах Лауфенбурге, Зекингене, Рейнфельдене и в деревнях Шварцвальда, с реформационным движением в Вальдсгуте, Ульрих фон Хабсбург 2 июня 1524 г. советовал правительству в Верхнем Эльзасе перейти от слов к делу и силой привести мятежный город к покорности [20, S. 277]. Однако военные действия в Италии и подготовка турецкой кампании заставили Габсбургов на время отложить эти планы. Австрийские власти опять прибегли к угрозам и потребовали от Вальдсгута до 4 июля 1524 г. изгнать Губмайера и отречься от еретического учения [12, S. 136]. Жители Вальдсгута не выполнили этого требования. В борьбе с Габсбургами

город рассматривал в качестве естественных союзников, проводивших цвинглианскую реформацию, городские кантоны Швейцарии и восставших крестьян Юго-западной Германии.

Однако попытки установления тесного союза Вальдсгута с швейцарскими городами не увенчались успехом. Правда, 3 октября 1524 г. в Вальдсгут для его защиты от предполагавшегося нападения австрийских воинских соединений прибыл отряд швейцарских добровольцев. Но уже 4 декабря он был отозван в Цюрих. Неудачей закончились и состоявшиеся в Цюрихе 4 марта 1525 г. переговоры вальдсгутской делегации о союзе Вальдсгута с Цюрихом, Базелем и Шаффгаузеном [15, S. 119]. Ю. К. Некрасов справедливо отмечает, что «политику Цюриха и других цвинглианских кантонов можно назвать не только политикой неиспользованных возможностей, поскольку она недостаточно последовательно и энергично содействовала установлению единства действий всех антифеодальных сил на юге и юго-западе германских земель, но и предательской по отношению к восставшим крестьянам» [8, с. 80].

Более надежными, прочными и длительными оказались контакты Вальдсгута с восставшими крестьянами, связь с которыми была установлена еще летом 1524 г. в момент выступления поданных ландграфства Штюллинген против их господина, графа Сигизмунда фон Лупфена. 31 июля правительство в Инсбруке сообщило эрцгерцогу Фердинанду, что штюллингенцы вступили в Вальдсгут и находились там три дня [11, S. 146]. В начале сентября 1524 г. в Вальдсгут прибыло 800 крестьян из Бульгенбаха во главе с Гансом Мюллером. Они заключили с городом союз. Это был первый союз вооруженных крестьян и бюргерской оппозиции в Крестьянской войне. 28 октября 1524 г. австрийские эмиссары жаловались на заседании Швабского союза в Ульме, что «вальдсгутцы объединились с мятежными штюллингенскими и некоторыми шварцвальдскими крестьянами и ... ищут у них помощи, совета и поддержки» [6, S. 282].

Новый этап во взаимоотношениях Вальдсгута с крестьянами начался в январе 1525 г. В конце этого месяца город решительно поддержал требования клеттгауских крестьян об отмене церковной десятины и других феодальных повинностей, а в середине апреля добровольно присоединился к «Христианскому объединению» в Шварцвальде. В качестве полноправного члена этой революционной организации Вальдсгут принял активное участие в военных действиях крестьян. 15 апреля представители города Филлинген сообщили в Фрейбург о прибытии в крестьянское войско «двух знамен * из Вальдсгута» [2, Bd. II, S. 41]. В начале мая город послал отряд с орудием на помощь крестьянам, осаждавшим Радольфцелль на Боденском озере [4, S. 114]. В своих действиях Вальдсгут руководствовался принципами «Статейного письма» — радикальной программы «Христианского объеди-

* «Знамя» — часть крестьянского отряда, включавшая до 500 чел.

нения» Шварцвальда. Горожане заняли один из замков и относившееся к монастырю св. Блазия аббатство, а позднее захватили монастырскую утварь, не дав вывезти ее в Швейцарию [17, S. 104]. Даже после поражения основных сил крестьян Шварцвальда и Гегау в июле 1525 г. Вальдсгут не утратил духа сопротивления. Когда 16 октября, на заключительном этапе восстания, вновь выступили клеттгауские крестьяне, Вальдсгут направил к ним людей и артиллерию. Лишь 4 ноября в сражении у Гриссена судьба города была окончательно решена [4, S. 148—150]. 6 декабря 1525 г. Вальдсгут — последний оплот восстания на Верхнем Рейне — был взят австрийскими войсками.

Об отношении Губмайера к описанным событиям нам известно мало. В сочинениях и письмах 1524—1525 гг. он ни разу не упоминает о связях с крестьянами. Все произведения этого периода направлены на решение чисто вероисповедных проблем; их содержание, на первый взгляд, далеко от характерных для народного понимания Реформации идей социального и политического переворота, от конкретных антифеодальных лозунгов крестьянских программ. Ни в одном из источников, за исключением тенденциозного памфлета Фабри и хроники Летча, не упоминается о деятельности реформатора в среде восставших крестьян. Да Губмайер и не мог играть активной роли при заключении с ними в сентябре 1524 г. союза, так как еще 29 августа, когда возникла угроза его выдачи австрийским властям, покинул Вальдсгут и до 27 октября скрывался в швейцарском Шаффгаузене [11, S. 166—192].

Действия Губмайера накануне сражения у Гриссена, в котором участвовали и вальдсгутцы, также не соответствуют тезису о его руководящей роли в крестьянском восстании. 4 ноября 1525 г. реформатор в сопровождении 30 чел. выехал из Вальдсгута, но отправился не в крестьянский отряд, а в Цюрих, где на 6 ноября был назначен диспут о крещении детей. Узнав, что австрийцы послали воинский отряд для его поимки, Губмайер поспешно возвратился назад [4, S. 150]. Через пять дней граф Рудольф фон Зульц и рыцарь Фухс фон Фухсберг подробно проинформировали эрцгерцога Фердинанда о разгроме крестьян у Гриссена. Описав приведение крестьян к присяге и сдачу ими оружия, победители затем рассказали о принятии розыске зачинщиков. В их числе, кроме священника из Гриссена — проводителя крестьян — его помощников, был также назван священник из Хатингена — «подстрекатель всех злодейств в Гегау» [17, S. 107]. Но Губмайер, который перед сражением останавливался в Гриссене, в письме даже не упомянут. Несомненно, если бы сподвижники эрцгерцога подозревали Губмайера в связях с крестьянами, они не преминули бышний раз подчеркнуть это.

И все же отмеченного выше, как нам кажется, недостаточно для оценки роли Губмайера в Крестьянской войне. Трудно предположить, что в апреле и мае 1525 г. Вальдсгут поддерживал

крестьян без ведома Губмайера. Его религиозное и политическое влияние в анабаптистской общине города, окончательно оформившейся к концу апреля 1525 г., было, по справедливому мнению Т. Бергстена, сравнимо лишь с тем положением, что занимал в Цюрихе Цвингли [11, S. 210]. Правда, сам Губмайер на допросе в Цюрихе в 1526 г. утверждал, что ничего не знал о совместных действиях Вальдсгута с крестьянами и только проповедовал им «слово божье» [5, S. 195]. Однако после поражения Крестьянской войны многие из ее участников в обстановке наступившей реакции вынуждены были отрицать свою причастность к революционной деятельности. И Губмайер, скорее всего, не был в этом отношении исключением. К тому же упомянутая Губмайером проповедь перед крестьянами, которая была произнесена им 29 января 1525 г., вызвала сразу же ответную реакцию властей. В послании переднеавстрийского правительства от 1 февраля высказывались серьезные опасения, связанные с борьбой Губмайера против католической церкви и ее учения [17, S. 99—100].

Показательно также и то, что крестьяне Шварцвальда и Клеттгау, предъявляя господам свои требования, одновременно обращались к Вальдсгуту, потому что считали его законным и справедливым арбитром. Так, клеттгаусцы, не добившись положительного решения, касающегося отмены десятины и других податей, обратились к Вальдсгуту и встретили там полное понимание [11, S. 233—241]. Настойчивое стремление крестьян заключить с Вальдсгутом союз невозможно объяснить лишь «стратегическими» соображениями, как полагает Т. Скотт [21, S. 101]. Небольшой городок с населением, составляющим около одной тысячи человек, сам нуждался в защите и вряд ли мог служить базой для восстания. Чем же привлекало крестьян реформационное движение в Вальдсгуте, признанным идеологом и руководителем которого был Губмайер? На какой основе объединились крестьяне и горожане? Ответы на эти вопросы, как представляется, можно найти в сочинениях Губмайера, если взглянуть на них под определенным углом зрения.

Субъективно Реформация осознавалась Губмайером как приведение в точное соответствие со Священным Писанием религиозной жизни общины верующих, а разногласия социальных группировок по вопросу о конечных целях и методах реформационных преобразований — как «раздоры и заблуждения в христианской вере» [1, S. 72, 79]. Считая своей главной задачей реформу церковной организации, Губмайер рассматривал борьбу с католицизмом как предпосылку для возрождения истинного евангельского учения. Ссылки на Библию как на единственное руководство, «истинного и справедливого судью» в вопросах веры — общее место в его произведениях [Ibid., S. 83, 101, 171]. В этом отношении он ничем не отличался от остальных деятелей Реформации.

Однако в ходе широкого демократического движения в Вальдсгуте ориентация Губмайера на Писание, его реформационная программа, на первых порах не выходявшая за рамки цвинглианской доктрины, приобрели более радикальный характер. Опираясь на библейские тексты, Губмайер последовательнее, чем Цвингли, отстаивал автономию религиозной общины, а на рубеже 1524—1525 гг. пришел к отрицанию не только католической, но и реформированной мессы, а также крещения детей. Таким образом, под влиянием широкого общественного движения Губмайер не только полностью отверг прежнюю католическую традицию, но и сделал заметный шаг вперед по сравнению с радикальной бюргерской реформацией.

Преследование реформационного движения в Вальдсгуте, необходимость защиты своих взглядов побудили Губмайера обратиться к Евангелию как к руководящему началу и в религиозной сфере, и в области социальных и правовых отношений. В написанном в сентябре 1524 г. послании к совету Шаффгаузена Губмайер подчеркивал, что, лишь следуя Библии во всяком судебном разбирательстве, можно обеспечить подлинную законность. «Тогда судят справедливо, — писал он, — когда имеют пред очами образ божий и его слово» [Ibid., S. 81]. И «все старые обычаи, правила, традиции, распоряжения, указания отцов и учителей церкви, постановления соборов», как несоответствующие этому слову, должны быть, по мнению Губмайера, устранены [Ibid.]. Признавая в целом институт светской власти, Губмайер указывал, что правители и судьи «представляют здесь на земле божье царство», а посему обязаны в своих действиях руководствоваться «книгой божьих законов» и «перечитывать ее всю жизнь» [Ibid.].

Мысль о Евангелии как новом правовом принципе получила в учении Губмайера вполне определенную социальную интерпретацию. Власти, опирающиеся на «слово божье», должны, по мнению реформатора, быть справедливыми. Им подобает выслушивать «малых, простых, ничтожных и бедных так же, как и больших, мудрых, сильных мира сего и богатых» [Ibid.]. Исходя из такого понимания евангельской справедливости, реформатор резко осуждал феодальный произвол и эксплуатацию. «Я никогда не учил, — заявлял он в 1526 г., — что властям, епископам, аббатам, монахам, монахиням и священникам надлежит вопреки богу и праву обременять свой бедный люд неслыханными, нехристианскими поборами и силой лишать его слова божьего». [Ibid., S. 277]. Подданные, считал Губмайер, обязаны проявлять по отношению к властям покорность и исполнять свой долг, неся даже самые тяжкие повинности, но только в том случае, если все это не противоречит положениям Библии [Ibid., S. 82, 88]. И это понимание Писания как некоего высшего закона, отменяющего всю феодальную правовую систему, как единственного свода высших правовых норм, на основе которого должны быть приняты

или отвергнуты народные требования и вообще урегулированы экономические, социальные и правовые отношения, создавало необходимую идеологическую основу для наступления прогрессивных сил на феодализм [16, S. 147—152].

Принцип «божественного права», который отстаивал Губмайер, способствовал радикализации революционного движения. На переговорах с Габсбургами представители Вальдсгута постоянно подчеркивали, что они готовы подчиняться властям лишь в том случае, если последние не будут злоупотреблять своим положением и нарушать божественный порядок [11, S. 230]. И не случайно клеттгауские крестьяне стремились обрести евангельскую справедливость в совместной борьбе с бюргерством и плебсом Вальдсгута.

Показания Губмайера, относящиеся к 1526 г., свидетельствуют о том, что он рассматривал союз Вальдсгута с крестьянами как необходимое условие для последовательной реализации библейских норм в земной жизни. По словам Губмайера, проповедуя крестьянам «слово божье», он исходил из того, что «неплохо оказывать друг другу помощь и поддержку с тем, чтобы прийти к миру, спокойствию и христианскому образу жизни» [5, S. 195]. Подобные высказывания реформатора означали оправдание дела восставших и, следовательно, легитимировали их наступление на феодализм.

Таким образом, оставаясь и в годы Крестьянской войны прежде всего реформатором и теологом, Губмайер вместе с тем развивал идеи, которые были созвучны идеалам народной реформации и использовались революционной группировкой для обоснования ее программ и решительных действий.

Список литературы: 1. *Hubmaier Balthasar* Schriften. Gütersloh 1962. 2. *Der Deutsche Bauernkrieg*, Gleichzeitige Urkunden. Freiburg im Breisgau, 1863—1866. 3. *Fabri J.* Ursach warumb der Wiedertäufer patron und erster anfinger doktor Balthasar Hubmaier zu Wien auff den zehenten Martii Anno 1528 verbrennet sei//Loserth J. Doctor Balthasar Hubmaier und die Anfänge der Wiedertäufer in Mahren. Brünn. 1893. 4. *Heinrich Hugs Villinger* Chronik von 1495 bis 1533. Tübingen, 1883. 5. *Quellen zur Geschichte der Täufer in der Schweiz*. Zürich, 1952. Bd. 1. 6. *Urkunden zur Geschichte des Schwabischen Bundes*. Th. 2. Stuttgart, 1853. 7. Баяв С. И. Бальтазар Губмайер и реформационное движение в Вальдсгута в 1523—1524 гг.//Вестн. Харьк. ун-та. 1986. № 296. 8. Некрасов Ю. К. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524 — весна 1525 гг.)//Средневековый город. 1978. Вып. 5. 9. Некрасов Ю. К. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524 — лето 1525 гг.)//Средневековый город. 1981. Вып. 6. 10. Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война, М., 1955. 11. *Bergsten T.* Balthasar Hubmaier. Seine Stellung zur Reformation und Täuferum. 1521—1528. Kassel, 1961. 12. *Deutsche Geschichte in zwölf Bänden*. Berlin, 1983. Bd. 3. 13. *Dülmen R.* van Reformation als Revolution. Soziale Bewegung und religiöser Radikalismus in der deutschen Reformation. München, 1977. 14. *Franz G.* Der deutsche Bauernkrieg. Darmstadt, 1975. 15. *Hartfelder K.* Zur Geschichte des Bauernkriegs in Südwestdeutschland. Stuttgart, 1884. 16. *Lenk W.* «Ketzer» lehren und Kampfprogramme. Berlin, 1978. 17. *Loserth J.* Doctor Balthasar Hubmaier und die Anfänge der Wiedertäufer in Mahren. Brünn; 1893. 18. *Mau W.* Balthasar Hubmaier. Berlin, Leipzig, 1912. 19. *Maurer J.* Prediger im Bauernkrieg. Stuttgart, 1979. 20. *Sachsse C.* Doctor Balthasar Hubmaier als Theologe. Berlin, 1914. 21. *Scott T.* Reformation and peasants war in Waldshut

and enviorns//ARG. 69 Jg. Gütersloh, 1978. 22. *Schraepler H. W.* Die rechtliche Behandlung der Täufer in der deutschen Schweiz, Südwestdeutschland und Hessen 1525—1618. Tübingen, 1957. 23. *Steinmetz M.* Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971. 24. *Stern A.* Über die zwölf Artikel der Bauern. Leipzig, 1868. 25. *Stolze W.* Der deutsche Bauernkrieg. Halle, 1907. 26. *Vogler G.* Die Gewalt soll gegeben werden dem gemeinen Volk Berlin, 1983.

Поступила в редколлегию 20.10.87

В. И. КАДЕЕВ, д-р ист. наук

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ХЕРСОНЕСЕ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ Н. Э.

В античном Херсонесе, особенно в первых веках н. э., грамотность среди различных слоев населения города была широко распространена. В городском некрополе часто встречаются стихотворные эпитафии, а среди погребального инвентаря в могилах юношей — стригили, один из атрибутов атлетов. Проводились здесь спортивные состязания учеников гимнаasia. Известны имена гимнаasiархов, ведавших делами гимнасиев, а также некоторых популярных ораторов. Все это указывает не только на всеобщее образование граждан, но и на определенную систему их воспитания.

Однако эта тема до настоящего времени не привлекала внимания исследователей, что в какой-то мере объясняется отсутствием непосредственных свидетельств, если не считать нескольких отрывочных упоминаний в эпиграфических источниках. Правда, имеется немало косвенных источников, археологических и эпиграфических, что позволяет значительно расширить источниковую базу исследования.

Элементарное обучение, как указывают специалисты, в древнегреческой школе оставалось неизменным на протяжении многих веков [27, р. 152]. Не менялась, по-видимому, и методика обучения, что позволяет с известным основанием при изучении образования в Херсонесе привлекать педагогические методы и приемы, упоминаемые античными авторами.

Обучение детей начиналось в Херсонесе, вероятно, как и повсеместно в Греции [Arist. Pol. VII, 15, 6, 11] с семилетнего возраста. В школе обучали грамоте, счету, знакомили с мифами и литературой. Эти предметы и занятия музыкой принадлежали к так называемому мусическому образованию, а вместе с гимнастическим составляли систему образования для детей младшего возраста, обозначаемую термином *παίδεια*. Она включала также моральное воспитание. И хотя нет непосредственных данных о существовании в Херсонесе мусической школы, она должна была здесь существовать. Косвенным свидетельством тому является широкое распространение грамотности, применение чисел и счета жителями города. На существование в Херсонесе мусической школы указывает наличие здесь гимнаasia, обучение в котором начиналось после окончания мусической школы юношами из состоятельных семей граждан. Большинство же детей, вероятно, ограничивалось начальным

образованием, которое давала мусическая школа, и физической подготовкой в палестре.

Основой овладения грамотой служило изучение алфавита. В связи с этим определенный интерес представляет находка в одной из могил херсонесского некрополя краснолаковой ойнохон II в. н. э., на тулове которой по окружности процарапаны одна за другой 24 буквы древнегреческого алфавита [11, с. 234, рис. 14]. Не исключено, что найденный сосуд использовался как своеобразный букварь при изучении азбуки. Усвоив буквы, дети сначала читали по слогам, а затем складывали слоги в слова и читали их. Для упражнений в чтении обычно пользовались стихами, особенно гомеровскими [26, с. 80]. Об использовании поэм Гомера при обучении в Херсонесе указывает тот факт, что херсонесские поэты хорошо их знали [10SPE, 1², № 716] и, очевидно, первое знакомство с ними происходило в школе.

Овладев чтением, ребенок учился письму [25, с. 88]. По Платону [Plat. Leg. VII, 14], главная цель обучения письму — научить писать достаточно разборчиво. Подобное умеренное требование в условиях рабовладельческого общества объясняется, видимо, тем, что красиво писать полагалось лишь специальным рабам — переписчикам. Приспособления, использовавшиеся для письма и для

обучения (λυξιαι), неоднократно встречались в Херсонесе. Часть из них обнаружена в детских могилах некрополя [7, с. 76, мог. 1558; 8, с. 63, мог. 2141]. Это тонкие прямоугольные каменные пластины со скошенным краем, размером 9×12 и 10×13 см [ГХМ, инв. № 31090, 31091, 31092]. Кроме каменных, вероятно, использовались и деревянные λυξιαι, но они не сохранились. На поверхность этих пластин сначала нужно было нанести слой воска, а затем писать с помощью стила. Изготавливались стили в Херсонесе по большей части из кости в виде тонкой цилиндрической палочки с острием на одном конце [ГХМ, инв. № 2571, 2612, 2647]. Другой конец служил для стирания или исправления и был тупым. Встречается в городе и другой тип стилей, изготовленных из бронзы и долгое время считавшихся головными булавами [11, с. 223, рис. 9, 7; 19, с. 178, рис. 35]. У стилей этого типа один конец острый, а другой — чуть загнутый, в виде круглой лопаточки. Почти по середине стила, ближе к тупому концу, имеется отверстие, через которое на цепочке подвешивалась плоская медная пластинка сердцевидной формы с острым крючкообразным концом и ушком. В ушко продевался второй конец цепочки. Делалась цепочка из свитых жгутом тонких проволочек. Форма пластины указывает на то, что она предназначалась для соскабливания воска [9, с. 64].

По-видимому, одновременно с овладением грамотой велось обучение счету и арифметике [Plat. Leg. VIII, 8, 19]. Употреблялись ли при обучении в Херсонесе специальные камешки и счетные доски, изобретение которых в древности приписывалось Пифагору [25, с. 91], сказать трудно, так как непосредственными свидетельствами мы не располагаем. О существовании обучения счету и ариф-

метике в херсонесской начальной школе говорит большое число надписей на различных видах керамических изделий, имеющих цифровое значение [3, № 111, 345, 529, 544—546, 548—561; 20, № 18, 20, 50, 55, 59, 68 и др.] Они обозначали весовые данные, емкость, возможно, цену продукта или товара и свидетельствуют о том, что жители Херсонеса хорошо владели арифметическими действиями и широко применяли цифровые обозначения еще в эллинистическую эпоху. Причем для обозначения цифр и чисел использовали как акрофоническую, так и алфавитную системы.

Обычно в древнегреческой школе обучали четырем арифметическим действиям [30, р. 138]. В Херсонесе обучение велось по аналогичной методике, о чем свидетельствуют археологические источники. Так, среди находок граффити встречаются цифровые данные, в основе которых лежали все четыре действия арифметики [24, л. 64—66]. Можно считать, что юные херсонеситы получали знания и в области геометрии, без чего было невозможно широкое жилое и общественное строительство в городе, создание сложной фортификационной системы, постройка театра, в основе которого лежало так называемое правило золотого треугольника; размежевка обширной сельскохозяйственной территории на Гераклейском полуострове и последующие ее перепланировки.

Еще одним предметом обучения в мусической школе была литература, включая поэзию. Обращалось внимание на то, чтобы изучаемые произведения были назидательными, прославляли доблесть предков. Начиналось обучение литературе тогда, когда дети уже понимали написанное [Plat. Protagor. 325, e]. На то, что и в херсонесской школе велось преподавание литературы, непосредственно указывает существование в городе историков [10 S PE, 1², № 344], поэтов, произведения которых дошли до нас в виде стихотворных эпитафий и посвятительных надписей [32, № 479, 482, 485, 516, 527, 716, 22, № 58, 23, 185, 186]. Понятно, что историками и поэтами они становились не на основе знаний, полученных в мусической школе, но первое знакомство с литературой происходило именно там.

Значительное внимание в мусической школе уделялось музыкальному образованию, которое было важным элементом древнегреческой системы воспитания детей. Здесь главным считалась не профессиональная подготовка, а воспитание способности разбираться в музыке [Arist. Pol. VIII, 6, 2]. В состав этого образования входили обучение музыке, пению и орхестике, т. е. танцам. Это позволяло детям, в будущем гражданам, участвовать в хоре, аккомпанировать на музыкальных инструментах во время праздников и праздничных процессий. В Херсонесе существовало несколько таких праздников. Есть свидетельство и о процессиях во время Дионисий. Оно содержится в надписи III в. н. э., которая упоминает *θιασαρχης* [10 S PE, 1², № 425], т. е. предводителя вакхической процессии. Обнаружено и изображение вакхической процессии в виде группы из четырех фигур на одном херсонесском рельефе местной работы [1, с. 55].

Мусическое образование обычно дополнялось гимнастическим, т. е. физической подготовкой. Однако среди исследователей нет единого мнения по поводу того, что начиналось раньше, изучение мусических дисциплин или физическая подготовка *. Не решен до сих пор и вопрос, где происходила физическая подготовка, в мусической школе или в специальной — палестре [28, р. 60]. Эти вопросы остаются открытыми и при рассмотрении гимнастического образования в Херсонесе, поскольку никакими непосредственными свидетельствами мы не располагаем. Видимо, к первым векам н. э. здесь уже был накоплен значительный опыт и выработаны методы физической подготовки, направленной на придание телу силы, гибкости, выносливости и на выполнение в конечном счете будущими гражданами своего долга перед государством как в мирное, так и военное время. Но, вероятно, физическая подготовка мальчиков была, как отмечал еще Аристотель [Arist. Pol. VIII, 4, 1], умеренной, с учетом их возраста. С возрастом увеличивались нагрузки. В программу физической подготовки постепенно включались игра в мяч, борьба, бег, прыжки. Это предположение основано на том, что в Херсонесе проводились состязания по пентатлону [23, № 127]. Упражнения в таких видах, как метание копья и кулачный бой [32, № 434, 435], начинались в более позднем возрасте **, видимо, уже в гимнасии. Учитывая, что Херсонес был приморским городом, можно полагать, что здесь в программу физического воспитания входило и плавание ***.

В древнегреческой школе практиковались различные наказания за проступки. Считалось, что если наставления не помогают, то следует прибегать к телесным наказаниям, поэтому в школе нередко пускались в ход ремень и палка. Однако в рассматриваемую эпоху появляются голоса против применения телесных наказаний. Например, противником таких наказаний был Квинтилиан [Quint. De orat. 1, 3, 4]. О необходимости воспитания убеждением и словом говорили другие авторы [Ps. Plut. De educ. рuer. 12]. Однако это не значит, что телесные наказания в школах прекратились. Применялись телесные наказания и в школах Херсонеса, так как многовековые традиции обычно живучи и долго сохраняются.

Осуществляли наказания учителя, профессия которых у древних не пользовалась почтением. Так, Платон считал, что для граждан подобное занятие не подходит [Plat. Protagor. 312, в]: в Афинах долгое время учителями были метеки, вольноотпущенники, а иногда и рабы [25, с. 83]. Считалось, кто может читать и писать, тот может научить этому и других. Как правило, за труд учителям нужно было платить, но многие даже богатые родители пытались сэкономить на обучении детей [Ps. Plut. De educ. рuer. 7].

Наименьшую плату получали учителя грамоты (γραμματοδιδασκαλος) и гимнастики (λειδοτριβος); в небольших городах они одно-

* Сводку мнений по этому вопросу см. в [28, р. 58—59].

** Высказывается предположение о 12-летнем возрасте [29, р. 51].

*** Неумение плавать у древних греков считалось одним из признаков невежества [2, с. 343].

временно были и владельцами школ. Дать образование считалось родительской обязанностью в подавляющем большинстве древнегреческих городов.

В Херсонесе первых веков н. э., где существовала глубокая имущественная дифференциация, было немало граждан, живших в бедности, а то и в нищете [10, с. 44]. Эти граждане не могли дать детям полного образования и поэтому ограничивались, вероятно, начальным. Что касается зажиточных и богатых граждан, то они предоставляли возможность своим сыновьям получить образование, необходимое для активного участия в общественной и политической жизни Херсонеса, отправления магистратур, исполнения обязанностей членов Совета. Такую подготовку после окончания мусической школы можно было получить в риторской школе. Свидетельством существования в Херсонесе такой школы могут служить упоминания о гражданах, отличавшихся ораторским искусством. В частности, одним из ораторов был Демокрит, сын Аристогена. В надписи на мраморном пьедестале его статуи указано, что в бытность проедром, он докладывал и говорил славно [32, № 425]. Датируется памятник III в. н. э.

Вероятно, хорошими ораторами были и другие должностные лица в Херсонесе. И трудно представить, чтобы они не имели специальной подготовки. Подобную подготовку давала риторская школа, где юношей обучали с помощью специальных упражнений и литературных примеров логике и навыкам публичных выступлений, литературному языку и грамматике [Quint. De orat. III]. Существование такой школы подтверждают эпиграфические памятники Херсонеса, в которых встречаются довольно цветистые и высокопарные эпитеты и выражения [32, № 357, 362, 364, 482]. На то, что школа была местная, указывает факт сохранения в этих надписях дорийского диалекта вплоть до середины II века н. э.

В Херсонесе существовал и гимнасий, о чем свидетельствует надпись II в. н. э., так называемый гимн Гермесу [Ibid., № 436], и несколько агонистических каталогов [Ibid., № 434, 435; 22, № 20], часть которых имела отношение к гимнасию и его воспитанникам. Возникает вопрос, был ли в городе один гимнасий или несколько: для юношей и эфебов, а также для мужчин других возрастных групп. Это предстоит выяснить.

Система обучения в херсонесском гимнасии вряд ли отличалась от существовавшей в других древнегреческих городах, где руководство и надзор за гимнасием поручались должностному лицу, называемому гимнасиархом. Последний не только следил за физической и моральной подготовкой юношей, но и заботился о здании гимнасия, его оборудовании, отоплении и освещении, своевременном снабжении оливковым маслом, которым натирались атлеты во время гимнастических занятий [33, р. 221; 34, р. 62]. В некоторых государствах, в частности, в метрополии Гераклеи Понтийской и Херсонеса — Мегарах, гимнасиарх был руководителем эфебов [28, р. 183], что позволяет высказать такое же предположение и в отношении Херсонеса. Косвенно это подтвержда-

ется тем, что в Херсонесе гимнасиархи были магистратами, а не литургами. Следовательно, можно полагать, что херсонесский гимнасиарх был не только руководителем гимнасия, но и отвечал за физическую и военную подготовку эфебов. Связанные с этим расходы обычно покрывались за счет средств, выделяемых государственной казной.

Первое упоминание о гимнасиархе в Херсонесе относится к III в. до н. э. [32, № 418], но появилась эта магистратура, по-видимому, раньше. Можно считать, что она была заимствована из метрополии, поскольку хорошо известна во всех родственных Херсонесу городах — Гераклея Понтийской [31, р. 146], Каллатисе [5, с. 92] и Мегарах [28, р. 183]. Сохранялась магистратура и в первых веках н. э., о чем свидетельствуют эпиграфические памятники того времени [32, № 427, 436, 437]. Известно и имя одного херсонесского гимнасиарха II века н. э. — Демотел, сын Теофила [Ibid., № 436].

Непосредственно за физическую подготовку учеников гимнасия отвечали педотрибы — учителя гимнастики. Они не только обучали, но и воспитывали своих учеников и, в случае необходимости, наказывали за непослушание. Некоторые исследователи считают, что в обязанности педотриба входило и массажирование учеников [28, р. 63—65]. Поскольку обучение в гимнасии было систематическим, педотрибы постепенно повышали физические нагрузки ученикам, начиная с более легких упражнений и игр, а затем переходя к более сложным. Причем они не только давали устные указания, но и показывали, как следует выполнять упражнения [Ibid., р. 63].

Мы не имеем прямых свидетельств о том, чему обучали в гимнасии юных херсонеситов, только косвенные. Прежде всего это многочисленные находки стригилей, которыми пользовались после занятий борьбой [13, с. 130; 14, с. 138, 141, 144, 147; 15, с. 66, 68; 16, с. 71; 17, с. 112; 18, с. 194; 6, с. 113], и эпиграфические данные о программах гимнастических состязаний в Херсонесе [22, № 20; 23, № 127; 32, № 434, 435], включавших пентатлон, бег двойной и длинный, кулачный бой и др. Пентатлон состоял из бега на короткую дистанцию (*δρόμος*), прыжков в длину (*ᾠλή*),

метания диска (*δίσκος*), борьбы (*πάλη*) и метания копья (*ᾠκόντις*). В одной из могил херсонесского некрополя был обнаружен серебряный диск для метания [12, с. 67—68]. Весьма вероятно, что он мог быть призом, полученным одним из херсонесских метателей за победу в состязаниях.

Поскольку в Херсонесе устраивались состязания в пентатлоне, различных видах бега, кулачном бое, значит, здесь существовала и соответствующая подготовка в гимнасии. На это прямо указывает так называемый гимн в честь Гермеса — покровителя гимнаснев и палестр, составленный в честь победы питомцев гимнасиарха Демотела [32, № 436] после проведения очередных состязаний, в которых они участвовали.

Местоположение гимназия в городе пока не установлено. Он мог находиться недалеко от театра, где были обнаружены упоминавшиеся выше агонистические каталоги [21, с. 73; 23, с. 266]. Согласно другому предположению, херсонесский гимнасий находился в цитадели. По мнению К. Э. Гриневича, открытое им здание I—II веков н. э. с шестью помещениями, включая уборную, принадлежало гимнасию [4, с. 21, 24]. На наш взгляд, если первое предположение имеет некоторые основания, то второе представляется неудачным. Это здание мало напоминает гимнасий, который обычно имел открытый двор с беговой дорожкой, к которому примыкали раздевалки, комнаты для умачения, пыльная, где посыпали себя пылью, комнаты для игры в мяч, а также термы [33, р. 220—221].

Итак, школьное образование и воспитание в Херсонесе первых веков н. э. осуществлялось главным образом в мусической школе, палестре и гимнасии. В последнем, наряду с юношами 15—18 лет из зажиточных семей, всеобщую подготовку проходили эфебы, притом, очевидно, за государственные счет. Можно утверждать о существовании риторской школы, где завершали образование юноши из семей городской верхушки, готовившиеся к политической карьере.

Список литературы: 1. Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1959 году//Сообщ. Гос. Эрмитажа. 1962. Вып. 22. 2. Гинтовт С. И. Несколько слов о военной гимнастике древних народов//Гермес. 1910. Т. 7, № 13. 3. Граффити античного Херсонеса. К., 1978. 4. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг.//Крым. 1929. № 1. 5. Данов Х. Западният бряг на Черно море в древността. София, 1948. 6. Известия Археологической комиссии. 1902. Вып. 4. 7. Известия Археологической комиссии. 1906. Вып. 20. 8. Известия Археологической комиссии. 1909. Вып. 33. 9. Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. Х., 1970. 10. Его же. Херсонес Таврический в первых веках н. э. Х., 1981. 11. Лепер Р. Х. Дневники раскопок Херсонесского некрополя//Херсонес. сб. 1927. Вып. 2. 12. Мансегов И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872. 13. Отчет Археологической комиссии за 1890 г. СПб., 1893. 14. Отчет Археологической комиссии за 1891 г. СПб., 1893. 15. Отчет Археологической комиссии за 1893 г. СПб., 1895. 16. Отчет Археологической комиссии за 1894 г. СПб., 1896. 17. Отчет Археологической комиссии за 1895 г. СПб., 1897. 18. Отчет Археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898. 19. Репников Н. И., Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1903 г.//Херсонес. сб. 1927. Вып. 2. 20. Соломоник Э. И. Граффити из хоры Херсонеса. К., 1964. 21. Ее же. Греческие надписи из района античного театра в Херсонесе//Вестн. древней истории. 1967. № 1. 22. Ее же. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1964. 23. Ее же. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1973. 24. Ее же. Эпиграфические памятники из раскопок в районе театра в 1970 г.//Архив Гос. Херсонес. музея. Дело № 1411/1. № 3. 25. Уссинг Ж. Л. Воспитание и обучение у греков и римлян. СПб., 1899. 26. Штадельман Ф. Воспитание и обучение у древних греков и римлян//Гимназия. 1897. № 1. 27. Bowen J. A. History of Western Education. Vol. 1: The ancient World: Orient and Mediterranean 2000 B. C. — A. D. 1054. L., 1972. 28. Forbes C. A. Greek physical education. N. Y.; L., 1971. 29. Freeman K. Schools of Hellas an essay on the practice and theory of ancient Greek education from 600—300 B. C. L., 1907. 30. Girard P. L'education athenienne. P. 1889. 31. Hanell K. Megarische Studien. Lund., 1934. 32. Inscriptiones orae septentrionales Ponti Euxini. Petropoli, 1916. Vol. 1. 33. Jones A. H. M. Greek City from Alexander to Justiniani. Oxford, 1940. 34. Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 1.

Поступила в редколлегию 20.10.87

О КРИЗИСЕ III ВЕКА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕГО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Проблема кризиса III в. в Римской империи давно и активно разрабатывается в историографии античности. Ей посвящены многочисленные исследования, международные конференции историков. Однако до сих пор имеются недостаточно изученные аспекты проблемы. К их числу следует отнести тесно связанные между собой вопросы о характере и хронологических рамках данного кризиса.

Для определения продолжительности любого кризиса необходимо правильное представление о его содержании, характере [7, с. 15]. Решение данных вопросов имеет большое значение для уяснения места кризиса III в. в истории римского государства. В настоящей статье делается попытка анализа имеющихся взглядов на характер и продолжительность кризиса III в., оценки степени их обоснованности, определения задач, решение которых позволит прийти к единому мнению по существу проблемы.

Характер кризиса III в. определяется в работах зарубежных и советских авторов далеко не однозначно. Некоторые историки, не стремясь к глубокому раскрытию содержания данного явления в жизни Римской империи, ограничиваются такими его определениями, как «жестокий кризис» [4, с. 153], «общий кризис» [8, с. 240] и т. п. При попытках же более конкретного установления характера этого кризиса выявляется значительное расхождение взглядов исследователей на данный аспект проблемы кризиса III в. в Римской империи.

Многие буржуазные историки считают, что кризисом в III в. была охвачена только одна область общественной жизни Римской империи — политика. И в работах некоторых советских авторов кризис III в. называется политическим [2, с. 106]. Другие исследователи полагают, что данный кризис коснулся двух сфер общественной жизни римского государства, и определяют его как социально-политический [4, с. 91], социально-экономический [1, с. 97; 13, с. 3] или экономический и политический [5, с. 62]. В новейшей историографии этот кризис обычно называется экономическим и социально-политическим [3, с. 20; 9, с. 6] или даже общим кризисом, охватившим экономику, социальную структуру, государственную власть и идеологию Римской империи [12, с. 314; 16, с. 230; 17, с. 97].

Существование таких различных взглядов на один и тот же вопрос, в частности, среди советских исследователей, по нашему мнению, следует объяснять прежде всего тем, что проблема кризисов вообще, а не только данного, недостаточно методологически разработана. По-разному оценивая характер кризиса III в., историки не разъясняют, что они вкладывают в такие понятия, как «кризис», «экономический кризис», «социальный кризис» и т. п.

Подобная нечеткость терминологии связана с тем, что данные категории плохо изучены советскими философами и политэкономами.

В целом историки признают, что в III в. Римская империя переживала политический кризис. Те немногие авторы, которые не называют данный кризис политическим, никаких возражений против этого не приводят. По определению философов, политическим кризисом является кризис политической структуры общества [10, с. 216]. Проявлениями этого кризиса в Римской империи в III в. были частая смена императоров, ожесточенная борьба за обладание императорской властью, военная анархия, казни и конфискации имущества сторонников разных претендентов, распад империи, разложение центрального аппарата [6, с. 299; 12, с. 315; 14, с. 144].

В отношении того, что в III в. кризис распространился также и на социально-экономический строй римского государства, единодушия среди исследователей, как уже отмечалось, нет. Экономическим кризисом в политической экономии называется определенная фаза экономического цикла, которая по ряду признаков качественно отличается от фаз подъема, оживления и депрессии. Кризис характеризуется резким переходом от процветания к спаду общественного производства, к частичному разрушению производительных сил [10, с. 214—215]. Социальный кризис, по определению философов, — кризис социально-классовой структуры общества. Его главные проявления — изменение статуса одних социальных слоев, появление новых общностей, исчезновение, уменьшение или увеличение удельного веса социальных групп в структуре данного общества [7, с. 18; 10, с. 216].

Сторонники оценки кризиса III в. как социально-экономического в качестве его проявлений называют запустение земель, упадок городов, ремесла и торговли, обесценивание денег, падение производительности рабского труда, неурожай, голод, эпидемии; разорение мелких и средних рабовладельцев, рост крупного землевладения, разложение старых сословий, вольноотпущенничество, пекулий, развитие колоната, варваризацию армии [6, с. 299; 14, с. 144]. Однако они фактически ограничиваются простым перечислением подобных явлений, а учитывая существование настолько разных точек зрения, этого явно недостаточно.

Необходимо выяснить причины зарождения кризиса, решить вопросы, охватил ли он все части римского государства или только некоторые, был ли он везде в одинаковой степени глубоким, четко показать, что изменилось в экономике и других областях после преодоления данного кризиса. Основательное изучение этих вопросов позволит прийти к окончательному выводу и о хронологических рамках кризиса III в. в Римской империи. На сегодняшний день в историографии определились два мнения. Одни ученые считают, что данный кризис продолжался с 235 г. до 284 г. [3, с. 20; 17, с. 97], другие — со 193 г. до 284 г. [11, с. 202; 14, с. 142; 15, с. 242]. Расходясь в датировке начала кризиса, те и дру-

гие связывают его границы с событиями политической жизни (гражданской войной 193—197 гг., убийством императора Александра Севера, приходом к власти Диоклетиана). Таким образом, даты, по существу, определяют продолжительность политического кризиса. Однако могут ли удовлетворить приведенные хронологические рамки кризиса III в., если не считать его только политическим? Думается, что нет. По нашему мнению, нет никаких оснований полагать, что кризис одновременно начался и закончился во всех сферах общественной жизни Римской империи, так как в каждой из них он имел свои причины возникновения, содержание, фазы развития и сроки протекания [7, с. 14, 18; 10, с. 220].

Возникновение политического кризиса и его острота, как нам представляется, были в значительной степени обусловлены тем, что к моменту его начала экономика и социальный строй Римской империи уже были в кризисном состоянии. Преодоление же политического кризиса создало предпосылки для выхода римского государства и из кризиса социально-экономического. В этом плане представляется интересной мысль О. В. Кудрявцева о том, что экономический и социальный кризис перерос в политический [6, с. 299]. Хотя, видимо, правильнее было бы сказать, что кризис захватил и сферу политики. Кроме того, нельзя признать правильными существующие определения продолжительности кризиса III в. как кризиса не только политического потому, что невозможно однозначно утверждать, что в каком-то конкретном году начался или закончился кризис в области экономики, социальной структуры или идеологии какого-либо рабовладельческого государства.

Следовательно, если мы считаем, что кризис III в. в Римской империи был не только политическим, нам следует отказаться от названных выше точек зрения на его продолжительность. Видимо, хронологические рамки данного кризиса должны быть более широкими и определяться не с точностью до года. Возможно, в качестве таковых можно признать период с последней трети II в. н. э. до начала IV в. н. э., т. е. со времени широкого распространения новых явлений в экономике, социальном строе и идеологии римского государства до определенной стабилизации в результате преодоления политического кризиса и преобразований Диоклетиана и Константина.

Таким образом, ни одна из существующих к настоящему времени в историографии точек зрения на характер и продолжительность кризиса III в. в Римской империи, на наш взгляд, не может считаться достаточно обоснованной. Для преодоления разногласий между исследователями в оценке данных аспектов проблемы необходимо решение, по крайней мере, двух задач. Во-первых, требуется более основательное изучение проблемы кризисов в методологическом отношении не только историками, но и философами и политэкономистами; во-вторых, — более глубокое исследование всех сторон жизни римского государства во II—IV вв. н. э.

с целью выявления в них кризисных явлений, определения степени их распространения, глубины развития, времени возникновения и преодоления.

Список литературы: 1. *Дмитрев А. Д.* Народные движения в восточно-римских провинциях в период дунайских войн (236—278 гг.)//Византийский временник. 1956. Т. 8. 2. *Дьяков В. Н.* Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в.//Вестн. древней истории. 1961. № 1. 3. *Игнатенко А. В.* Армия в Риме в период кризиса III в. (Политическая роль армии и изменение ее организационно-правовых основ)//Правовые идеи и государственные учреждения. Свердловск. 1980. 4. *Козик П. З.* Социальные основы христианского сектантства II—III вв. Казань, 1966. 5. *Корсунский А. Р.* О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V веках//Вестн. древней истории. 1954. № 2. 6. *Кудрявцев О. В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. 7. *Левинтов Н. Г.* Теоретически-методологический аспект проблемы общенационального кризиса. Ульяновск, 1980. 8. *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.; Л., 1949. 9. *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань, 1984. 10. *Селезнев М. А.* Социальная революция (методологические проблемы). М., 1971. 11. *Слонимский М. М.* Периодизация древней истории в советской историографии. Воронеж, 1970. 12. *Хрестоматия по истории Древнего Рима.* М., 1987. 13. *Шифман И. Ш.* Сирийское общество эпохи Принципата (I—III вв. н. э.). М., 1977. 14. *Штаерман Е. М.* Кризис III в. в Римской империи//Вопр. истории. 1977. № 5. 15. *Calderini A.* I Severi. La crisi dell'Impero nel III secolo. Bologna, 1949. 16. *Kotula T.* Trzeci wiek cesarstwa rzymskiego-kryzys czy przemiany?//Meander. 1987. N 4—5. 17. *Remondón R.* La crise de l'Empire Romain. De Marc — Aurele a Anastase. P., 1964.

Поступила в редколлегию 21.10.87

А. П. МАРТЕМЬЯНОВ

О РОЛИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЭКОНОМИКЕ ФРАКИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

В условиях рабовладельческой общественно-экономической формации главной отраслью производства являлось сельское хозяйство, «сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности» имели «в большей или меньшей степени землевладельческий характер» [1, т. 12, с. 733]. Поэтому, исследуя структуру экономики фракийских земель в античную эпоху, важно, в частности, выяснить, какую роль играло в местном хозяйстве земледелие. Подобные попытки предпринимались неоднократно, однако в относительно узких хронологических и территориальных рамках [13; 18; 36]. Кроме того, основное внимание уделялось главным образом свидетельствам древнегреческих и латинских писателей, в то время как рассмотрение данного вопроса требует привлечения всех имеющихся в распоряжении исследователя типов исторических источников. Обобщающие же труды И. Странски [28] и И. Венедикова [9] носят обзорный, скорее, популярный, чем научный характер и в силу этого не могут

в полной мере претендовать на достаточно глубокое освещение проблемы.

Цель настоящей работы, — опираясь на данные нарративных и археологических источников, эпиграфический и нумизматический материал, определить место земледелия в экономическом развитии фракийских земель на протяжении всей античной эпохи.

Плодородие фракийских земель, отмеченное еще Гомером [12, XI, с. 222], впоследствии подчеркивалось античными авторами неоднократно. Так, Ксенофонт говорит о наличии на Фракийском Херсонесе больших пространств плодородной и удобной для посева земли, большая часть которой уже занята хлебными нивами, приносящими обильный урожай [21, III, с. 2, 10]. Страной прекрасной и богатой называет он Фракийский Херсонес [20, V, с. 6, 25].

Природные богатства именно этой области Фракии чаще всего отмечаются древними авторами. Аристотель, например, считает очень удачным с точки зрения риторики сравнение города Сестоса, расположенного на побережье Фракийского Херсонеса, с «лотком булочника (τήλια) Пирея» [32, III, с. 10]. Земельные наделы на полуострове приносили их владельцам значительную прибыль, о чем можно судить на основании фрагмента комедии Аристофана «Всадники» [31, 261—263, с. 235—236]. Из речи Лисия против Диогитона следует, что часть хлеба, выращивавшегося на херсонесских клерах, поступала в Афины [37, XXXII, с. 15].

Периодически получали Афины хлеб и из области Византия. Перечисляя богатства этого города, Полибий, в частности, отмечает, что его жители владеют плодоноснейшей землей, которая при правильной и тщательной обработке приносит обильнейший урожай превосходного качества [26, IV, 45, 7]. Одновременно, правда, автор «Всеобщей истории» указывает, что хлебом население Византия обменивается с Грецией, то доставляя его эллинам, то получая его от них [Там же, 38, 5].

Сведения о вывозе из Фракии значительного количества хлеба в эллинистический период содержатся в трудах Диодора [34, XX, с. 96] и Плутарха [44, Dem., 34]. Плодородие фракийских земель восхваляют поэты Пиндар [41, Раean 2, с. 25—26] и Аполлоний Родосский [3, I, с. 795—796]. Арриан, описывая поход Александра, упоминает у гетов, проживавших на Истре, густые хлеба, за которыми не видно было людей [4, I, 4, I], а Колумелла, на авторитет которого в данном вопросе вполне можно положиться, в середине I в. н. э. характеризует гетов как народ, опытный в выращивании злаков [33, VII, с. 2]. Многие античные авторы говорят о существовании у фракийцев развитого виноградарства и виноделия [11, с. 187—189; 19, с. 7—9].

Судя по всему, свою репутацию плодородных земель фракийские территории полностью сохраняют и в первых веках н. э.: выдержку из написанного в середине III в. н. э. сочинения Солина, где Мезия названа житницей Цереры [15, с. 13, прим. 8], дополняет приписываемое Требеллию Поллиону сообщение относительно

но богатства хлебом примерно в это же время Фракии [46, Tr. Poll., s. 18, 8].

Важным свидетельством определяющей роли земледелия в экономическом развитии большинства районов фракийских земель является популярность на этой территории культа божеств — покровителей земледелия и плодородия, в первую очередь, Деметры и Диониса. Хотя этот вопрос, является предметом специального исследования, отметим, что почитание названных божеств находит широкое отражение как в эпиграфическом материале [39, vol. 1², № 13, 14, 15 bis, 20—22 bis, vol. 2, № 480, 486, 697, 721, vol. 3(1), № 931, 932, 957, 1055, vol. 3(2), № 1579, 1650, 1864, 1865, vol. 4, № 2022, 2096, 2195 и др.], так и в данных нумизматики [30]. Монеты, изображения на которых в той или иной форме воплощают идею плодородия земли, выпускались практически всеми городами региона, обладавшими правом монетной чеканки, и в доримский период, и в первых веках н. э. [40, № 13, 14, 65, 67, 123, 124, 323, 324, 424—426 и др.; 42, № 196—205, 217—222, 279—288, 368—371, 469—477 и др.].

На существование в восточнобалканских землях развитого земледелия в первых веках н. э. указывают и результаты археологического исследования сельской округи городов Нижней Мезии и Фракии. К настоящему времени здесь известно около 200 сельских вилл конца I—V вв. н. э. [24, с. 67—68]. Судя по строительным остаткам хозяйственных комплексов усадеб, а также происходящему из их раскопок материалу, в экономической направленности большинства вилл преобладали отрасли, связанные именно с земледелием [23, с. 170]. О развитом зерновом хозяйстве, свидетельствуют, в частности, открытые на многих виллах хореумы, находки земледельческих орудий труда и жерновов, а о виноградарстве — обнаруженные при раскопках винодельческие сооружения [14, с. 4—6, 13—15 и др.].

Обстоятельства гибели вилл в большинстве случаев исследователи этих памятников связывают с готскими вторжениями в середине III и в конце IV вв., а также с нашествием гуннов в середине V в. н. э. Подобное предположение хорошо согласуется с данными нарративных источников. Так, из сообщений Дексиппа следует, что в результате готских нашествий середины III в. пострадали, в первую очередь, плодородные земли в области города Августа Траяна, по всему течению рек Геброс (совр. Марица) и Стримон (совр. Струма) и особенно — сельская округа Филиппополя [7, с. 114]. Об экономическом разорении ряда районов Фракии готами говорит и Либаний [22, LIX, 83—85], по мнению которого обеспечение условий для землепашества в провинции являлось одной из важнейших задач императорской власти в середине IV в. н. э. [22, XXIV, с. 40]. Время от времени это, несомненно, удавалось. Например, в анонимном географическом трактате «Полное описание вселенной и народов», отражающем положение дел в середине IV в. н. э., отмечается, что провинции Мезия и Дакия полностью обеспечивают свои потребности, а Фра-

кия богата зерном [27, с. 50, 57]. Аммиан Марцеллин, описывая события, имевшие место в период с 375 по 378 гг. н. э., говорит о богатых селениях с изобилием провианта на Фракийском побережье [2, XXXI, с. 6, 5]. Именно Фракию «со всем скотом и хлебом» требуют у императора Валента варвары [Там же, XXXI, с. 12, 8].

Последствия же готских вторжений конца IV в. н. э. стали для фракийских земель, судя по данным археологии, поистине катастрофическими. Большинство земледельческих хозяйств так и не были восстановлены после разгрома. В конце IV—V вв. на руинах ранее единых комплексов вилл появляются весьма характерные поселения мелких производителей, основным занятием которых являлось, вероятно, уже не земледелие, а скотоводство [23, с. 170].

Соответствующим образом изменяется и характер сообщений нарративных источников. В качестве примера приведем выдержку из «Гетики» Иордана, где автор ведет речь о «Малых готах», населявших местность вокруг города Никополис у подножия Гема. «Это — многочисленное племя..., — пишет Иордан, по мнению специалистов, хорошо знакомый с положением дел в области между Дунаем и Балканами [16, с. 336—337], — ничем не богатое, кроме стад различного скота, пастбищ и лесов; земли [их] малоплодородны как пшеницей, так и другими видами [злаков]; некоторые люди там даже вовсе не знают виноградников...» [Там же, с. 267].

Следует, правда, отметить, что подобные невысокие отзывы о природных условиях фракийских земель встречаются иногда и у более ранних авторов. Так, писавший в середине I в. н. э. Помпоний Мела говорит о Фракии как о стране, неблагоприятной ни климатом, ни почвами, и, за исключением приморских частей, неплодородной и холодной. Посеянные растения, утверждает он, развиваются здесь плохо [45, II, с. 16—33]. Особенно же мрачными выглядят почвенно-климатические условия Мезии, а конкретно — местности, непосредственно прилегавшей к городу Томи на западном берегу Понта, в характеристике Овидия [25]. Вынужденный, в силу сложившихся обстоятельств, проживать, по его словам, «на ледяном пределе крайнего круга земли», поэт, не жалея красок, описывает этот «обожженный седым холодом степи простор», «выжженный стужей край», где свирепствуют бури и хозяйничают ледяные ветры, не успевают таять снега, а прибрежные воды Понта и Истр на длительное время сковывают льды. «Как неживая лежит» здесь «брошена всеми земля», родящая «скорбную только полынь». Причины, побуждавшие Овидия рисовать окрестности Томи в столь мрачных тонах, общеизвестны, но следует указать, что мотив «холодной Фракии» прослеживается у большинства античных авторов [3, I, с. 826; 17, с. 114—115; 20, VII, 4, с. 3—4; 38, с. 95—97 и др.], сравнивавших климат страны с природными условиями Греции и Италии.

На этом фоне выглядят неординарными представления о климате восточнобалканских земель Феофраста [8, с. 83, 85] и Плиния Старшего [43, XVII, s. 1, 31], усматривавших в снежной фракийской зиме положительный фактор для занятия здесь земледелием. Отметим также, что, по мнению большинства специалистов, климат на рассматриваемой нами территории во второй половине I тыс. до н. э. и в первых веках н. э. лишь незначительно отличался от современного [5, с. 45, табл. 2; 6, с. 266, 277, табл. 21] и, следовательно, в целом был весьма благоприятным для земледелия. Развитию последнего, несомненно, в немалой степени способствовало и наличие здесь больших площадей плодородных почв [10, с. 408—411, фиг. 93; 35, р. 391—392, 394, 759—760].

Таким образом, хотя климатические условия фракийских земель в оценке многих древних авторов выглядят неблагоприятными для развития полеводства и виноградарства, свидетельства нарративных источников в целом, результаты археологического исследования сельской округи городов Нижней Мезии и Фракии, популярность на этой территории культов божеств — покровителей земледелия и плодородия, данные нумизматики говорят о первостепенной роли земледелия в экономике региона на протяжении почти всей античной эпохи.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Аммиан Марцелин. История/Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни. К., 1908. Вып. 3. 3. Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Тбилиси. 1964. 4. Арриан. Поход Александра. М.: Л., 1962. 5. Божилова Е., Иванов И. Экологични условия в района на Варненското езеро през енеолитната и бронзовата епоха сполел палинологични, палеоентоботанични и археологически данни//Известия на Народния музей. Варна. 1985. Кн. 21. 6. Брикс К. Климаты прошлого. М., 1952. 7. Велков В. Робството в Тракия и Мизия през античността. София, 1967. 8. Велков В. Сведенията на Теофраст за флората и климата на древна Тракия//Природа. 1954. № 4. 9. Венедиков И. Развитие на земеделието по българските земи. София, 1981. 10. География на България. София, 1982. Т. 1. 11. Геров Б. Към въпроса за лозарството на Долна Мизия през римско време//Известия на Българския археологически институт. 1955. Т. 19. 12. Гомер. Илиада. М.: Л., 1935. 13. Данов Х. К вопросу об экономике Фракии и ее черноморского и эгейского побережий в позднеклассическую и эллинистическую эпохи//Античное общество. М., 1967. 14. Дремсизова Ц. Нови данни за икономиката на Долна Мизия през римската епоха//Известия на Народния музей. Коларовград. 1960. Т. 1. 15. Златковская Т. Л. Мезия в I и II веках нашей эры. М., 1951. 16. Иордан. О происхождении и деянии гетов. М., 1960. 17. Калимах. К Артемиде//Александрийская поэзия. М., 1972. 18. Качаров Г. Земеделието в древна Тракия//Тракийски сборник. 1933. Кн. 4. 19. Колев К. Развитие на лозарството и винарството през античността и средновековието в източната част на Балканския полуостров//Научни трудове на Центъра за научно-изследвателска, развойна и проектантска дейност по винарска промишленост. София, 1971. Т. 13. 20. Ксенофонт. Анабасис. М.: Л., 1951. 21. Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935. 22. Либаний. Речи. Казань. 1912—1916. Т. 1—2. 23. Мартенянов А. П. Римская вилла на территории Фракии и Нижней Мезии в I—V вв. н. э. (Обзор исследований)//Вестн. древней истории. 1986. № 2. 24. Николов Л. Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско//Разкопки и проучвания. 1984. Кн. II. 25. Овидий. Скорбные элегии. Письма с Почта. М., 1978. 26. Полибий. Всеобщая история в 40 книгах. М.: 1890. Т. 1. 27. Полякова С. В., Феденковская И. В. Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов»//Византийский временник. 1956. Т. 8. 28. Странски И. Влияние на човека върху почвата в земите на

България//Известия на Почвения институт. 1958. Кн. 5. 29. *Тодоров Я.* Паранормизъм в Долна Мизия през първите три века след Христа. София, 1928. 30. *Томова В.* Божества — покровители на земеделието върху монети от Тракия, сечени през римската епоха//Нумизматика. 1973. Кн. 3. 31. *Aristophanis* comoediae. Halis Saxonum, 1892. P. 10. Equites. 32. *Aristotelis* ars rhetorica. Ed. A. Roemer. Lipsiae, 1885. 33. *Columella*. On agriculture. L., 1954. Vol. 2. 34. *Diodori* bibliotheca historica. Rec. Fr. Voquel., Lipsiae, 1906. Vol. 5. 35. *Enciclopedia* geografica a României. Bucuresti, 1982. 36. *Florescu R.* Agricultura în Dobrogea la începutul stăpînirii romane//Studii si cercetari de istorie veche. 1956. № 3—4. 1957. № 1—4. 37. *Lysiae* orationes. Rec. C. Scheibe. Lipsia, 1885. 38. *Marcinkowska A.* Motywy trackie w poezji Augustowskiej//Baecanica Posnaniensia. Poznan, 1984. Vol. 1. 39. *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. Serdica, 1956—1970. Vol. 1—4. 40. *Münzer F., Strack M.* Die antiken Münzen von Thrakien. Berlin, 1912. 41. *The odes* of Pindar including the Principal fragments. L., 1915. 42. *Pick B., Regling K.* Die antiken Münzen von Dacien und Moesien. Berlin, 1898—1910. Hbd. 1—2. 43. *C. Plinii* Secundi Naturalis historia. Rec. D. Dettelsen. Berolini, 1868. Vol. 3. 44. *Plutarchi* vitae parallelae Demetrii et Antonii. Rec. C. Sintenis. Lipsiae, 1875. 45. *Pomponii* Melae de chorographia libri tres. Rec. C. Frick. Lipsiae, 1880. 46. *Scriptores* historiae Augustae. Rec. H. Peter. Lipsiae, 1865. Vol. 2.

Поступила в редколлегию 20.10.87

В. А. ЛАТЫШЕВА

К МЕТОДИКЕ ОБРАБОТКИ АМФОРНОГО МАТЕРИАЛА

Совершенствование методики обработки различных категорий археологического материала — одна из первоочередных задач практической археологии. При исследовании памятников античной эпохи эта проблема особенно остро стоит в отношении обработки амфор, наиболее массового материала в культурном слое всех античных поселений. Несмотря на единодушное признание большой ценности амфор для решения различных вопросов античной экономики, большие успехи конкретных исследований в этой области [2; 10; 11; 15; 19], нельзя, однако, не отметить, что информативные возможности амфор как исторического источника используются далеко не в полной мере. Сказывается отсутствие единых и общепринятых принципов обработки амфор, что делает данный материал трудно сопоставимым и таким образом лишает его одного из самых существенных преимуществ — массовости. Настоятельная необходимость в выработке единой практики и фиксации керамической тары на всех этапах ее обработки — от поля до публикации — побуждает нас еще раз привлечь внимание специалистов к этому давно назревшему, но пока не решенному вопросу.

Важным этапом в исследовании амфорного материала является его первичная обработка в поле. Поскольку значительная часть этого массового материала остается на месте раскопок, ответственность исследователя за качество первичной обработки особенно

велика. По существу, в поле закладываются исходные данные для всех последующих стадий исследования.

В практике многих археологических экспедиций ведется статистический учет амфорных фрагментов с выделением профилированных частей (венцов, ручек), стен, особо учитываются ножки, клейма. Таким образом, за сезон пересчитываются тысячи фрагментов. Между тем, не всегда ясно, что делать с этими цифрами дальше, как запустить их в работу, чтобы столь трудоемкие усилия, затраченные на пересчет, были оправданы. И пока этот вопрос не будет иметь практического решения, трудно настаивать на признании пересчета всей амфорной массы в качестве обязательного принципа первичной обработки материала, как затруднительно и рассчитывать на универсальность подобной практики. Методика не может быть самоцелью, она эффективна и оправдана лишь постольку, поскольку способствует решению конкретно поставленной задачи исследования.

При определении круга задач, которые можно ставить и решать на амфорном материале, следует отметить прежде всего те, которые необходимо исключить как нерешаемые. Так, например, объем торговли или масштабы торгового обмена отдельного поселения, городского центра или целого района в античную эпоху трудно восстановить даже приблизительно. Амфорный материал не дает необходимых данных. Хотя амфора в античном мире и являлась универсальной тарой для транспортировки больших потоков товаров, нельзя не учитывать, что на долю археологов достается, как правило, бросовый материал, т. е. лишь часть того, что действительно участвовало в торговом обмене в целом. Из этого следует, что даже максимально полный учет всех сохранившихся амфорных фрагментов и последующая их обработка с помощью самой совершенной методики, не позволят составить полного представления о масштабах торговли исследуемого памятника. Амфорный материал при всей важности и ценности имеет границы как исторический источник, их следует учитывать при постановке задачи исследования и не требовать от материала больше, чем он может дать.

В качестве приоритетных задач, решаемых на амфорном материале, необходимо отметить такие вопросы, как выявление торговых партнеров, направления торговых путей, доля участия торговых партнеров в обмене. Амфорный материал при всей неполноте и фрагментарности должен объективно отражать эти реально сложившиеся в древности отношения. Мы не знаем абсолютной величины наших потерь в культурном слое, но мы вправе предположить, что они подчинялись общему закону естественного отсева, обусловленному действием таких объективных факторов, как сроки жизни амфорной тары, условия бытования и гибели изучаемого памятника. Итак, процент естественного отсева был, надо полагать, одинаковым для всех амфор, попавших в одинаковые условия. Сказанное означает, что мы вправе равномерно распространить неизбежные в культурном слое потери на весь извлеченный

амфорный массив, полагая, что соотношение торговых партнеров, сложившееся в древности, сохраняется и в археологическом материале.

Выявление торговых партнеров — это проблема локализации тары. Ее решение на археологическом уровне предполагает классификацию амфорной тары по центрам производства, как определяемым, так и неясным. Такой анализ необходимо производить с учетом всех амфорных фрагментов, вплоть до стен. Ограничивать просмотр одними клеймами или профильными частями в данном случае недостаточно, ибо, во-первых, далеко не все центры и не всегда практиковали клеймение тары; во-вторых, процент профильных частей в общей массе амфорных фрагментов очень незначителен. Например, амфорные ножки в среднем составляют не более 1,5 % общего числа амфорных фрагментов. О центрах, слабо представленных в материале, нередко можно судить только по фрагментам стен; ни клейм, ни ножек не удастся зафиксировать годами. В этих условиях пренебречь стенами, ограничив просмотр амфорного материала одними профильными частями, означает упустить какие-то центры, обеднить общую картину. Итак, для выявления керамических центров производства, при качественном анализе амфорной тары, классификации подлежит абсолютно весь амфорный массив.

Первоначальная обработка амфорной тары предполагает и статистический учет материала, без которого невозможно решение проблемы о долевом участии центров, представленных в амфорном комплексе. Вопрос об удельном весе торговых партнеров — это проблема количественной оценки амфорного материала, его статистического учета по центрам производства с последующим сопоставлением полученных данных и выявлением соотношения, выраженного в процентах. Однако при статистическом учете такого массового материала, как амфоры, естественно возникает вопрос о целесообразности и необходимости полного пересчета всего амфорного лома, исчисляемого на каждом античном поселении тысячами фрагментов за сезон. В литературе высказывалось мнение, что для центров, практиковавших клеймение амфорной тары — Гераклен, Фасоса, Родоса, Синопы, Херсонеса и пр., достаточно учитывать одни клейма, которые можно рассматривать как представительную выборку, объективно отражающую долевое участие керамических центров в торговом обмене [6, с. 10—16].

Однако по мере углубления исследований обнаружилась ошибочность выводов, опирающихся на арифметическое сопоставление клейм отдельных центров. В самом деле, даже там, где клеймение практиковалось регулярно, клеймилась не вся тара подряд, а лишь какая-то часть продукции, различная для каждого центра. С другой стороны, у родосских амфор, например, клейма ставились на обеих ручках; второе монограммное клеймо ставилось и на какой-то части херсонесских амфор. Так возникла принципиально важная в методическом отношении проблема выяснения периодичности клеймения и в пространстве, и во времени, проблема соотно-

шения клейменной и неклеяемой тары для каждого центра, где практиковалось клеймение, впервые затронутая в нашей литературе И. Т. Кругликовой [13, с. 26], а затем развернутая в работах Брашинского И. Б. [5, с. 19].

Несмотря на значительные успехи в области изучения клейм [1; 3; 7—9; 17; 21; 22], вопрос о периодичности клеймения для большинства центров нельзя считать решенным. Эти закономерности чаще всего не ясны или же сведения о них нуждаются в проверке. Так, И. Б. Брашинский, исходя из правильной по существу посылки о необходимости учитывать «вес» клейма, делает вывод, которым нельзя пользоваться практически. Автор полагает, что в таких центрах, как Херсонес, Синопа, Гераклея, Фасос, клеймилась каждая 5-я или 6-я амфора [5, с. 54]. Между тем, эта периодичность, по крайней мере, для таких центров, как Херсонес, Синопа, не подтверждается материалами поселения херсонесской хоры Маслины, многолетние раскопки которого (1972—1986 гг.) дали большие серии керамического материала этих двух центров [14, с. 34—35]. Результаты сопоставлений можно представить следующим образом:

Центры	Клейма	Ножки
Херсонес	209	344
Синопа	90	102

Отметим, что в число херсонесских клейм входит 32 монограммных клейма, которые являлись дополнением к астиномным и ставились обычно на второй ручке амфоры или включались в один штемпель с астиномным клеймом. Исключив их, во избежание дублирования из общего числа херсонесских клейм, получим соотношение 177:344 (равное примерно 1:2), позволяющее сделать вывод о том, что в Херсонесе с конца IV до середины II в. до н. э. клеймилась практически каждая вторая амфора. Для синопской тары, по данным поселения Маслины, разрыв между количеством ножек и клейм настолько незначителен, что статистически вероятным будет вывод о клеймении всей амфорной продукции.

Таким образом, вопрос о периодичности клеймения для различных центров пока нельзя считать решенным. Его необходимо выяснять и уточнять, привлекая материалы других памятников, где проводился тщательный и систематический учет необходимого для сопоставлений материала (клейм и ножек). До решения данного вопроса пользоваться клеймами для выяснения долевого участия торговых центров нельзя. Это сейчас очевидно.

Более надежным материалом для выявления соотношения керамических центров в торговом обмене являются амфорные ножки. Поскольку за каждой из них стоит целая форма. Этот способ статистического учета амфорной тары позволяет выразить фрагментированную массу керамического лома в более емких и достаточно сопоставимых единицах. Показательно, что и в античном мире амфора при оптовых торговых операциях выступала как общепринятая единица измерения и учета поставлявшихся в ней продуктов (Ксенофонт. Анабасис, VI, 1, 15; VI, 2, 3. Полибий, Всеоб-

щая история, IV, 56. Демосфен. Речь против Лакрита, XXXV, 10). По этой причине амфорные ножки в ходе раскопок должны учитываться и фиксироваться в полевой документации (описи, графических чертежах) с особой тщательностью как ценный источник для наиболее точного определения минимального числа целых форм, присутствующих в керамическом комплексе. Соотношение ножек по центрам производства с достаточно высокой степенью точности будет отражать доленое участие этих центров в обмене.

Заслуживают внимания и другие способы статистического учета амфорной тары. Так, С. М. Кокляков предлагает варианты перевода керамического лома в условно-целые формы с помощью таких профилированных частей, как венцы и ручки с прилепами [12, с. 242—243]. В первом случае выход на условно-целые формы лежит через измерение углов всех амфорных венчиков с последующим делением общей суммы полученных данных по каждому центру на 360° . Во втором случае учитывается, что каждая целая амфора имела в месте прикрепления ручек два верхних прилепа и два нижних; число условно-целых форм определяется по общей сумме фрагментированных ручек с верхними прилепами, деленной на 2; аналогичная операция проводится и в отношении ручек с нижними прилепами.

Смысл изложенных выше способов перевода керамического лома в условно-целые формы заключается в том, что они позволяют определить удельный вес керамических центров в торговом обмене сразу по нескольким параметрам, что, естественно, повышает надежность выводов, опирающихся только на один из них (например, ножки). Кроме того, более широкое использование профилированных частей позволяет учесть и те центры, которые вследствие своей малочисленности не представлены ножками.

Последние исследования в области керамической тары показали, что и выход на условно-целые формы не является пределом точности при выявлении удельного веса торговых партнеров в обмене. Соотношение керамических центров по условно-целым формам не учитывает различий в емкостном содержании тары, которые в ряде случаев были весьма существенны [5, табл. 1—13]. Между тем выяснение древних стандартов — самостоятельная проблема, нуждающаяся в специальной разработке. Идеальным способом измерения объема амфоры было бы ее наполнение соответствующим количеством воды, песка, зерна, однако для этого нужны безусловно целые формы, число которых в сравнении с керамическим ломом очень невелико и растет медленно, а вводится в научный оборот еще медленнее. Узость источниковой базы — серьезное препятствие на пути решения проблемы в целом.

В целях расширения источниковой базы к настоящему времени опробовано немало математических методов для вычисления объема амфорной тары [4, с. 96; 16, с. 131—132; 18, с. 162—172; 19, с. 14—15; 20, с. 147—148], но единой формулы нет и быть не может, учитывая разнообразие типов амфор. В формулу Герона,

предназначенную для измерения объема сложного сферического тела, предлагается вводить различные коэффициенты, которых практически столько, сколько исследователей. К тому же все формулы опираются минимум на 3 линейных параметра амфоры, предполагающих наличие целой формы. В этих условиях, как нам представляется, эмпирический способ измерения объема целых форм остается и более предпочтительным, и более надежным: сводя к минимуму погрешности, возможные при измерениях математическим способом, он позволяет точнее выйти на искомую величину.

Учитывая ограниченное число целых форм, необходимо применить эмпирический способ ко всем имеющимся в распоряжении исследователей целым формам с последующим обязательным изданием как самих форм, так и их метрических характеристик, включающих объем амфоры (V) и наиболее значимые для него линейные параметры сосуда — глубину (H_0), высоту верхней части от венца до максимального диаметра (H_1), максимальный диаметр (D) и минимальный диаметр или диаметр венца (d).

Нам представляется продуктивной мысль о закономерностях между объемом амфоры и ее линейными параметрами [5, с. 73]. Они станут очевидными при проведении обмеров больших серий целых сосудов по каждому керамическому центру. Составленные на этой основе таблицы емкостей и соответствующих им интервальных значений основных линейных размеров позволят в дальнейшем делать заключение о емкости амфоры, не прибегая к фактическому измерению ее объема. Достаточно будет сопоставить линейные размеры амфоры с таблицей их значений и, найдя сосуду соответствующее место в таблице, определить ее емкостное содержание.

Введение в научный оборот целых амфорных форм имеет большое значение для выяснения еще одного методически важного вопроса — о степени зависимости между объемом амфоры и ее морфологическими признаками, формой сосуда. Существует ли такая связь, в чем она проявляется конкретно и насколько жестко. Иными словами, допустимо ли судить об объеме амфоры по отдельным профильным частям, позволяют ли, например, амфорные ножки выходить на объем амфоры. Выяснение этого вопроса, возможное лишь на целых формах, имело бы большое практическое значение, поскольку позволило бы повысить степень информативности фрагментированного амфорного материала, с которым, главным образом, и приходится работать.

Итак, первичная обработка амфорного материала в полевых условиях предполагает прежде всего качественный анализ всей амфорной массы, которая классифицируется в пределах каждого раскопчного квадрата по профилированным частям (венцам, ручкам, ножкам) и стенам. Весь материал фиксируется в полевой описи, но делится на две категории в зависимости от степени и характера учета.

К категории постоянного хранения, т. е. с № и шифром, относятся все целые или поддающиеся восстановлению амфорные фор-

мы, ножки, клейма, фрагменты с граффити и дипинто, а также образцы неясной глины для последующего выяснения центра производства. Весь остальной материал фиксируется как не взятый (без № и шифра) с указанием профилированных частей (венцов, ручек) и стен по центрам производства и квадратам. В графе «примечания» против венцов полезно указывать сумму углов, полученную от замеров транспортиром всех венцов по каждому центру, а против ручек — количество фрагментов с верхними прилепами и нижними прилепами.

Существенной частью первичной обработки амфорного материала является его графическая фиксация, предполагающая как обязательный минимум чертежи профилей всех целых или реконструируемых форм в масштабе 1:1 и 1:5, всех типов ножек (1:1), а также прориси всех клейм, граффити и дипинто, выполненные в виде картотеки.

По завершении исследования памятника амфорный материал необходимо как можно оперативнее вводить в научный оборот, обращая при этом внимание на публикацию целых форм со всеми метрическими характеристиками, обработку клейм, а также атрибуцию пока не ясных центров.

Список литературы: 1. *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор//Нумизматика и эпиграфика. 1974. Т. 11. 2. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980. 3. *Его же.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской//Нумизматика и эпиграфика. 1965. Т. 5. 4. *Его же.* Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары//Сов. археология. 1976. № 3. 5. *Его же.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984. 6. *Его же.* Некоторые вопросы методики исследования импорта керамической тары в античном Причерноморье//Крат. сообщения Ин-та археологии. 1977. № 148. 7. *Его же.* Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э./Античный город. М., 1963. 8. *Василенко Б. А.* О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э./Нумизматика и эпиграфика. 1974. Т. 11. 9. *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма острова Фасоса//Нумизматика и эпиграфика. 1972. Т. 10. 10. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора//Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. № 83. 11. *Кац В. И., Монахов С. Ю.* Амфоры эллинистического Херсонеса//Античный мир и археология. Саратов, 1977. Вып. 3. 12. *Кокляков С. М.* Амфоры городища «Чайка» (применение метода пересчета в условно-целые сосуды при исследовании керамического комплекса)//Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. 13. *Кругликова И. Т.* Торговля в сельских поселениях Боспора//Крат. сообщения Ин-та археологии. 1972. № 130. 14. *Латышева В. А.* Поселение Маслины в Северо-Западном Крыму и его место в составе херсонесской хоры//Проблемы античной истории и классической археологии: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф., 6—8 февр. 1980 г. Х., 1980. 15. *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара Ольвии (из опыта изучения амфор VI—IV вв. до н. э.). К., 1981. 16. *Ее же.* О стандартах гераклейской амфорной тары//Ольвия. К., 1975. 17. *Михлин Б. Ю.* К изучению херсонесских керамических клейм//Вестн. древней истории. 1979. № 2. 18. *Монахов С. Ю.* Еще раз о стандартах емкости амфор эллинистического Херсонеса//Вестн. древней истории. 1980. № 4. 19. *Его же.* Керамическая тара эллинистического Херсонеса: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. 20. *Николаенко Г. М.* О стандартах емкости эллинистического Херсонеса//Вестн. древней истории. 1978. № 3. 21. *Цехмистренко В. И.* Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров//Сов. археология. 1960. № 3. 22. *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М., 1975.

Поступила в редколлегию 18.10.87

УСАДЬБА СКИФСКОЙ ЭПОХИ НА БЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

В ходе исследований Бельского городища в 1986—87 гг. в раскопе № 31, расположенном в юго-восточной части Восточного укрепления, на участке размером в 1110 м² удалось выявить две новых, четко отделенных друг от друга усадьбы скифской эпохи

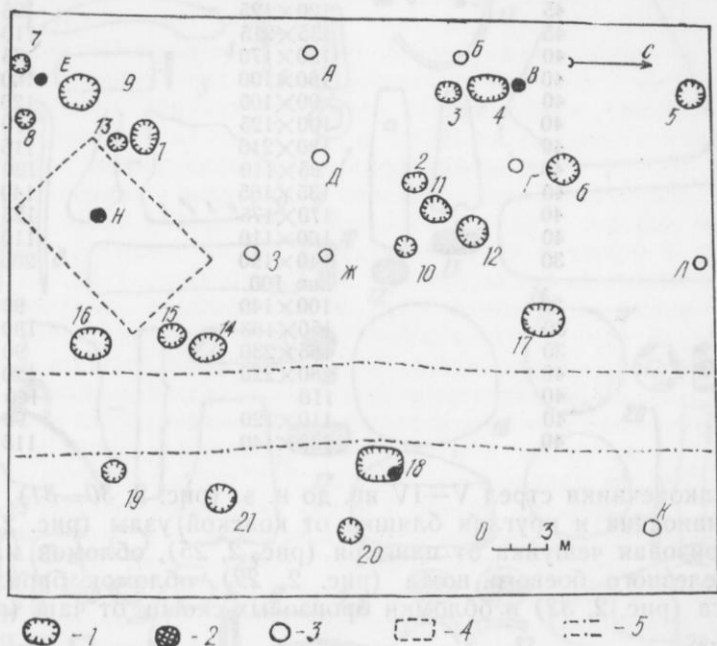

Рис. 1. Строительные остатки

Условные обозначения: 1 — ямы; 2 — печки и очаги; 3 — жертвенники; 4 — контур жилища; 5 — дорога

(рис. 1). Большая часть строительных и других остатков относится к первой усадьбе, которая занимает территорию к северу от дороги, проходящей с юга на север. Вторая усадьба, расположенная к востоку от дороги, вскрыта пока на небольшом пространстве, но важна для выявления границ и особенностей первой усадьбы (размеры ям на участке раскопа № 31 см. в таблице 1).

Место расположения первой усадьбы привлекло внимание еще в ходе разведывательных работ 1986 г. благодаря обилию ценных находок. Кроме обломков лепной керамики скифской эпохи, здесь было найдено большое количество фрагментов античных амфор преимущественно IV в. до н. э., небольшой обломок чернолакового сосуда, бусы из непрозрачного цветного стекла (рис. 2, 21), брон-

№№	глубина, на которой обнаружена яма, см	длина, ширина или диаметр, см	глубина от поверхности, см
1	40	150×160	100
2	25	90×140	120
3	45	120×125	95
4	45	135×215	110
5	40	150×170	85
6	40	160×100	100
7	40	90×100	120
8	40	100×125	110
9	40	180×210	115
10	40	95×110	130
11	40	135×165	140
12	40	170×175	125
13	40	100×110	110
14	30	140×190	200
		дно 100	
15	20	100×140	90
16	30	150×183	180
17	30	165×230	90
18	40	180×220	120
19	40	110	100
20	40	110×120	90
21	40	130×140	115

зовые наконечники стрел V—IV вв. до н. э. (рис. 2, 30—31), бронзовый наносник и круглая бляшка от конской узды (рис. 2, 23—24), бронзовая чешуйка от панциря (рис. 2, 25), обломок массивного железного боевого ножа (рис. 2, 29), обломок бронзового браслета (рис. 2, 32) и обломки бронзовых сковок от чаш (рис. 2, 22, 33).

Особенно привлекли внимание два уникальных бронзовых перстня с изображениями. На первом изображены два сидящих друг против друга человека, которые держат руками какой-то сосуд (рис. 2, 26). Можно полагать, что показана сцена скрепления клятвы или договора при помощи распространенного в Скифии ритуала питья из одного сосуда [1, с. 42, № 81, 203]. На втором, более позднем, (рис. 2, 27) изображен молодой человек, сидящий на резном, мягком сидении с подставкой для ног. На его голове видна ленточная повязка-диадема. На плече и бедре заметны складки одежды. На спине прикреплены два бычьих рога, связанных лентой, конец которой свободно опущен. В левой вытянутой вперед руке он держит чашу, из которой на землю падают крупные капли. Правая рука согнута в локте, на ладони лежит какой-то продолговатый предмет. Перед лицом человека видна слегка поврежденная коррозией надпись из трех букв. Возможно чтение УЛА. Скорее всего это — имя. Очевидно, рисунок на перст-

не изображает царя-жреца в образе Диониса, культ которого, по свидетельству Геродота (IV, 108), играл важную роль в религиозных обрядах местных жителей [5, с. 143]. Это подтверждается и археологическими источниками [9, с. 3—39].

Раскопки 1987 г. дали новые материалы, позволяющие составить определенное представление о владельце уникальных перст-

Рис. 2. Изделия, найденные при разведках и раскопках

ней и его усадьбе. Из строительных остатков в первой усадьбе обнаружены следы наземного жилища, 17 ям разного назначения, остатки трех печей и очагов, 7 жертвенников. Остатки наземных жилищ сохраняются очень плохо и проследить их на многократно перепаханном поле трудно, поэтому новое жилище уже само по себе представляет большой интерес. Остатки его обнаружены на глубине 40 см в непотревоженной части культурного слоя. Здесь было замечено прямоугольное пятно $5,5 \times 9$ м интенсивно черного цвета. Толщина пятна в центральной части 5—8,5 см, у краев около 2 см. Почти посредине прямоугольного пятна находились остатки очага диаметром 50×55 см с обожженным глиняным полом толщиной 3—4 см. Столбовых ям нигде не было, так

как сама наземная постройка представляла собой бревенчатый сруб, не нуждающийся в столбах. Такая картина наблюдалась на Восточном укреплении Бельского городища неоднократно.

Бытовых находок в пределах жилища оказалось значительно больше, чем в окружающем культурном слое. Рядом с очагом найдены мелкие обломки костей животных из пищевых остатков, два биконических глиняных пряслица (рис. 3, 12), два обломка (ручки и венчика) античной амфоры IV в. до н. э. В юго-западной половине жилища обнаружены обломок кварцитовой зернотерки, три глиняных конуса с отверстиями (рис. 4, 8), бронзовая ворворка (рис. 2, 7), два глиняных пряслица (рис. 3, 13), обломок глиняного светильника (рис. 3, 8), часть прямоугольной плитки из песчаника с большой примесью слюды (возможно, от переносного алтарика), миниатюрный культовый сосудик (рис. 3, 5), два небольших амфорных обломка и часть ножки бронзового котла (рис. 2, 9). По краю ножка орнаментирована рядом косых насечек. В северо-восточной половине помещения найдены крупные обломки амфоры. Судя по положению ее нижней части, она была вкопана в землю в углу помещения. Кроме амфоры, обнаружен обломок массивной кварцитовой зернотерки (рис. 4, 9), железный нож с изогнутой спинкой (рис. 2, 4), обломок рюмкообразного светильника (рис. 3, 9), глиняное пряслище и кусок охристого песчаника красного цвета. Кроме того, в пределах жилища в разных местах найдена лепная керамика скифской эпохи в виде обломков горшков со слабоотогнутым венчиком, украшенных по краю пальцевыми вдавлениями и сквозными проколами (рис. 3, 3) или только одними вдавлениями. К редкому типу относится обломок горшка, край венчика которого имеет пальцевые вдавления, а ниже располагаются вдавления, нанесенные круглым штампом (рис. 4, 2). Найден один обломок корчаги (рис. 3, 20). Таким образом, в жилище найдены только бытовые и культовые предметы и совершенно отсутствуют какие-либо специальные орудия производства. Эта картина полностью соответствует тому, что зафиксировано среди хронологически одновременных остатков на остальной территории первой усадьбы.

Ямы располагались тремя группами (рис. 1): к западу от жилища находятся ямы № 1, 7—9, 13 и очаг «Е», к востоку от жилища — ямы № 14—16, а к северу — ямы № 2—6, 10—12, 17 и печь «В». Жертвенники встречались очень часто в разных местах, но все же основная часть («А», «Б», «Д», «Ж», «З») обнаружена между жилищем и второй группой ям. Подавляющее большинство ям имеет цилиндрическую форму и только две ямы иные: яма № 14 имеет форму усеченного конуса, а яма № 15 — грушевидная. Цифровые показатели указаны в таблице. Стратиграфически ямы № 2 и 15, в которых нет выразительных находок, можно отнести к скифской эпохе. Остальные, показывавшиеся во втором штыке, содержат в основном мусорные остатки, состоящие из обломков разбитых глиняных сосудов, обломков костей животных из пищевых отходов (кости коровы,

лошади, свиньи, козы или овцы), кусочков обожженной глиняной обмазки. Лишь две ямы отличались от мусорных: предпечная яма № 4 и культовая яма № 17.

Предпечная яма № 4 имеет площадь 2,9 м². В нижней ее части заполнения встречались небольшие прослойки золы с дре-

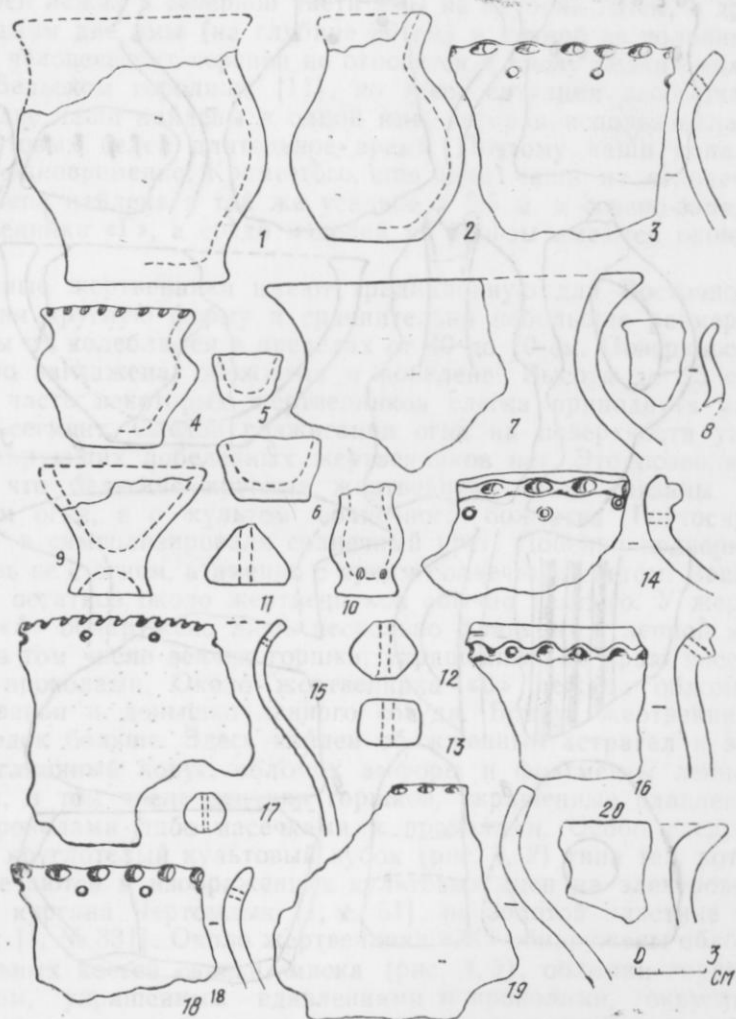

Рис. 3. Образцы керамических изделий

весными угольками, кусочки глиняной обмазки от печи. Найдено 27 обломков стенок лепных сосудов, 6 обломков стенок амфор и 12 мелких обломков костей животных. С севера к яме примыкает печька «В», от которой сохранилась часть пода и более 80 обломков свода, имевших на внутренней стороне отпечатки прутьев

каркаса. Размер остатков пода 70×43 см. В печи под остатками свода найдены обломки лепного горшка с венчиком, украшенным пальцевыми вдавлениями по краю. Рядом с печкой обнаружен фрагмент амфорной ручки, обломки костей коровы, лошади, сви-

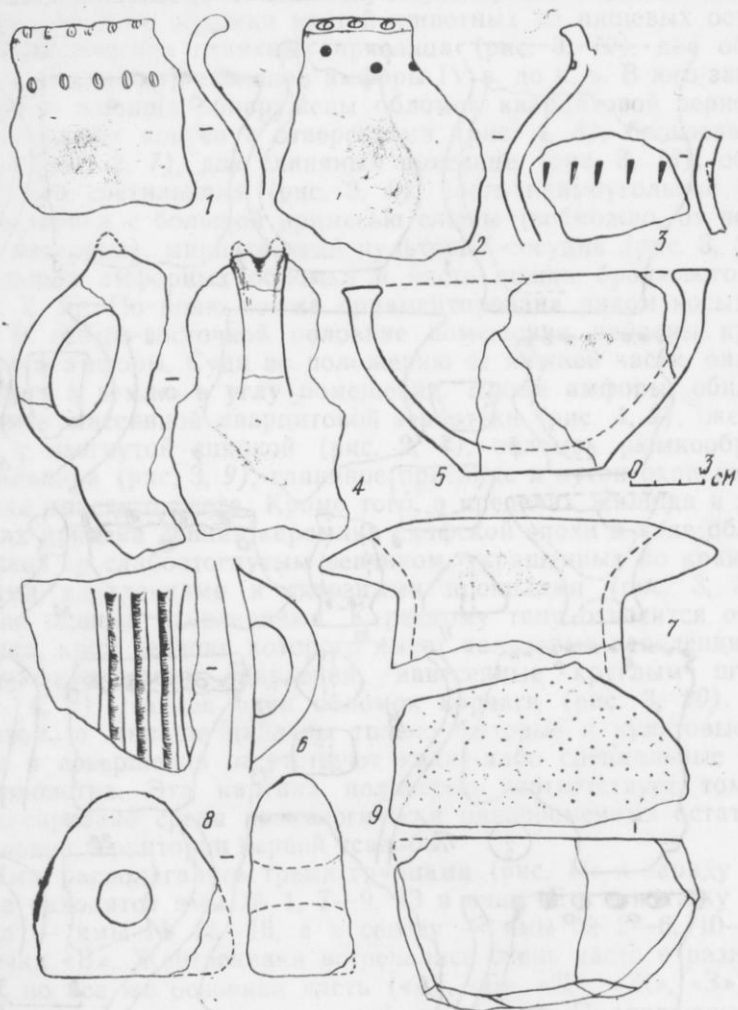

Рис. 4. Образцы керамических изделий и обломки зернотерки

ны. Недалеко лежал точильный камень. Все это характеризует комплекс как небольшую летнюю кухню в стороне от жилища.

Яма № 17 расположена в северо-восточном углу усадьбы. В черноземном заполнении были найдены фрагменты лепной керамики скифской эпохи, в том числе обломки горшков с венчиками украшенными пальцевыми вдавлениями, обломок кувшина

(рис. 3, 7), глиняный конус с отверстием, небольшой глиняный шарик непонятного назначения, 36 обломков амфорных стенок, несколько кусочков глиняной обмазки и 12 мелких обломков костей животных. В этой же яме находились верхние части двух человеческих черепов, которые использовались в качестве чаш. Один череп лежал в северной части ямы на глубине 75 см, а другой на самом дне ямы (на глубине 90 см) в южной ее половине. Чаши из человеческих черепов не относятся к числу редких находок на Бельском городище [11], но здесь ситуация необычная, так как две чаши найдены в одной яме, которая использовалась для культовых целей длительное время. Поэтому чаши попали в яму не одновременно. Кроме того, еще одна чаша из человеческого черепа найдена в той же усадьбе в 2,5 м к северо-западу от жертвенника «Г», а среди изделий из бронзы имеются оковки для чаш.

Глиняные жертвенники имеют традиционную для Восточного укрепления круглую форму и сравнительно небольшие размеры. Диаметры их колеблются в пределах от 40 до 70 см. Поверхность тщательно заглажена, обожжена и побелена. Высота до 25 см. Средняя часть некоторых жертвенников слегка приподнята как шаровой сегмент. Следов разжигания огня на поверхности уже функционирующих побеленных жертвенников нет. Это позволяет считать, что бельские круглые жертвенники были связаны не с культом огня, а с культом солнечного божества Гойтосира [2, с. 43] и символизировали солнечный круг. Побелка подчеркивала связь не с огнем, а именно с ярким солнечным светом. Вещественных остатков около жертвенников обычно немного. У жертвенника «А» обнаружено лишь несколько фрагментов лепной керамики, в том числе венчик горшка, украшенный по краю насечками и проколами. Около жертвенника «Б» лежали обломки костей свиньи и донышко лепного сосуда. Вокруг жертвенника «Д» находок больше. Здесь найден обожженный астрагал и зуб коровы, глиняный конус, обломок амфоры и фрагменты лепной керамики, в том числе венчики горшков, украшенные вдавлениями и проколами либо насечками и проколами. Особо следует отметить круглотелый культовый кубок (рис. 3, 2) типа тех, которые встречаются в изображениях культовых сцен на электровазельной бляхе из кургана Чертомлык [1, с. 51], на золотой пластине из Мерджан [1, № 331]. Около жертвенника «Ж» обнаружены обломки отдельных костей свиньи, миска (рис. 4, 5), обломки горшка с венчиком, украшенным вдавлениями и проколами, округлый камень и фрагмент небольшого культового сосудика. Возле жертвенника «З» найдены обломки стенок лепных сосудов скифской эпохи и обломок культовой статуэтки, изображающей змею (рис. 2, 16), которая считается одним из атрибутов богини земли [2, с. 5]. Подобные изображения уже встречались на Бельском городище [9, с. 38, рис. 8, 1—2]. Жертвенник «Л» и яма № 5 расположены в стороне и, возможно, относятся уже к следующей усадьбе, отделенной от первой пространством, почти свободным

от находок. Кроме того, и стратиграфически жертвенник «Л», обнаруженный на глубине 55 см, более ранний, чем жилище первой усадьбы. Это подтверждается и сопутствующей находкой у жертвенника обломка архаического банкообразного лепного горшка с налепным расчлененным валиком и проколами у края венчика (рис. 3, 16).

В верхней части культурного слоя раскопа, соответствующей времени существования первой усадьбы с жилищем (до глубины 40 см), сделано довольно много выразительных находок. Лепная посуда представлена прежде всего обломками горшков со слабо-отогнутыми венчиками. Подавляющее их большинство (75,5 % от всех определимых горшков) имеет венчики с пальцевыми вдавлениями и сквозными проколами вдоль края (рис. 3, 3, 18). Среди остальных чаще встречаются горшки, венчик которых украшен по краю насечками и сквозными проколами (рис. 3, 15) или только зашипами (рис. 3, 19). Первые составляют 8,4 %, а вторые — 5,2 % всех горшков. Остальные типы горшков представлены 1—2 экземплярами. Это горшки, украшенные только вдавлениями по краю или вдавлениями по краю и на шейке сосуда (рис. 4, 1), украшенные по краю насечками или насечками в сочетании с пальцевыми вдавлениями на шейке. На одном фрагменте стенки имеются углубления, сделанные концом заостренной палочки (рис. 4, 3). Только два обломка принадлежат горшку архаического типа, украшенному налепным валиком и проколами (рис. 3, 14), который явно попал при перекопах из нижней части культурного слоя.

Остальных видов посуды гораздо меньше. Миски составляют 9 %, кувшины — 3,6 %, корчаги — 0,9 % от всех находок определимых остатков глиняной посуды. Миски простые, со слегка загнутым внутрь краем (рис. 4, 5). Только два обломка принадлежат чернолощеновым мискам. Кувшины и корчаги имеют гладкий, оттянутый наружу венчик (рис. 3, 7). Некоторые из кувшинов снабжены ручками, украшенными каннелюрами (рис. 4, 6). В целом комплекс лепной посуды этого слоя типичен для конца V—IV вв. до н. э.

Из других глиняных изделий в этом слое найдено 5 конусов с отверстиями (рис. 4, 8). Судя по этнографическим данным [12, с. 54—55], по крайней мере, часть таких конусов могла применяться в качестве светцов, т. е. подставок, удерживавших лучину, освещающую помещение. Они использовались наряду с разными типами масляных светильников (рис. 3, 9—10). Кроме того, найдено 9 пряслиц, маленькие культовые сосудики (рис. 3, 6), три небольших обломка глиняных статуэток. Еще при разведке был обнаружен относящийся к этому же слою интересный обломок статуэтки, изображающей птицу с полостью внутри туловища (рис. 2, 28). Такие фигурки птиц на ножке-подставке связаны, как полагают исследователи, с солнечным культом плодородия [9, с. 22; 13, с. 193].

Импортная керамика представлена 18 обломками амфор. В основном это небольшие фрагменты. Выделяются лишь крупные обломки верхней и нижней частей амфор, найденные к юго-востоку от ямы № 12 (рис. 4, 7) и в северном углу жилища. Они относятся к амфорам типа Солоха 1 и могут быть датированы второй четвертью IV в. до н. э. [4, с. 26; 6, с. 91; 7, с. 31], что совпадает и с комплексом местной лепной керамики.

Изделий из железа и бронзы не много, но они интересны. Кроме обломков железных ножей (рис. 2, 2, 4, 5) в раскопе найдена железная булавка с петлевидной головкой (рис. 2, 8) и железный скальпелевидный резец (рис. 2, 1). Последний мог применяться для хирургических операций при трепанации черепа. Следы проведения такой операции были зафиксированы на одном из черепов, найденных на Восточном укреплении [10, с. 354]. Среди изделий из бронзы имеются часть оковки от чаши (рис. 2, 3) и булавка редкого типа (рис. 2, 6). Верхняя часть последней отходит в сторону и волнообразно изгибается. По классификации В. Г. Петренко, это булавка 24 типа [8, с. 19]. В. Г. Петренко относит данные булавки к особому типу украшений, характерных для скифской аристократии. Особо следует отметить оригинальный бронзовый браслет с орнаментированным боковым выступом (рис. 2, 11).

Среди изделий из камня имеется 12 точильных брусков, три кварцитовых терочника (рис. 2, 18), обломок гальки, массивная треугольная плитка из песчаника (рис. 2, 14), четыре шаровидных камня (рис. 2, 19—20). Треугольная плитка могла применяться для растирания каких-то материалов. Геродот (IV, 75) отмечает, что скифские женщины «растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладанного дерева, добавляя воду, и этой перетертой густой массой натирают все тело и лицо. От этого они приобретают аромат. А на следующий день, сняв пластырь, они одновременно становятся чистыми и блестящими» [5, с. 129]. Речь здесь идет, конечно, о знатных женщинах, так как для указанной косметической процедуры использовались дорогие импортные материалы. Треугольная плитка могла использоваться и в процессе приготовления ритуального «напитка бессмертия» сомы — хаумы. Шаровидные камни напоминают метательные, но некоторые из них имеют следы сильного нагрева, что указывает на использование их для иных целей. Геродот (IV, 75) отмечает использование раскаленных камней в Скифии для ритуального воскрешения конопли, при помощи которого, как полагают исследователи, представители культа типа жрецов-шаманов доводили себя до религиозного экстаза [3, с. 117; 5, с. 315]. Шаманические обряды в древности нередко отождествляли с обрядами вакхическими [3, с. 111], а культ Диониса надежно зафиксирован у жителей Бельского городища — Гелона [9]. Найдены еще кварцитовый диск непонятного назначения, куски красного охристого песчаника, который в данном случае скорее всего использовался для получения красной краски.

Глубина культурного слоя в раскопе № 31 доходила до 60—65 см, но характер отложений, залегавших ниже 40—45 см и относящихся ко времени, предшествующему появлению жилища и связанных с ним комплексов, был иной. Находок здесь гораздо меньше. Горшки со слабоогнутым венчиком, украшенные по краю вдавлениями и проколами, составляют 38 % лепной посуды. В то же время количество горшков, украшенных по венчику наклепным расчлененным валиком доходит до 16,6 %. Иногда валик расположен не у края венчика, а на шейке сосуда. Остальные типы горшков представлены 1—2 экземплярами. Найдены обломки двух мисок и 5 обломков кувшинов. Интересны обломки ковша с зооморфной ручкой, которая в верхней части раздваивается и заканчивается рожками или ушками (рис. 4, 4). Импортная керамика представлена в этом слое только тремя небольшими фрагментами амфор.

Среди изделий из кости имеется скребок для обработки кожи, сделанный из бычьего ребра, бусина из рыбьего позвонка. Найдены два пряслица, глиняная бусина, кусочек стенки бронзового котла, железное шило, железный брусок (рис. 2, 10), обломок кварцитовой зернотерки, три точильных камня (рис. 2, 13, 17), три куса железного шлака из сыродутного горна и обломок стенки бронзолитейного тигля со шлаком. Последние находки попали сюда очевидно из соседней второй усадьбы, где явно жил ремесленник.

Ко второй усадьбе относятся расположенные южнее дороги ямы № 18—21 и жертвенник «К». В северо-восточном углу предпечной ямы № 18 имелись остатки глинобитной печки размером 40—50, под которой возвышался над полом на 55 см. В яме найден фрагмент горшка, украшенного по краю венчика зашипами и проколами, обломок горшка с ногтевыми вдавлениями по плечикам, кусок шлака с остатками бронзы. В яме № 19 находок не было. В яме № 20 обнаружены обломки отдельных костей лошади и коровы из пищевых отбросов, точильный камень, фаланга ноги лошади с просверленным отверстием, венчики лепных горшков, украшенных по краю зашипами и проколами или насечками и проколами, а иногда только вдавлениями. Рядом с ямкой находился обломок амфоры и обломок глиняной литейной формы (рис. 2, 15). Сохранилась небольшая часть формы размером 6,7×4,8 см, толщиной 0,9 см. На ней сохранилось изображение части головы, уха и шеи животного. Судя по закругленной форме уха, это было изображение хищника из семейства кошачьих. Таким образом получено еще одно доказательство того, что ремесленники Бельского городища изготавливали вещи, оформленные в зверином стиле. В яме № 21 найдены фрагменты архаического горшка, украшенного наклепным валиком и проколами, обломки чаши из человеческого черепа, мелкие обломки костей животных. Круглый жертвенник «К» диаметром 50 см был побелен. Непосредственно у него находок не было.

Раскопки показали, что наиболее ранней является вторая усадьба (ремесленника). На ее участке арханчская керамика встречается и в культурном слое и в ямах. Вскрыта лишь небольшая часть этой усадьбы и поэтому время появления ее пока можно лишь ориентировочно относить к концу VI—началу V в. до н. э. К западу от этой усадьбы вначале был, видимо, незаселенный или незастроенный участок. Во второй половине или в конце V в. до н. э. на западной части раскопа появляются постройки первой усадьбы. Последняя принадлежала богатому человеку, относящемуся к числу вооруженных всадников, достаточно обеспеченных для того, чтобы покупать дорогие импортные вещи. Наличие большого количества культовых предметов при отсутствии явно выраженных следов производственной деятельности позволяет считать, что владелец первой усадьбы имел какое-то отношение к делам культа, возможно выполнял помимо прочего функции жреца-шамана. Обе усадьбы продолжали существовать и в IV в. до н. э., к которому относится большинство находок.

Список литературы: 1. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л.; Прага, 1966. 2. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. К., 1983. 3. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983. 4. Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. 5. Геродот. История. М., 1982. 6. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960. 7. Лейпунская Н. А. Керамическая тара из Ольвии. К., 1981. 8. Петренко В. Г. Украшения Скифии. М., 1978. 9. Шрамко Б. А. Культовые скульптуры Гелона//Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. 10. Шрамко Б. А. Продолжение раскопок Гелона//Археол. открытия 1979 г. М., 1980. 11. Шрамко Б. А., Радзиевская В. Е. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище//Сов. археология. 1980. № 4. 12. Шульгина Л. Прилады для освящения в с. Бубнівці на Поділлі//Матеріали до етнології. К., 1929. 13. Gediga B. Motywy figuralne w sztuce ludności kultury luzyckiej. Warszawa, 1970.

Поступила в редколлегию 18.10.87

Ю. В. БУЙНОВ, канд. ист. наук,
В. К. МИХЕЕВ, д-р ист. наук

КУРГАН СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ У с. СУХАЯ ГОМОЛЬША НА ХАРЬКОВЩИНЕ

Предлагаемая публикация посвящена обобщающей характеристике материалов срубной культуры из кургана, расположенного на территории известного городища салтово-маяцкой культуры у с. Сухая Гомольша Готвальдовского района Харьковской области. До начала исследований* он выделялся небольшим всхолмлением высотой 0,2—0,4 м в северной части каменного укрепления. В ходе раскопок, проведенных методом «подвижной траншеи», удалось установить, что курганная насыпь была сооружена в два приема. Первоначальная насыпь имела диаметр 21—22 м

* В 1982 г. работами руководил В. К. Михеев, а в 1985 г. — Ю. В. Буйнов.

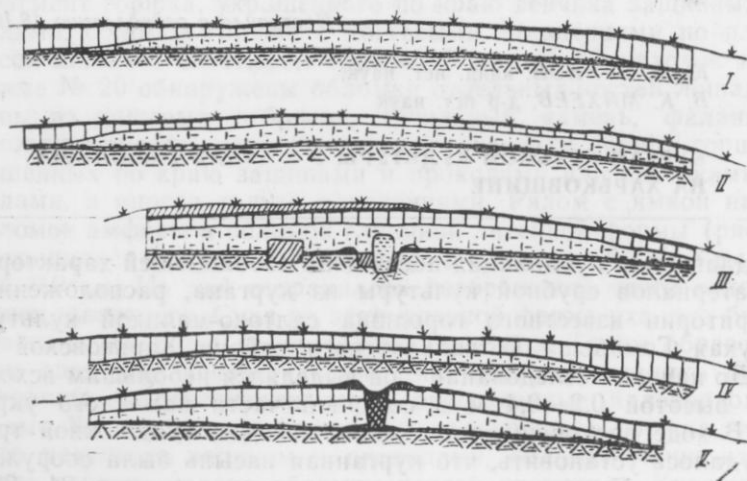
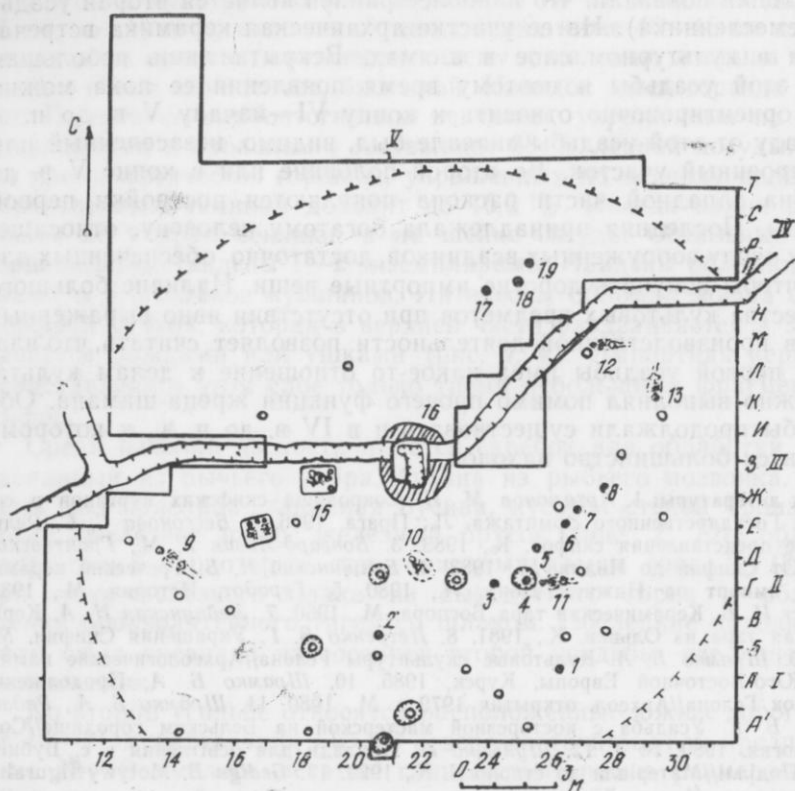

Рис. 1. План раскопа кургана

Рис. 2. Сосуды из кургана из погребений с труноположениями (18—20) и без следов погребений (1—17)

и состояла из однородно перемешанной почвы с большой примесью песка. В ней содержались окатанные фрагменты керамики и кремневые изделия эпохи энеолита. В центре ее мощность достигала 1 м, а по краям выклинивалась (рис. 1).

Нет сомнений в том, что это приносной грунт, взятый с территории одного из пойменных поселений. Сверху насыпь перекрывалась слоем сильно гумусированного чернозема мощность 0,3 м в центре и до 0,7 м по краям. В нем встречены единичные фрагменты керамики бондарихинской культуры позднего бронзового века и очаг времени существования раннесредневекового городища. Край второй насыпи, возведенной над впускными погребениями скифского времени, не прослежен, так как она была распланирована в период строительства городища и сдвинута на его склоны.

Всего под курганом и в его первой насыпи были обнаружены 23 отдельно вкопанных сосуда (рис. 2) и 19 погребений. Из них 4 впускных погребения (№ 9, 11—13) относятся к скифской эпохе, остальные связываются со срубной культурой. Последние подразделяются на 4 труположения и 11 трупосожжений.

Основным для первой насыпи является погребение (п.) 16, расположенное в центре кургана (к.). Его погребальная яма имела прямоугольную форму 1,5×1,2 м при глубине 0,5 м от уровня материка и была ориентирована в широтном направлении. Вокруг ямы зафиксирован глинистый выкид шириной до 0,6 м. Погребение разрушено и разграблено во время прокладки военной траншеи. От костяка остались три маленькие косточки и фрагмент лепного сосуда.

Погребение 15. Расположено в 1,8 м к западу от основного. Совершенно в яме прямоугольной формы 1,2×0,9 м, ориентированной по линии запад — восток. Дно врежется через первичную насыпь в материк на глубину 0,25 м. Следы деревянных конструкций могилы и выкида не замечены. Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку головой на восток, кисти рук перед лицом. В углах у восточной стенки стояли два сосуда баночной формы с грубо обработанной поверхностью (рис. 2, 18, 19).

Погребение 14. Обнаружено в 4 м на юго-запад от основного. Погребальная яма прямоугольной формы 1,9×1,8 м ориентирована длинной стороной по линии север — северо-запад — юг — юго-восток. Ее дно зафиксировано на глубине 0,35 м от уровня материка. Здесь расчищено парное погребение. Оба костяка лежали скорченно на левом боку головами на север. Кисти рук перед лицом. Около черепа скелета больших размеров (мужского?), лежащего с западной стороны, стоял глиняный острореберный горшок, украшенный оттисками трехзубого штампа, сгруппированными в треугольники, обращенные вершинами вниз (рис. 2, 20). На внешней поверхности сосуда следы от гребенчатых расчесов. Под костяками прослежены остатки подстилки из древесной коры.

Погребение 10. Обнаружено в первичной насыпи на глубине 0,75 м от уровня современной поверхности кургана в 2 м к югу

от основного. Плохо сохранившийся скелет человека лежал скорченно на левом боку в аналогичном предыдущем положении. Ориентирован головой на северо-запад. Инвентарь отсутствует. Контуры ямы не прослежены.

Остальные погребения содержали трупосожжения*. Семь из них вытянулись в цепочку по линии юго-запад — северо-восток

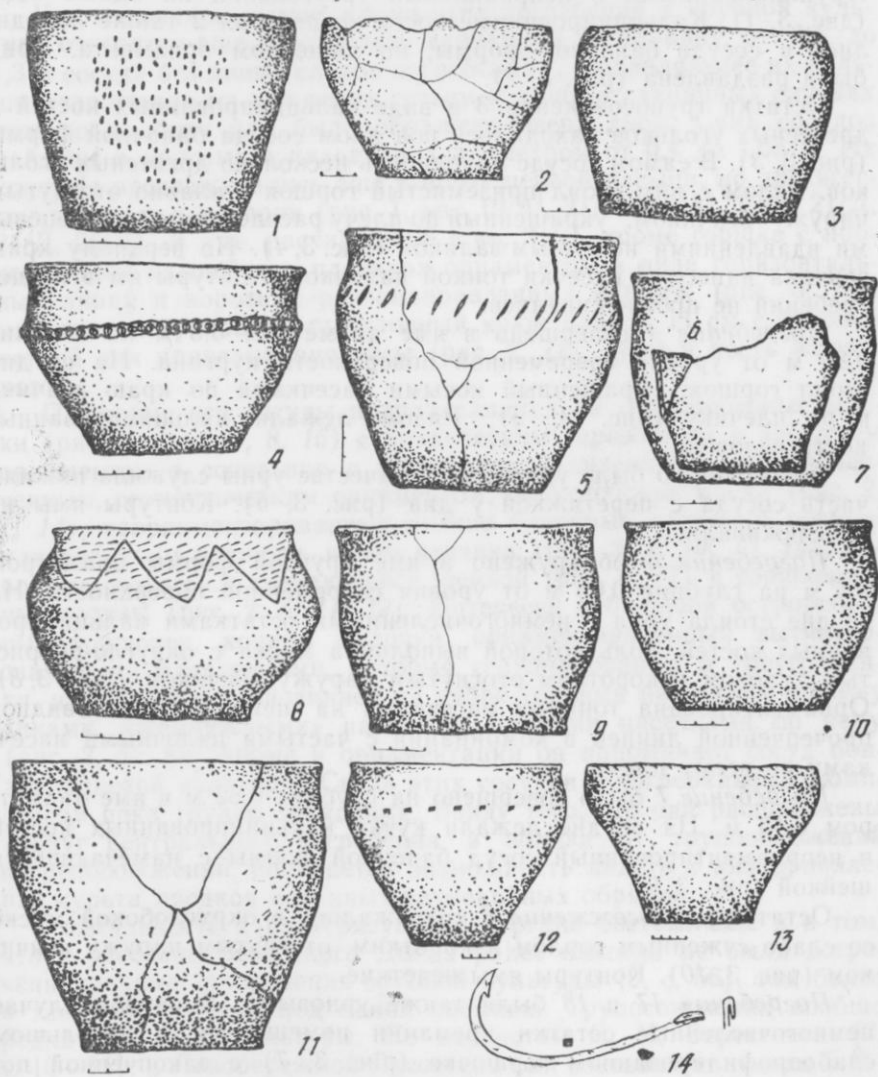

Рис. 3. Сосуды-урны из кургана

в юго-восточном секторе кургана. Еще одно трупосожжение располагалось в том же секторе в 2,5 м от края первой насыпи. Три

* На рисунке они обозначены черными кружками.

потребления, совершенные по обряду трупосожжения, обнаружены в северо-восточном секторе. Все они были впускными и находились на глубине от 0,45 до 1,25 м в первичной насыпи.

Погребение 1. Остатки трупосожжения находились в баночном сосуде, орнаментированном тонкими палочными вдавлениями, сгруппированными в неправильный треугольник на одном боку (рис. 3, 1), Кальцинированные кости *погребения 2* также находились в сосуде баночной формы, но лишенном орнамента. Урна была раздавлена (рис. 3, 2).

Остатки трупосожжения 3 в виде кальцинированных костей и древесных угольков находились под дном сосуда баночной формы (рис. 3, 3). В самом сосуде находилось несколько древесных угольков. Рядом с ним стоял приземистый горшок с плавно отогнутым наружу венчиком, украшенный по плечу расчлененными пальцевыми вдавлениями наlepным валиком (рис. 3, 4). По верхнему краю венчика нанесены насечки тонкой палочкой. Контур^ы ям этих погребений не прослеживались.

Погребение 4 совершено в яме диаметром 0,5 м на глубине 0,85 м от уровня современной поверхности кургана. На ее дне стоял горшок, украшенный косыми насечками по краю венчика и по плечу (рис. 3, 5). Рядом лежали кальцинированные кости человека.

Погребение 5 было урновым. В качестве урны служила нижняя часть сосуда с перетяжкой у дна (рис. 3, 6). Контур^ы ямы не прослеживались.

Погребение 6 обнаружено в яме круглой формы диаметром 0,5 м на глубине 0,65 м от уровня современной поверхности. На ее дне стояла урна с немногочисленными остатками кальцинированных костей, роль которой выполняла миска с округло-ребристым туловом и коротким отогнутым наружу венчиком (рис. 3, 8). Орнаментирована тонкими насечками на шейке и зигзаговидной прочерченной линией в комбинации с частыми палочными насечками по всему плечу.

Погребение 7 было совершено на глубине 0,52 м в яме диаметром 0,45 м. На ее дне лежали кучка кальцинированных костей и неорнаментированный сосуд баночной формы с намечающейся шейкой (рис. 3, 9).

Остатки *трупосожжения 8* содержались в округлобокой миске со слабо суженным горлом и коротким, отогнутым наружу венчиком (рис. 3, 10). Контур^ы ямы нечеткие.

Погребения 17 и 18 были также урновыми. В первом случае немногочисленные остатки кремации помещались в небольшом слабопрофилированном горшочке (рис. 3, 7) с закопченной поверхностью и следами вторичного обжига, а во втором — в баночном сосуде с намечающейся шейкой (рис. 3, 11).

Погребение 19 состояло из остатков кремации, накрытых предварительно разбитым сосудом горшковидной формы (рис. 3, 12). У него широкое устье и сравнительно узкое дно. Венчик уплощен

и слегка отогнут наружу. По тулову, в месте наибольшего расширения, проходит горизонтальный ряд прямоугольных тычковых вдавлений. Этим он очень напоминает сосуды бондарихинской культуры. В 0,3 м на юго-запад от него лежали обломки сосуда в виде глубокой конической миски с косыми насечками по краю бортика (рис. 3, 13).

Как отмечалось выше, кроме этих погребений к срубной культуре относятся еще 23 отдельно вкопанных на глубину от 0,7 до 1,3 м сосуда без явных следов погребений *. Подавляющее их большинство стояло на дне вверх устьем и лишь в единичных случаях лежало на боку или было обращено вверх дном. Семь сосудов найдены в круглых в плане ямах диаметром от 0,4 до 1,05 м. Их контуры прослеживались еще в почве первой насыпи, но дно всегда врезалось в материк (рис. 1, кв.: 19/А¹, 21/А¹, 22/А¹, 19/В, 21/Д, 24/Д, 26/Д). В яме, расчищенной в кв. 21/Д, кроме горшка с прочерченным на шейке и плечиках орнаментом в виде горизонтальных линий и коротких разнонаправленных нарезок (рис. 3, 14), находились бронзовый рыболовный крюк длиной 11 см с боковой петлей для привязывания лесы (рис. 2, 12), зубы и кость животного.

По форме эти сосуды подразделяются на остросереберные миски (рис. 2, 1—4, 6, 8, 16) с архаическим веревочным и зубчатым орнаментом в сочетании с палочными вдавлениями или прочерченным, геометрическим орнаментом, округлобокие миски (рис. 2, 7, 14), неорнаментированные низкие баночные сосуды с ровным или загнутым вовнутрь краем венчика (рис. 2, 9, 10, 13, 15), баночные сосуды с намечающейся шейкой (рис. 2, 17) и горшковидные сосуды (рис. 2, 5, 11, 12). Интересен небольшой остросереберный горшочек, концом палочки орнаментированный вытянуто-овальными вдавлениями, которые сгруппированы в треугольники, и двойной резной линией на ребре тонкими насечками по нему ликами, «жемчужными» наколами, тонкими насечками по нему (рис. 2, 5). По форме и орнаментации он напоминает сосуд бондарихинской культуры. Связь этих сосудов с погребальным комплексом пока трудно объяснить. Ввиду того, что они расположены вокруг центрального погребения и вблизи от труположений и трупосожжений, появляется возможность видеть в них проявление культа предков или иных заупокойных обрядов.

Уникальность характеризуемого кургана состоит еще и в том, что в бассейне Северского Донца ранее никогда не были встречены урновые захоронения срубной культуры [9, с. 56], тем более в таком количестве под одной насыпью. Трупосожжения вообще редки для этой культуры. По подсчетам С. И. Берестнева [2, с. 10—11], в Левобережной Лесостепи они составляют только 5 %. Полная сводка и интерпретация трупосожжений срубной культуры дана в работах И. Н. Шарафутдиновой [7], В. В. Отрощенко [8, с. 172—190], С. С. Волкобая [4, с. 98—103]. Остатки кремации,

* На рисунке они обозначены светлыми кружками.

произведенной на стороне, преимущественно ссыпались в центр прямоугольной ямы обычных размеров и рядом ставился сосуд. Реже отмечены трупосожжения на месте. Лишь в кургане I в группе «Рясные могилы» у с. Балки Васильевского района Запорожской области [8, с. 179], в погребениях 18 и 19 грунтового могильника у хутора Компанийцы Кобелякского района Полтавской области [7, с. 76] и впускном погребении с основным раннесрубным погребением у с. Котовского Зачепиловского района Харьковской области* содержались трупосожжения в урнах. К сухогомольшанскому погребению 19 близки два погребения в кургане 4 у с. Николаевка близ г. Изюма [5, с. 201, 226—227, 230, 274—275, 304—305]. Нетрудно заметить, что все они расположены на днепровском Левобережье. С учетом кургана у с. Сухая Гомольша следует признать также, что большинство из них тяготеет к лесостепным районам.

Новые находки подтверждают выводы ряда исследователей, что обряд трупосожжения был воспринят носителями срубной культуры от племен федоровской группы памятников андроновской культуры, но после миграции срубников на юг Восточной Европы на его дальнейшем развитии сказались новая географическая среда и иное культурное окружение. Особенно это проявилось на позднесрубном этапе. Основанием для такого утверждения служит и датировка сухогомольшанских подкурганых погребений. К раннему, архаическому этапу срубной культуры, который датируется XV—XIV вв. до н. э., относятся основное погребение 16, трупоположение 14, трупосожжение 6 в округло-ребристой миске, все остросреберные миски без следов погребений. Остальные трупосожжения и некоторые одиночные сосуды можно датировать временем старшей ступени позднесрубного периода, хронологические рамки которой определяются XIV—XIII вв. до н. э. [9, с. 76]. Об этом говорят формы сосудов-урн, где преобладают неорнаментированные банки, в том числе с перетяжкой у дна и без гребенчатых расчесов, сосуд с расчлененным наlepным валиком, горшковидные формы сосудов поздних типов с тычковыми вдавлениями и бронзовый рыболовный крюк, аналогичный экземплярам из Лобойковского клада [9, рис. 9, 10, 21].

Сходные изменения в типологии керамики и ее орнаментации зафиксированы нами при раскопках поселения срубной культуры в урочище Гомольшанские дачи, расположенном в 300 м от описанного кургана в пойме реки Сухая Гомольша. Здесь выделяются два горизонта культурного слоя: раннесрубный, с остросреберными, кубковидными и баночными сосудами, и позднесрубный, с баночными и горшковидными сосудами, украшенными наlepными валиками «жемчужными» наколами, каплевидными вдавлениями и другими видами орнамента. В верхних слоях поселения найдены также обломки двуручной вазы, костяной конек, тальковая матрица для отливки шильев и немногочисленные фрагменты

* Материалы не опубликованы. Личная информация С. И. Берестнева.

керамики раннебондарихинской культуры, появление которой на Северском Донце датируется XII в. до н. э. [3, с. 18]. «Жемчужины» и ямочный орнамент на позднесрубной керамике зафиксированы на всех лесостепных поселениях [2, с. 16; 6, с. 94], что является свидетельством тесных контактов позднесрубного населения с северными культурами Лесостепи и Полесья. Влиянием, идущим со стороны восточнотшинецкой культуры, объясняет В. В. Отрощенко и появление бескурганного могильника с трупосожжениями у хутора Компанийцы на Полтавщине [8, с. 184].

Отмеченные особенности позднесрубной керамики позволяют рассматривать появление урновых трупосожжений как результат тесных этнокультурных контактов, установившихся между племенами срубной и восточнотшинецкой культур. Таким образом, к локальным особенностям срубной культуры лесостепного Левобережья Украины следует добавить и трупосожжения в урнах.

Список литературы: 1. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. К., 1982. 2. *Берестнев С. И.* Срубная культура лесостепного Левобережья Украины: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 3. *Буйнов Ю. В.* Бондарихинская культура: Дис. ... канд. ист. наук. К., 1981. 4. *Волкобой С. С.* Срубные погребения с трупосожжением в Орельско-Самарском междуречье//Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1979. Вып. 3. 5. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, 1901 г.//Труды XII Археологического съезда. М., 1905. Т. 1. 6. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы//Материалы и исследования по археологии СССР. 1955. № 46. 7. *Махно С. В., Шарафутдинова И. М.* Могильник эпохи бронзы поблизу хутора Компанийці на Дніпрі//Археологія. 1972. № 6. 8. *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжениями у срубных племен Нижнего Поднепровья//Энеолит и бронзовый век Украины. К., 1976. 9. *Чередниченко Н. Н.* Срубная культура//Культура эпохи бронзы на территории Украины. К., 1986.

Поступила в редколлегию 20.10.87

А. В. КРЫГАНОВ

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ КОЧЕВНИЧЕСКИЕ УДИЛА VII—X ВВ.

Конское снаряжение — неотъемлемая составная часть материальной культуры раннесредневековых восточноевропейских кочевников. Отдельные его элементы (седла, стремена) не раз становились объектом специальных исследований [1; 2], но одна из наиболее важных принадлежностей сбруи — удила — оказались практически обойденной вниманием ученых, если не считать краткие экскурсы, содержащиеся в работах обобщающего характера по отдельным кочевническим культурам восточноевропейского региона [7, с. 166—167; 9, с. 14]. Между тем к настоящему времени накоплен значительный по объему материал, позволяющий проследить эволюцию удила, выявить специфику территориального распределения отдельных их разновидностей, попытаться определить характер конного стада отдельных групп восточноевропейских nomadov. Именно эти задачи ставит перед собой автор статьи, источ-

никовой базой для написания которой послужили сведения о более чем трех с половиной сотнях удил из кочевнических памятников VII—X вв. степной и частично лесостепной части юга Восточной Европы от Поднепровья до Урала.

В основу типологии рассматриваемой категории конского снаряжения положен учет различий в способах сочленения псалиев со звеньями грызл [3, с. 80], что отражает наиболее существенное

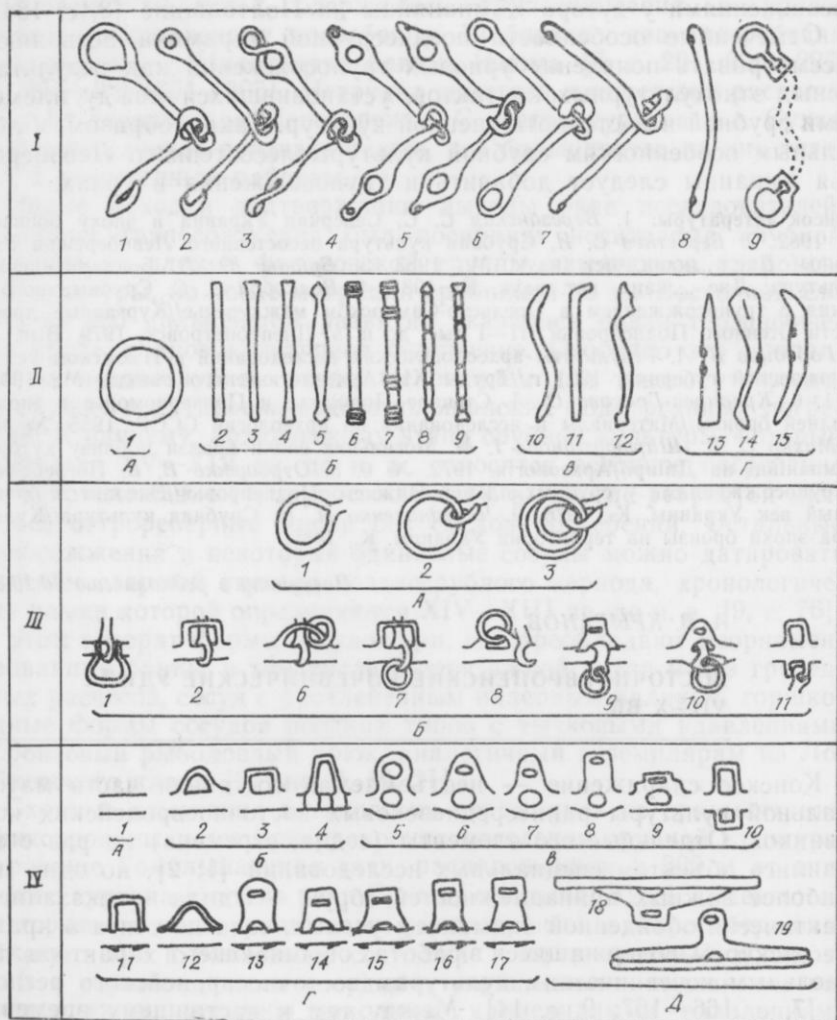

Рис. 1. Классификация отдельных элементов удил

в конструкции уздечки в целом, а именно, манеру прикрепления к удилам ремennого поводного ремня и оголовья. Для этого вна-

чале была осуществлена классификация отдельных элементов удила (рис. 1): грызл (I), псалиев (II) и петель (IV), а также способов соединения псалиев с грызлами (III). Все восточноевропейские кочевнические удила подразделены на два типа: так называемые кольчатые, у которых функция псалия и поводного кольца слилась воедино, и на удила со стержневыми псалиями. Первые применялись в основном для управления спокойных, хорошо обученных лошадей; вторые — для горячих, пылких скакунов [5, с. 12].

Тип 1. Кольчатые удила. Подтип 1А. Двусоставные, с неподвижными кольцами на концах грызл (рис. 2, 1). Способ крепления к ним повода и уздечных ремней показан на рис. 3, 1. При определении повода и уздечных ремней показан на рис. 3, 1. При определении данного подтипа удила следует проявлять некоторую осторожность, так как не исключено, что у некоторых экземпляров утеряны подвижные кольца или двудырчатые костяные псалии [3, с. 80]. Описываемая форма, появившаяся еще в конце бронзового — раннем железном веке [4, рис. 20, б, 62, 4], доживает до раннего средневековья, в течение которого изредка встречается практически у всех евразийских кочевников [9, рис. 3, 43, 19, 14; 20, 14; 27, 60, 61; 28, 46, 77; 33, 13]. На юге Восточной Европы удила подтипа 1А обнаружены в основном в памятниках VII — первой половины VIII вв., а также в древностях конца VIII—X вв. Среднего Поволжья и Южного Урала. Это редчайшая находка для Подонья.

Подтип 1Б. Удила с одним, реже двумя подвижными кольцами на каждом конце грызл (рис. 2, 2). Ремни уздечки крепились к подвижным кольцам, а повод мог закрепляться как на них же (рис. 3, 2), так и на кольцевидных окончаниях грызл. Эта наиболее стабильна форма удила появилась в раннем железном веке и дожила до современности [5, с. 16]. В раннем средневековье такие удила широко использовались практически всеми кочевниками Евразии [9, рис. 19, 99, 100; 20, 43; 24, 8; 26, 19; 27, 66; 32, 8, 28; 35, 13; 10, III, Taf. 205, 4; 343, 3, 4]. На юге Восточной Европы концентрация удила подтипа 1Б наблюдается прежде всего там, где происходило слияние степного кочевого и лесостепного оседлого населения — в Поволжье и особенно на Южном Урале; в Подонье они представлены только двумя экземплярами. Удила с двумя кольцами (изредка вместо малого кольца — треугольная или прямоугольная рамка) на каждом звене грызл найдены большей частью в комплексах, датируемых не позднее IX в., что подтверждает замечание А. Н. Кирпичникова об архаизме таких удила уже для X в. [5, с. 17].

Тип 2. Удила со стержневыми псалиями. Подтип 2А. С костяными двудырчатыми псалиями (рис. 2, 6). Уздечные ремни у таких удила продевались в отверстия псалиев, а повод закреплялся на кольцевидном увенчании грызла (рис. 3, 3). Следует иметь в виду, что узкие (до 5 мм) отверстия в костяных псалиях служили для установки в них прямоугольной металлической рамки-петли [9, рис. 19, 69], и такие удила относятся уже к подтипу 2Б.

Удила с двудырчатыми псалиями — архаическая форма, бытовавшая еще в позднем бронзовом и раннем железном веках [4, рис. 95, 5; 120, 3]. В эпоху раннего средневековья она практически выходит из употребления и встречается в кочевнических древностях довольно редко [3, табл. VII, I; X, 9; 10, III, taf. 208].

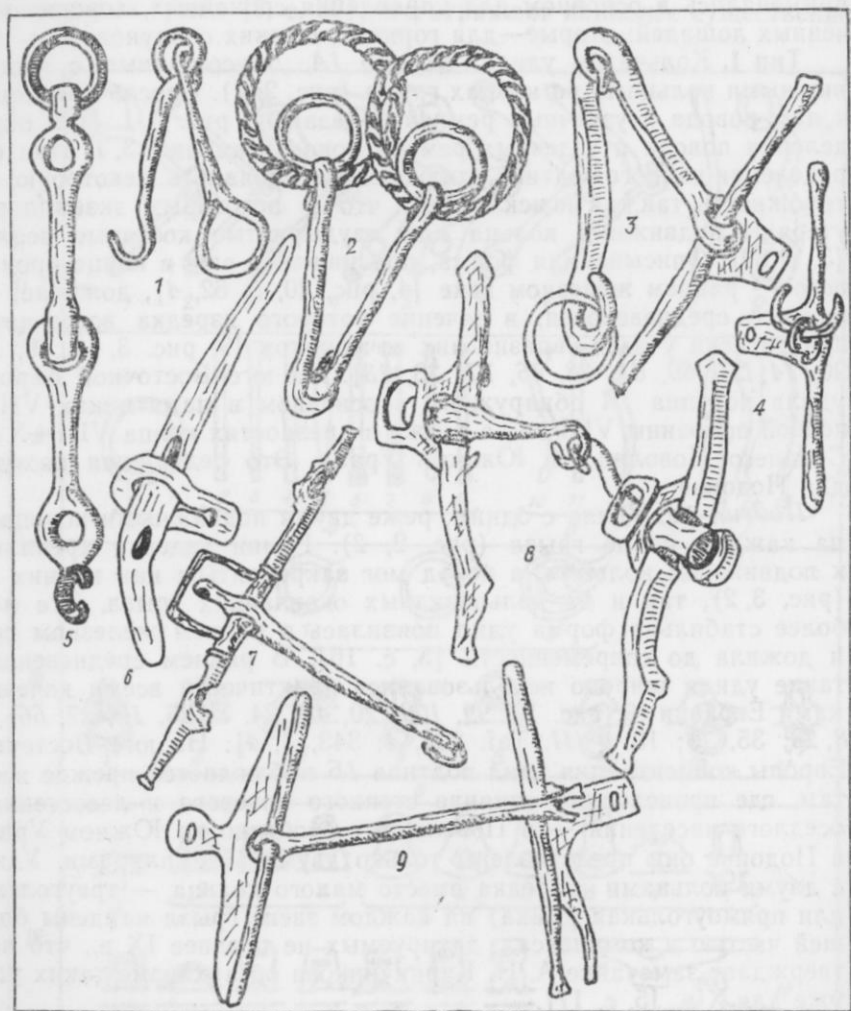

Рис. 2. Удила:

1 — Маяки; 2 — Ясиново; 3 — Больше-Тарханский могильник; 4 — Красногорский могильник; 5 — Верхнесалтовский могильник; 6 — Новобиккинский курган; 7 — Вознесенки; 8 — Сухогомольшанский могильник; 9 — Танкеевский могильник

Подтип 2Б. Удила, стержневые псалии которых снабжены петлями для крепления ремней оголовья. Различные способы соеди-

нения уздечки и поводка с такими удилами показаны на рис. 3, 4, 5. Подобные удила, впервые появившись в аварских и синхронных им восточноевропейских памятниках (VII в.), в дальнейшем получили широкое распространение у многих племен и народов

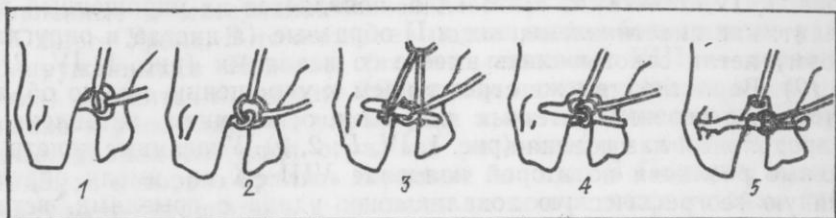

Рис. 3. Способы крепления уздечных и поводных ремней к удилам различных типов

Евразии, просуществовав в Европе до XI в. [5, с. 14—15]. Для восточноевропейских кочевников VIII—X вв. это был наиболее популярный тип удил.

На протяжении указанного времени имели место попытки несколько усовершенствовать и одновременно упростить конструкцию удил подтипа 2Б, причем появление новых форм, как правило, не приводило к полному вытеснению существовавших ранее. Менялись прежде всего увенчания грызл, к которым привязывались поводья, и петли, к которым крепились ремни оголовья. Отчетливо фиксируется хронологическая грань между двумя вариантами удил, каждое звено грызл которых имеет по два отверстия: до середины VIII в. эти отверстия отковывались в одной плоскости (рис. 1, 1, 4; 2, 7), позднее — почти исключительно во взаимно перпендикулярных плоскостях (рис. 1, 1, 5; 2, 1, 8). В специальной литературе уже отмечена связь в Восточной и Центральной Европе «удил с восьмеркообразными окончаниями» (не совсем удачный термин) с существованием геральдических пряжек VII—VIII вв. [9, с. 14]. Для древнерусских же удил расположение отверстий грызл в одной плоскости характерно для X—XI вв. [5, с. 14]. В IX в. у восточноевропейских кочевников появляются удила с грызлами упрощенной конструкции: последние сочленены со псалиями не шарнирным соединением (рис. 1, III, 4—8; 2, 3, 7—9), а вставлены в отверстия петель (рис. 1, III, 9; 2, 4). Еще большим упрощением было появление грызл с одним отверстием для псалия и кольца либо закрепление кольца непосредственно на петле (рис. 1, III, 5—7). Наконец, в самой простой конструкции удил кольца вообще не были предусмотрены, и повод вместе с оголовьем крепился к уздечной петле или к специальной поводной, откованной вместе со псалием (рис. 1, III, 4, 10).

Петли на самых ранних удилах подтипа 2Б имеют П-образную форму и либо нанизаны на псалии (рис. 1, IV, 4), либо вставлены в них (рис. 1, IV, 11, 12). Удила с первым способом крепления петель известны только в комплексах второй половины VII — пер-

вой половины VIII вв., со вторым — бытовали до первой половины X в. Со второй половины VIII в. широкое распространение получают удила с пластинчатыми, так называемыми двудырчатыми петлями, закрепляемыми на псалиях с помощью двух штырей (рис. 1, IV, 13—17; 2, 8). В IX в. появляется их упрощенный вариант: как пластинчатые, так и П-образные (а иногда и округлых форм) петли отковывались вместе со псалиями (рис. 1, IV, 2, 3, 5, 10). Вероятно, тем же стремлением к упрощению можно объяснить изготовление петель с широким основанием, вставленным в продольный паз псалия (рис. 1, IV, D; 2, 9). Указанные конструктивные различия во второй половине VIII—X вв. имели определенную географическую локализацию: удила с грызлами, вставленными в отверстия петель, обнаружены только в Подонье, а псалии с однодырчатыми петлями найдены в основном в Поволжье и на Южном Урале.

Псалии рассматриваемых нами удил по форме подразделяются на три типа.

Тип 1. Прямые (рис. 1, II, Б; 2, 4, 7, 9). Удила с такими псалиями в раннесредневековое время впервые появляются в Европе в конце VII — начале VIII вв. [9, рис. 4а, 26], а в последующем эта форма у восточноевропейских степняков становится господствующей. В специальной литературе удила с прямыми псалиями получили название «номадских». В Подонье все прямые псалии округлые в сечении, а в Поволжье и на Южном Урале есть и плоские.

Тип 2. Г-образные псалии (рис. 1, II, 11). Удила с подобными псалиями были очень характерны для кочевников V—VII вв. [9, рис. 3, 2, 3, 29; 10, III, Fig. 189, 19]; в последующее время их находки единичны.

Тип 3. S-видные псалии (рис. 1, II, 10, 12). Удила с такими псалиями были распространены среди многих племен и народов Евразии [5, с. 13]. Для салтово-маяцкой культуры удила с S-видными псалиями С. А. Плетнева датировала ранним (вторая половина VIII — первая половина IX вв.) временем [9, рис. 36, 12]. В целом этот вывод справедлив, однако такие удила известны и в комплексах IX — первой половины X вв. (Сухогомольшанский и Красногорский могильники). Выделяются S-видные псалии, концы которых имеют стилизованное зооморфное (в виде конских головок) оформление (рис. 2, 8). Удила с подобными псалиями, изредка встречаясь в различных памятниках салтово-маяцкой культуры, являются одним из наиболее характерных элементов погребального инвентаря могильников с обрядом трупосожжения.

У определенной части удил (рис. 2, 1) отсутствуют псалии, что не может быть объяснено их утратой или поломкой, поскольку значительная часть этих удил найдена в богатых закрытых комплексах, в основном датируемых, между прочим, компактным промежуток времени — второй половиной VII — серединой VIII вв. Видимо, в этот период псалии иногда изготавливались из плохо сохраняющихся органических материалов (дерево?).

Имеется целая группа так называемых комбинированных удили с разными типами составных частей (рис. 2, 3). Отсутствие среди них каких-то устойчивых серий подтверждает вывод о том, что в данном случае имела место починка изделий [6, с. 9].

Наибольшим многообразием форм отличаются удила, представленные в материалах кочевнических памятников Поволжья и Южного Урала. В то же время подавляющее большинство удили, обнаруженных в Подонье (вторая половина VIII — середина X вв.) относится к подтипу 2Б, причем их конструкция очень стабильна и рассчитана на управление пылкими животными. Скорее всего, данная ситуация отражает различия в составе конного стада, из которого брались верховые лошади. В Подонье, видимо, скакуны отлавливались в основном из почти диких кочевых табунов; даже после обездзки эти непривыкшие к неволе животные требовали жесткости в управлении. В Поволжье и на Южном Урале, как уже отмечалось, имел место симбиоз пришлого кочевого и местного оседлого населения, у которого кони начинают приручаться очень рано и отличаются спокойным нравом. Для езды на них могли применяться и менее строгие удила.

Итак, восточноевропейские степняки VII—X вв. использовали те же типы удили, которые применялись всеми раннесредневековыми кочевниками Евразии. Развитие данного элемента узды на протяжении рассматриваемого отрезка времени определялось двумя основными факторами: стремлением к усовершенствованию конструкции и одновременно к ее упрощению. При этом появление нововведений не приводило, как правило, к вытеснению ранее бытовавших форм.

В конце VIII—X вв. в Подонье безраздельно господствовали удила со стержневыми псалиями, что свидетельствует об использовании в качестве верховых животных горячих степных коней; в Поволжье и на Южном Урале в это же время широко применялись и кольчатые удила, рассчитанные на управление спокойными лошадьми, выращенными в условиях оседлого быта.

Список литературы: 1. Айбабин А. И. Стремена Перещепинского типа//Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1974. Вып. XXXIX. 2. Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель//Сов. археология. 1973. № 4. 3. Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., 1965. 4. Граков Б. Н. Ранний железный век. М., 1977. 5. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв. Л., 1973. 6. Михеев В. К. Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья в VIII—X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1968. 7. Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях//Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 62. 9. *Stenii* Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. 10. *Hampel J.* Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905. Bd. 2.

Поступила в редколлегию 31.10.87

Григорий Натанович Лозовик принадлежит к тому поколению передовых советских историков, творческая деятельность которых трагически оборвалась в результате необоснованных репрессий середины 30-х годов, что неизбежно повлекло отрицание их какого-либо положительного вклада в развитие советской исторической науки, а следовательно, и к деформации самой науки. Поэтому восстановление подлинного значения этих ученых в советской историографии является не только мемориальным долгом современных исследователей, но и важным условием создания подлинно научной исторической науки в нашей стране.

Г. Н. Лозовик родился 22 августа 1885 г. в местечке Брусилове Киевской губернии в семье учителя. Окончив в 1898 г. начальное училище, он в течение 1900—1904 гг. сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости при 1-й Киевской гимназии. В этом же году поступил и в 1910 г. закончил юридический факультет Киевского университета. Некоторое время работал помощником адвоката. Однако молодого юриста больше влекла педагогическая деятельность, которой он занимался еще в студенческие годы, подрабатывая частными уроками и учительствуя в сельских школах в окрестностях г. Киева [24, оп. 7, д. 690, л. 204]. В 1912 г. Г. Н. Лозовик вновь поступил в Киевский университет, но на этот раз на историко-филологический факультет. Именно здесь, в семинарах известных ученых-античников Ю. Кулаковского и А. Сонни, будущий историк овладел методикой исторического исследования. В годы войны он был вынужден прервать университетский курс и заняться учительской работой в гимназии, а после Октябрьской революции — в вечерних школах рабочей молодежи. Лишь в 1921 г. ему удалось сдать выпускные экзамены по классическому отделению историко-филологического факультета [24, оп. 7, д. 690, л. 205—206].

К этому времени Г. Н. Лозовик уже приобрел известность как автор популярных брошюр, в которых выступал сторонником и пропагандистом социал-демократических идей, однако не большевистского, а меньшевистского толка. Признавая неизбежность смены капитализма социалистическим обществом, он тем не менее отстаивал меньшевистскую идею о преждевременности социалистической революции в России, мотивируя это неразвитостью производительных сил и крупной промышленности [13, с. 30]. В другой брошюре Г. Н. Лозовик ратовал за установление в условиях войны и революции буржуазно-парламентарных начал в городском самоуправлении [7]. Впрочем, организационно ни к одной из политических партий он не принадлежал [24, оп. 7, д. 690, л. 204].

С победой советской власти на Украине Г. Н. Лозовик стал активно трудиться на ниве советского просвещения: он преподавал в школах и техникумах, становится одним из организаторов фаб-

рично-заводского училища водников, в должности начальника которого работает в течение 1922—1925 гг. [Там же], а с начала 20-х гг. начинает преподавать обществоведение в различных вузах г. Киева. К началу 30-х гг. он занимает должность профессора факультета профобразования Киевского института народного образования [24, оп. 10, д. 555, л. 11], а в 1933 г. привлекается к чтению лекций в восстанавливаемом Киевском университете [23, ф. X, д. 1692, л. 1].

Одновременно Г. Н. Лозовик активно занимался популяризацией обществоведческих знаний, опубликовав ряд книг по истории развития общественных форм, общины, городов и техники [см. 3; 8—11; 15; 18]. Научно-популярный характер этих трудов не помешал научной общественности заметить способности их автора к исследовательской работе в области истории. Он привлекается в качестве внештатного сотрудника в ряд научных комиссий при историко-филологическом отделении АН УССР [21, с. 34; 24, оп. 10, д. 1404, л. 23], а с 1925 г. — в секцию античной культуры Харьковской научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры. Правда, вследствие перегруженности педагогической работой и подготовкой исследований в византиноведческой комиссии АН УССР, научная тематика на кафедре для него не планировалась [24, оп. 8, д. 437, л. 11]. Во второй половине 20-х гг. определились интересы Г. Н. Лозовика к исследованию истории византиноведения и средневековой истории вообще [13—15; 18]. Его работы печатались в республиканских марксистских изданиях. В 1929 г. он принял участие в первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Одним словом, в советскую историческую науку вошел высокопрофессиональный историк с двойным университетским образованием, владеющий древними и новыми иностранными языками, который уже в ранних работах проявил знакомство с марксистской литературой и стремление к объяснению исторических явлений с позиций материалистического понимания истории.

Не случайно уже в начале 20-х гг. Г. Н. Лозовик привлекался Киевским губкомом комсомола к руководству кружками по изучению марксистско-ленинской теории и активно сотрудничал в теоретическом журнале Киевского губкома КП(б)У «Коммунистическая мысль» [2; 24, оп. 7, д. 690, л. 206]. Систематические занятия марксистско-ленинской теорией и практическая работа в советских научных, учебных и общественных организациях содействовали преодолению меньшевистских увлечений юности и формированию его как историка-марксиста. Однако, справедливости ради, следует сказать, что в первых брошюрах и книгах [10, 18] Г. Н. Лозовик отдал дань широко распространенным в те времена стремлениям к построению всемирно-исторических абстрактно-социологических схем общественного развития. Но вскоре он пришел к пониманию полной бесплодности подобного рода отвлеченного социологизирования, которое не имело ничего общего с марксистско-ленинской методологией, выдвигающей необходимость конкретно-историче-

ского подхода к анализу общественных явлений как одного из важнейших условий получения подлинно научных результатов.

В 1927 г. Г. Н. Лозовик издал работу «Історія класової боротьби з найстаріших часів» [11], задачу которой видел в конкретно-историческом изложении классовых отношений и классовой борьбы в древнем мире, средних веках и новом времени. Казалось бы, налицо возврат к традиционной условно-хронологической периодизации всеобщей истории. В действительности же ученый вложил в эти понятия новый смысл. Опираясь на марксистское учение о социально-экономических формациях, Г. Н. Лозовик рассматривает древний мир как период рабовладельческой формации, средние века — как эпоху господства феодального строя, а новое время связывает с утверждением капитализма, т. е. здесь в основных чертах вырисовывается та концепция всемирной истории, которая утвердилась в советской исторической науке лишь к концу 30-х гг. Причем в книге Г. Н. Лозовика нет противопоставления феодализма и крепостничества, нет ни торгово-капиталистической, ни азиатской формации, а Киевская Русь рассматривается как феодальное общество [9, с. 180—184]. И все это за несколько лет до дискуссий конца 20-х — начала 30-х гг. о социально-экономических формациях!

Конечно, с точки зрения современной исторической науки в книге можно обнаружить немало погрешностей, но для своего времени она явилась, пожалуй, наиболее последовательным марксистским изложением всеобщей истории. Таким образом, был сделан важный шаг на пути разработки современной концепции всеобщей истории. Именно это обстоятельство и послужило основанием для Государственного методологического комитета наркомпроса УССР утвердить данную книгу Г. Н. Лозовика в качестве учебного пособия для советско-партийных школ и коммунистических вузов.

Особую группу в научном наследии Г. Н. Лозовика составляют критико-библиографические и историографические работы, в которых он показал несостоятельность идеалистического подхода Д. Робертсона и А. Дрекса к освещению вопросов истории религии [2, № 6/7, с. 98; № 12, с. 112]; вскрыл классовую тенденциозность В. М. Рамзея в оценке арабо-византийских отношений X столетия [17, с. 243]; подчеркнул неспособность Д. Бери и Э. Штана, несмотря на высокий профессиональный уровень исследовательской техники, уловить качественно-формационное отличие феодальной Византии от рабовладельческой Римской империи [2, с. 246; 20, с. 187]. Вместе с тем в рецензиях на некоторые работы советских авторов Г. Н. Лозовик предостерег от попыток объяснить отдельные идеологические и культурно-исторические явления прямым воздействием экономики [2, № 9/10, с. 121, 204], осудил склонность авторов опубликованных в 20-е гг. учебных пособий к отвлеченному социологизму, квалифицируя подобное как «вулгаризацию основных положений марксизма» [2, № 8, с. 100]. В одной из статей 1929 г. Г. Н. Лозовик высказывался против попыток Н. Я. Марра перенести закономерности развития эконо-

номического базиса на эволюцию языковых явлений. Он называл формулу «яфитодология — это марксизм в лингвистике» теоретически необоснованной [6, с. 175]. Немаловажное значение в процессе борьбы за утверждение марксистской методологии в советской медиевистике имела также рецензия на книгу А. Неусыхина о древних германцах, в которой Г. Н. Лозовик предупредил об опасности для становления марксистского понимания проблем феодализма недостаточно критического отношения к идеям М. Вебера [16].

Важное место среди историографических работ Г. Н. Лозовика занимает статья по истории русского византиноведения [13]. Эта работа получила высокую оценку как первая попытка переосмысления с позиций марксистской методологии наследия русской буржуазной византинологии [21, с. 39—40; 22, с. 10—11]. С византиноведческими интересами Г. Н. Лозовика, очевидно, связана и его книга о крестовых походах [19]. Можно согласиться с О. Л. Вайнштейном, который оценил ее как первую попытку осветить с марксистских позиций общую историю всего крестоносного движения на Востоке [1, с. 135].

Работа о крестовых походах явилась как бы переходной от византиноведческих исследований к ближневосточной проблематике, над которой работал Г. Н. Лозовик в первой половине 30-х гг. как сотрудник комиссии по Ближнему Востоку АН УССР [23, д. 1534, л. 1; д. 1865, л. 9; д. 2798, л. 14]. Последней из его публикаций явилась историографическая статья о М. Н. Покровском. Эта статья остается до сих пор наиболее полным марксистским обзором взглядов главы советских историков 20-х гг. на проблемы Востока [14].

Разумеется, к настоящему времени исторические труды Г. Н. Лозовика 20-х — начала 30-х гг. в основном утратили научное значение. Однако его исследования явились важным вкладом в борьбу за утверждение марксистско-ленинского понимания многих проблем истории. По ряду вопросов он сказал первое слово в советской исторической науке и положил начало научной разработке в советской медиевистике истории византиноведения и крестовых походов. Без изучения научного наследия Г. Н. Лозовика вряд ли можно всесторонне и полно осветить процесс становления на Украине советской историографии всеобщей истории.

Список литературы: 1. Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. Л., 1968. 2. Коммунистическая мысль. 1923. г. 3. Лозовик Г. Н. Від молотка до машини. Х., 1924. 4. Лозовик Г. Н. Десять лет русской византинологии. 1917—1927//Историк-марксист. 1928. № 7. 5. Его же. Джон Бері, як історик Візантії//Прапор марксизму. 1929. № 6. 6. Его же. До підсумків 1-ї Всесоюзної конференції істориків-марксистів//Там же. № 1. 7. Его же. Задачи наших городов во время войны и революции. К., 1917. 8. Его же. Історія громади. К., 1926. 9. Его же. Історія класової боротьби з найстаріших часів. К., 1927. 10. Его же. Історія общества. К., 1923—1924. 11. Его же. Как возникли города. М., 1927. 12. Его же. Крестовые походы как программа универсальной папской теократии. М.; Л.; 1931. 13. Его же. К чему стремятся социал-демократы. К., 1917. 14. Его же. М. М. Покровский на полі сходознавства//Україна. 1932. № 1/2. 15. На світанку капіталізму. К., 1926. 16. Его же. Рец. на кн.: Неусыхин А. Обществ-

венный строй древних германцев. М., 1926//Прапор марксизму. 1930. № 1. 17. *Его же*. Нове дослідження арабо-візантійських взаємин VII—X вв.//Східний світ. 1930. № 2. 18. *Его же*. Общество на заре промышленного капитализма. М.; Л., 1928. 19. *Его же*. Федор Иванович Успенский//Историк-марксист. 1928. № 9. 20. *Его же*. Рец. на кн.: Stein E. Geschichte des strättrömischen Reiches. J. Band. Wien, 1928//Историк-марксист. 1929. № 14. 21. *Митряев А. И.* Дослідження в наукових уставах УРСР 20-х років середньовічної історії зарубіжних слов'ян і Візантії//Вісн. Харків. держ. ун-ту. 1975. № 118. 22. *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. 23. *Отдел рукописей ЦНБ АН УССР*. Фонд X. 24. *ЦГАОР УССР*. Фонд 166.

Поступила в редколлегию 20.10.87

Е. Г. СИНКЕВИЧ

**ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ — КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ПЕРЕУСТРОЙСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ
НЭПА (К изучению научного наследия П. И. Лященко 20-х гг.)**

Возрождение на современном этапе интереса к различным направлениям в организации сельскохозяйственного производства позволяет по-новому осмыслить тот богатый интеллектуальный потенциал, который накоплен учеными аграрниками 20-х гг. Несомненный интерес для нас представляет подход к решению проблемы социалистического переустройства сельского хозяйства, предложенный крупным русским и советским ученым-аграрником, историком народного хозяйства СССР П. И. Лященко. В 20-е гг. его работы публиковались в наиболее авторитетных изданиях экономического профиля — «На аграрном фронте», «Агроном», «Экономическое обозрение», «Плановое хозяйство», «Совхоз» и др., на страницах которых выступали видные ученые, теоретики и практики, партийные работники: Н. И. Бухарин, Н. Д. Кондратьев, Г. М. Кржижановский, В. В. Кулишер, В. П. Милютин, С. Г. Струмилин, А. В. Чайнов, А. И. Челинцев и многие другие. Не опубликованная часть научного наследия П. И. Лященко хранится в архиве ученого [11, ф. 205, оп. 1, д. 1, 4].

Пристальное внимание П. И. Лященко привлекала проблема индустриализации сельского хозяйства. В ее осуществлении он видел одно из главных направлений преобразования села как в социально-экономическом, так и в организационном плане. В статье 1926 г. исследователь отмечал, что понятие «индустриализация сельского хозяйства» многими учеными трактуется чрезвычайно широко, и в итоге сложная экономическая проблема индустриализации сельского хозяйства приравнивается, по сути, к технической проблеме механизации. «Такая неопределенность понятия об индустриализации сельского хозяйства приводит к тому, что, собственно говоря, сколько-нибудь намеченных и разработанных планов в этой области совершенно не имеется» [4, с. 15].

П. И. Лященко отмечал, что под программой индустриализации сельского хозяйства подразумевается или часть общей проблемы индустриализации всего народного хозяйства; или проблема механизации сельского хозяйства, т. е. максимальное оборудо-

вание сельскохозяйственного производства механическими средствами производства; или, наконец, создание таких более или менее сложных хозяйственно-технических комплексов, в которых производство сельскохозяйственного сырья органически связано с его переработкой [3, с. 94; 4, с. 16]. Сам П. И. Лященко придерживался последней трактовки, более полно, по его мнению, отвечающей задачам переустройства села. Уточним, что индустриализацию сельского хозяйства он, вслед за Н. Д. Кондратьевым [10, с. 119], понимал как составную часть индустриализации всего народного хозяйства «Индустриализация сельского хозяйства не может представлять собой самодовлеющую задачу, не зависимо от общего направления индустриального развития», — писал ученый [7, с. 21]. Организационной народнохозяйственной задачей должно было явиться установление прочной и точной производственной увязки индустрии с сельскохозяйственным спросом и правильное удовлетворение его.

Другой стороной проблемы индустриализации сельского хозяйства ученый считал механизацию. Он отмечал, что в перспективе социалистическое хозяйство должно основываться на крупной и совершенной технической базе, которая сотрет межи отдельных мелких крестьянских полос и участков и сольет их в социалистические латифундии [5, с. 1—2]. «Трактор — в области полеводства, электрический двигатель в обработке льна, картофеля, молока или для работы молотилки — являются необходимыми спутниками индустриализации» [4, с. 18]. Наряду с этим, указывал П. И. Лященко, индустриализация сельского хозяйства неизменно требует перехода к интенсивным плодосменным системам полеводства, к улучшенным породам откармливаемого или молочного скота и др. [9, с. 57].

Однако влияние и значение индустриализации для сельского хозяйства должны были стать шире и глубже, чем перечисленные мероприятия. Критикуя позицию Дунаевского, П. И. Лященко писал: ««Начинать» с трактора, конечно, можно, но видеть в нем панацею и исходный пункт преобразования не только экономического, но и социального строя нашего крестьянского хозяйства — это было бы то, от чего предостерегал Ленин, указывая на часто встречавшиеся у нас переоценки возможностей и на возникающие на их почве «утопии»» [8, с. 121].

Ученый полагал, что в организационном плане само индустриальное и перерабатывающее предприятие может быть или полностью объединено с сельскохозяйственным предприятием, или, наоборот, выделено особо, хотя и без разрыва организационных связей. «Поэтому такого рода процесс индустриализации может иметь место как на почве крупных, так и на почве индивидуальных мелких хозяйств. Притом этот процесс индустриализации представляет не только изменить всю экономическую организацион-

ную структуру хозяйства, но и является базой для его кооперирования и коллективизации» [4, с. 18—19]. При такой постановке вопроса индустриализация крестьянского хозяйства, не затрагивая частнохозяйственных основ крестьянского уклада, в то же время неизбежно улучшая, интенсифицируя, изменяя его систему, постепенно втягивая в процесс обобществления, должна была стать одной из тех переходных мер, которые способствовали бы росту производительных сил в крестьянском хозяйстве и вели бы его по пути обобществления. В результате этих мероприятий социально-экономические условия в полной мере подготовили бы превращение мелкого крестьянского «лошадного» хозяйства в крупное тракторное [8, с. 123].

Важное место ученый отводил инвестиционной политике, отмечая, что эффективность вложения основных капиталов в сельское хозяйство значительно ниже, чем в промышленное производство. «Однако, — писал он, — главной целью такого увеличения капитальных фондов промышленности должно быть поднятие ее производительной способности для увеличения средств производства в сельском хозяйстве» [4, с. 20]. Вместе с тем, отмечал автор, в силу известных причин индустрия не удовлетворяет потребности сельского хозяйства. Это фактически привело к хозяйственному кризису. Выход из создавшегося положения П. И. Ляшенко видел в более полном удовлетворении потребительского спроса на промышленные товары, что резко увеличило бы товарность крестьянского хозяйства.

Итак, по мнению ученого, общей предпосылкой индустриализации сельского хозяйства должна явиться индустриализация всего народного хозяйства в целом и именно в направлении усиления доли производства сельскохозяйственных средств производства. Без этого процесс индустриализации сельского хозяйства будет не то что замедлен и беспочвенен, но вообще невозможен [7, с. 25]. Для более широкого применения передовой техники, считал он, необходимо изменение всей системы хозяйства, так как не всякая техника может быть перенесена в какую угодно социальную среду. Дело в том, что в массовом крестьянском хозяйстве нелегко выделить основную отрасль производства, которую можно положить в основу индустриализации. Поэтому индустриализация крестьянского хозяйства будет идти наиболее успешно путем интегрального строительства целой цепи функционально и органически связанных хозяйственных и коллективных предприятий.

В зависимости от характера продукта, транспортабельности, условий его сбыта внутри кооперативного индустриального объединения должен образоваться сложный интегральный комплекс заводов различного назначения, тяготения и мощности. Совхозы же со своими крупными перерабатывающими заводами могли стать центрами, вокруг которых почковались бы кооперативные объединения разнопрофильного крестьянского хозяйства [4, с. 22].

Таким образом, указывал исследователь, в своей целевой установке задача индустриализации совхозов должна иметь три основных момента: установление теснейшей и органической связи с крупной государственной промышленностью и торговлей путем обслуживания их своим промышленным сырьем и продуктами питания; реорганизацию, механизацию и интенсификацию сельского хозяйства с доведением до промышленно-технических систем; реорганизацию, кооперирование и коллективизацию крестьянского хозяйства вокруг собственных промышленно-технических предприятий. П. И. Лященко обращал внимание на необходимость проведения «комплексных мероприятий» в области сельскохозяйственной политики. Недостаточно, считал он, только оборудовать одно тракторное хозяйство — с ним должны быть преобразованы все пути и связи, за ними пойдут телефоны, автомобили, починочные мастерские и пр. [6, с. 21].

Изыскания ученого в области решения проблем индустриализации сельского хозяйства, на наш взгляд, есть пример здравого понимания социально-экономических реальностей, которые сложились в середине 20-х гг. в жизни страны. Программа, предложенная П. И. Лященко, являет собой взвешенный, реалистический подход в поиске путей продвижения крестьянских единоличных хозяйств к социалистическому землеустройству на основе осуществления новой экономической политики. На практике же в силу ряда причин, рассмотрение которых выходит за рамки нашей статьи, была реализована другая программа. Победил «голый» технократизм.

В середине 70-х гг. советские ученые вновь подняли вопрос об индустриализации как важнейшем направлении преобразования села. Так, академик ВАСХНИЛ Н. П. Александров, подчеркивая ее важность, отметил: «Индустриализация сельского хозяйства сопровождается концентрацией производства, весьма важным и эффективным путем которого является кооперирование — создание межхозяйственных и аграрно-промышленных объединений и предприятий» [2, с. 279].

Постановка данной проблемы важна и сегодня, когда партия ведет неустанный поиск эффективных методов подъема сельскохозяйственного производства. Думается, что изучение и обобщение опыта науки и практики 20-х гг. может оказаться полезным при решении этих задач, поможет избежать ошибок в будущем. Богатое аналитическое наследие советской науки того периода, в копилку которого внес заметный вклад и П. И. Лященко, представляет собой важный источник изучения экономической мысли страны в переходный период.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Александров Н. П. Проблемы специализации, кооперации и кооперирования в сельском хозяйстве СССР//Новый этап в развитии сельского хозяйства СССР. М., 1975. 3. Лящен-

ко П. И. Выступление в прениях (Дискуссия о пятилетнем плане развития сельского хозяйства в СССР в Аграрной Секции Комкадемии)//На аграрном фронте. 1927. № 7. 4. *Его же*. Индустриализация сельского хозяйства//Экон. обозрение. 1926. № 3. 5. *Его же*. Очередные вопросы строительства крупных колхозов//Экон. обозрение. 1929. № 6. 6. *Его же*. Перспективы зернового хозяйства и государственные «зерновые фабрики»//Экон. обозрение. 1928. № 6. 7. *Его же*. Совхозы и индустриализация сельского хозяйства//Совхоз. 1928. № 7—8. 8. *Его же*. Тракторное хозяйство и индустриализация//Плановое хозяйство. 1926. № 4. 9. *Его же*. Хлебная проблема и повышение урожайности (К итогам дискуссии о повышении урожайности сельского хозяйства)//Экон. обозрение. 1928. № 10. 10. *Кондратьев Н. Д.* К вопросу о «Проекте основных начал землепользования и землеустройства КПЗ»//На аграрном фронте. 1926. № 9. 11. *ЦНА АН УССР*.

Поступила в редколлегия 16.12.88

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бутенко В. И.</i> Развитие сельскохозяйственной кооперации на Украине в 20-е гг.	3
<i>Калиниченко В. В.</i> Демографическая характеристика крестьянства УССР 20-х гг.	10
<i>Наумов С. А.</i> Деятельность советских органов Левобережной Украины по осуществлению аграрных преобразований в 1919 г.	17
<i>Скоробогатов А. В.</i> Охрана труда рабочего класса СССР в новейшей историографии (60—80-е гг.)	25
<i>Чувило А. А.</i> Некоторые важнейшие источники по истории внутрипартийной борьбы в Индийском национальном конгрессе в 20—30-е гг.	32
<i>Голубкин Ю. А., Дятлов В. А., Коваленко А. Б.</i> Историческое краеведение в ГДР (70—80-е гг.)	40
<i>Баев С. И.</i> Бальтазар Губмайер и Крестьянская война в Германии	47
<i>Кадеев В. И.</i> Школьное образование и воспитание в Херсонесе в первых веках н. э.	55
<i>Сергеев И. П.</i> О кризисе III века в Римской империи и его продолжительности (К постановке вопроса)	62
<i>Мартемьянов А. П.</i> О роли земледелия в экономике фракийских земель в античную эпоху	65
<i>Латышева В. А.</i> К методике обработки амфорного материала	70
<i>Шрамко Б. А.</i> Усадьба скифской эпохи на Бельском городище	77
<i>Буйнов Ю. В., Михеев В. К.</i> Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине	87
<i>Крыганов А. В.</i> Восточноевропейские кочевнические удила VII—X вв.	95
<i>Митряев А. И. Г. Н.</i> Лозовик как историк	102
<i>Синкевич Е. Г.</i> Индустриализация — ключевое направление переустройства сельского хозяйства в условиях нэпа (К изучению научного наследия П. И. Лященко 20-х гг.)	106

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 343

История

Выпуск 23

Редактор *И. К. Раузова*
Художественный редактор *Т. П. Короленко*
Технический редактор *Л. Т. Ена*
Корректор *Л. Н. Быкова*

№ 13752 — ОИБ

Сдано в набор 10.08.89. Подписано в печать 31.10.89. БЦ 15833.
Формат 60×90/16. Бум. тип. 2. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 7. Усл. кр. отт. 7,25. Уч.-изд. л. 8,9. Тираж
500 экз. Изд. № 1719. Зак. 1308. Цена 1 р. 30 к. Заказное.

Издательство при Харьковском государственном университете.
310003 Харьков, ул. Университетская, 16.

Харьковская городская типография № 16.
310003 Харьков, ул. Университетская, 16,

